

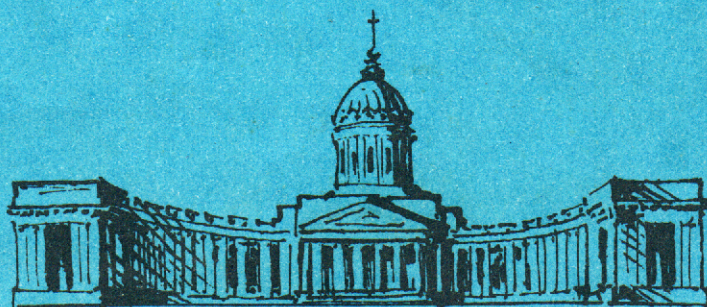

Санкт-Петербургские епархиальные ведомости

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПАТРИАРХ ГЕРМОГЕН

Воспоминания проф. Н. А. Мещерского
Православное учение о посмертной судьбе души
ЧТО ГОВОРИТ ЦЕРКОВЬ ОБ АБОРТАХ

3-4/1991

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

Неофициальная часть

МЕСЯЦЕСЛОВ

Вербное воскресенье (Вход Господень в Иерусалим)	7
Священномученик Патриарх Гермоген	9

ДОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

(Чудотворные иконы Божией Матери)

Феодоровская икона Божией Матери	11
--	----

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Прп. Симеон Новый Богослов. Слово тридцать второе	15
---	----

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

Об удалении от чтения книг, содержащих в себе лжеучение	17
---	----

ПРОПОВЕДЬ

Митр. Мелетий Никопольский. Что говорит Церковь об абортах	19
--	----

НАШИ ХРАМЫ

И. В. Попов. Церковь Божией Матери Одигитрии Смоленской на Смоленском кладбище	21
--	----

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Страдания России не могут не принести свет миру (Беседа с Н. А. Струве, редактором «Вестника РХД»)	25
---	----

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Свящ. Анатолий Жураковский. «Россия, моя Россия...» (Стихи)	28
Проф. Н. А. Мещерский. Отрывки воспоминаний	29

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Е. Поселянин. Идеалы Христианской жизни (Продолжение)	33
Стихи: А. С. Пушкин. Великопостная молитва	46
А. Н. Апухтин. Моление о чаше	46

Издание Санкт-Петербургской митрополии

Редакторы отделов: В. В. Антонов и И. В. Попов; зам. отв. секретаря С. Г. Мамай; техн. редактор И. А. Шумакова.
Фото Ю. Г. Корытченкова.
Адрес редакции: Обводный канал, 17.

Сдано в набор 12.11.91. Подписано в печать 26.12.91. Формат 60×90^{1/8}. Бумага документальная МФ-2. Печать офсетная. Печ. л. 12. Тираж 10 000 экз. Заказ 1507.
«Печатный Двор». 197110. Санкт-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15.

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

МАРТ

Вечером 1 марта 1991 года в Малом Драматическом театре состоялся вечер памяти Федора Абрамова «Веркольская вечера». Собранные на вечере средства пошли на восстановление Артемиевского Веркольского монастыря Архангельской епархии.

Встреча духовенства и мирян епархии с Н. А. Струве.

В воскресенье, 3 марта, в 2 часа дня в актовом зале Духовных школ началась встреча митрополита Ленинградского и Ладожского Иоанна, ректора Ленинградских Духовной Академии и Семинарии прот. Владимира Сорокина, духовенства и мирян епархии с историком литературы, директором издательства «ИМКА-ПРЕСС» и редактором выходящего в Париже журнала «Вестник Русского Христианского Движения» Н. А. Струве. Рассказав об истории, нынешних задачах и деятельности издательства, Никита Алексеевич ответил на многочисленные вопросы собравшихся.

На следующий день, 4 марта, в квартире-музее А. С. Пушкина на Мойке, 12, в торжественной обстановке открылась доставленная из Франции выставка книг издательства «ИМКА-ПРЕСС», посвященная 60-летию учреждения этого издательства. Ввиду болезни митрополита Иоанна, Святейшим Патриархом Алексием II на выставку был направлен управляющий делами Московской патриархии митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир, который перед открытием выставки отслужил молебен и зачитал послание Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II устроителям выставки по случаю ее открытия, в котором Патриарх пишет: «Да поможет вам Бог и впредь обильно сеять семена веры и духовного просвещения на все расширяющемся поле сердец человеческих». В церемонии открытия

Н. А. Струве беседует со слушателями Духовной Академии и Семинарии.

выставки принял участие Н. А. Струве, при содействии которого она устроена.

Более 500 названий книг были представлены на выставке, среди них — произведения известных русских богословов, писателей, поэтов, ученых, философов: книги о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, Николая Бердяева, Андрея Платонова, Михаила Булгакова, Марины Цветаевой, Александра Солженицына, документальный альбом Петра Паламарчука «Сорок сороков» в 4-х томах со сведениями о всех храмах, соборах и монастырях, существовавших в Москве на 1917 год. Посетители выставки могли не только увидеть, но и прочесть заинтересовавшие их книги.

5 и 7 марта Н. А. Струве выступил в музее имени А. С. Пушкина с лекциями.

4 марта 1991 года по инициативе медицинского персонала инфарктного отделения больницы Ленина (бывшая больница Покровской общины сестер милосердия) состоялась панихида по А. А. Ахматовой по случаю 25-ой годовщины со дня ее смерти. Здесь последние годы лечилась поэтесса, а также писала стихи. В помещении больницы открылась выставка, посвященная ее жизни и творчеству. Панихиду по поэтессе, с благословения митрополита Ленинградского и Ладожского Иоанна, отслужил настоятель церкви Смоленской Божией Матери на Смоленском кладбище прот. Виктор Московский. Им же был отслужен молебен о здравии тех, кто лечится и трудится в больнице бывшей Покровской общины сестер милосердия.

6 марта состоялось первое заседание особой комиссии Ленгорисполкома с участием представителей епархии, посвященное судьбе Казанского собора. Епархия настаивает на полном возвращении храма верующим.

8 марта 1991 года в передаваемый Церкви Иоанна-Богословский Черемнецкий мужской монастырь, что лежит к югу от Луги, приехали клирики Свято-

Троицкого собора Александро-Невской Лавры, которому епархией поручено восстановление монастыря во главе с наместником собора прот. Игорем Мазуром. Крестным ходом с иконой Преображения Господня они прошли по Черемнецкому полуострову вокруг монастырской горы к церкви Спаса Преображения, где был отслужен молебен перед началом реставрационных работ.

Епархиальная конференция Всецерковного Православного молодежного движения.

9 и 10 марта в Ленинградских Духовной Академии и Семинарии проходила епархиальная конференция Всецерковного Православного молодежного движения, созванная впервые за годы советской власти. На ней было воссоздано местное отделение Православного молодежного движения. Христовы слова «Вы — свет мира» (Мф. 5.14) стали девизом и главной темой конференции. Собравшиеся затронули вопросы создания в приходах воскресных школ, организации курсов катехизаторов, восстановления и реставрации храмов, благотворительной и миссионерской деятельности.

Перед участниками конференции выступили ректор Ленинградских духовных школ прот. Владимир

Черемнецкий Иоанно-Богословский мужской монастырь. Крестный ход перед началом восстановительных работ в монастыре.

Успенское подворье Оптиной пустыни в Петербурге.

Сорокин и директор парижского издательства «ИМКА-ПРЕСС» Н. А. Струве, рассказавший о том, как русское студенческое христианское движение возрождалось в эмиграции. Он сказал: «...ваше движение ни в коем случае не должно оставаться только в храме, а идти в мир и возделывать его. Нужно выйти на творчество и делание добра, чтобы свет Христов преображал все сферы жизни... Я рад, что мое пребывание в граде святого Петра совпало с этим событием, с возрождением прекрасной традиции...».

На конференции решено было открыть курсы катехизаторов; к настоящему моменту подготовлены три программы по восстановлению и реставрации храмов. На территории возвращенного Церкви Рождество-Богородичного Коневецкого монастыря летом этого года решено было организовать молодежный реставрационный лагерь, который в будущем должен стать постоянно действующим.

Настоятель Владимирского собора г. Кронштадта о. Владислав Клановец, возглавляющий консуль-

Встреча мирян епархии с насельниками Оптиной пустыни. Настоятель Петербургского подворья монастыря иеромонах Иннокентий.

тационный центр для приходов, призванный помочь прихожанам в восстановлении и реставрации храмов, поделился опытом привлечения к восстановлению храмов военных строителей.

Конференция признала необходимым создать специальный совет для контроля за соблюдением канонических правил при реставрации храмов, в который войдут представители епархии, историки архитектуры, искусствоведы, а также организовать реставрационные мастерские.

В завершении конференции участники ее, говоря о главном направлении своей дальнейшей деятельности, сказали, что ныне настало время, когда, осмыслив Русскую Голгофу, нам нужно молиться и созидать.

13 марта 1991 года в наш город из Москвы прибыл епископ Истринский Арсений, возглавивший комиссию по освидетельствованию мощей святителя Иоасафа Белгородского, спасенных от уничтожения в 1970 году реставратором А. В. Соколовым, и вновь обретенных 28 февраля сего года в Казанском соборе. Ныне мощи святителя перенесены в алтарь Спасо-Преображенского собора, где во второй половине дня и состоялось их освидетельствование.

Вечером того же дня в Доме кино на Манежной площади состоялся благотворительный вечер в пользу Свято-Успенского подворья Свято-Введенской Оптиной пустыни в Ленинграде, на котором выступили насельник Оптиной пустыни игумен Мелхиседек и настоятель подворья иеромонах Иннокентий. Были прочитаны доклады о старцах Никоне и Варсонофии, о пророчествах оптинских старцев, о тесных связях Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, о Павла Флоренского с монастырем; были показаны документальные фильмы об Оптиной пустыни.

14 марта в музее-квартире А. А. Блока открылась выставка «Оптина пустынь и русская культура».

В этот же день Исполкомом Ленсовета было принято решение о возвращении Церкви закрытых в 1918 году храмов Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади и Вознесенской церкви в Колпино. По этому случаю настоятелями этих храмов в бывшем Никольском соборе Марининского дворца был отслужен благодарственный молебен.

Вечером у храма Спаса-на-Крови (Храм Воскресения Христова) настоятель Спасо-Конюшенной церкви о. Владимир Цветков отслужил панихиду по Императору Александру II в день 110-й годовщины его убийства.

21 марта 1991 года над куполами Иоанновского женского монастыря на Карповке (ныне подворье Пюхтицкого Свято-Успенского монастыря) были подняты три креста — над малыми куполами храма во имя Двенадцати Апостолов. В настоящее время идет создание собственных звонов монастыря: 15 старых и новых колоколов его звонницы настраивает знаток русских церковных звонов В. В. Лоханский.

25 марта 1991 года на заседании Священного Синода в Москве принято решение открыть в Ленинградской епархии Рождество-Богородичный мужской монастырь на острове Коневец в Ладожском озере, утвердив его наместником архимандрита Назария (Лавриненко).

Ковенецкий Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь на острове Ковенец в Ладожском озере.

АРХИЕРЕЙСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ И РУКОПОЛОЖЕНИЯ

1 марта 1991 года, в пятницу, Высокопреосвященный митрополит Иоанн совершил в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры литургию Преждеосвященных Даров.

В субботу, 2 марта, в праздник священномученика Гермогена, Патриарха Московского, митрополит Иоанн совершил всенощное бдение в Спасо-Преображенском соборе Ленинграда.

На следующий день, в воскресенье, 3 марта, в праздник св. Григория Паламы, он возглавил служение Божественной литургии в храме Св. Иоанна Богослова Ленинградских Духовной Академии и Семинарии. За литургией Владыкой во диакона был рукоположен Александр Ганьжин, командированный в Петропавловскую церковь города Любани.

В субботу, 9 марта, митрополит Иоанн служил в Свято-Троицком соборе Александро-Невской

Лавры всенощное бдение, а 10 марта, в воскресенье, Крестопоклонной седмицы Великого поста, Владыка в том же храме совершил Божественную литургию, рукоположив во диакона Андрея Афтана, получившего командировку в Петропавловскую церковь в Вырице.

В Лазареву субботу, 30 марта, Владыка совершил всенощное бдение в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

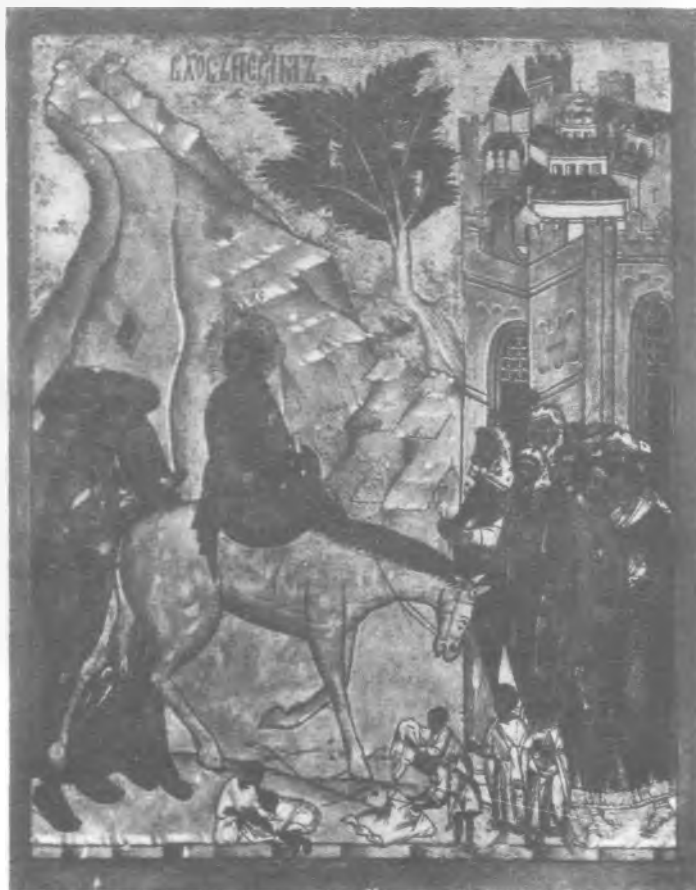
В Вербное воскресенье, 31 марта, в светлый праздник Входа Господня в Иерусалим, в Свято-Троицком соборе Лавры митрополит Иоанн возглавил Божественную литургию. В тот же день в Спасо-Преображенском соборе за Божественной литургией Высокопреосвященным архиепископом Никоном во диакона рукоположен Павел Староста, направленный в командировку в церковь Казанской Божией Матери в Зеленогорске.

МЕСЯЦЕСЛОВ

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ

Грядет, идет Христос ко Иерусалиму, яко Царь, сидя на жребята осли, языческое бессловесие подклонити под ярем Отцу.

(Канон 2-й понедельника Вайй, п. 1, тр. 2)

Праздник Входа Господня в Иерусалим имеет свои внешние и внутренние особенности. Внешне он является преддверием Страстной седмицы и с нею как бы сливается, так же как и в предпразднестве своем (седмиче вайй) он сливается с памятованием воскресения Лазаря. Эта связь отражается и в тропаре праздника, где говорится не о входе Господнем в Иерусалим, но именно о воскресении Лазаря. «Общее воскресение прежде Твоея страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже.» То, что явилось, по Евангелию от Иоанна (Ин. 12, 18), внешним основанием для торжественной встречи народом Господа, вмещается как бы в самую силу празднования. Праздник этот, единственный из всех не имеет поприазднества, если только не считать таковым Страстной седмицы. Но и внутренне этот праздник срастворен с мыслью о вольной страсти и с шествием ко кресту, и царское величие здесь есть победа крестная, попрание смерти смертию: «на престоле херувимсте и на жребяти возседый нас ради и ко страсти вольней достигий, днесь слышишь детей, возглашающих осанна...». Христос есть Царь, но Царство Его не от мира сего, и Он являет Свое Царство в мире кротостью и послушанием распинаемой любви. Крест есть Его оружие, пропятие на нем есть Его победа. Он есть Владыка твари, Творец и Промыслитель, Чудотворец и Воскреситель, Он есть Царь царствующих, но Он ищет иного царства в творении — не всемогущества, но любви, не власти, но жертвы, не покорения, но убеждения: «не воинством, не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф» (Зах. 4, 6). И знамение победы Его есть крест — скипетр страдающего Бога, под сень которого все призываются: «Днесь благодать Святого Духа нас собра, и вси взявши крест Твой глаголем: благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних» (стих. праздника на Господи воззвах).

Господь вступил в мир, родился как Царь Иудейский, и как таковой же Он принял и крестную смерть. Звезда вифлеемская, возвестившая рождение Царя Иудейского, привела избранных, мудрых волхвов, поклониться Ему, и ответом мира было Иродово неистовство: избиение младенцев. Оно предназначено было для родившегося Царя, но еще не пришло время Его. Оно настало для Него тогда, когда Он сам совершил Свой царский вход «нас ради на заклятие грядый волею». И Он сам исповедовал себя Царем перед Пилатом, и это исповедание было запечатлено в надписи на кресте и явлено было в силе и славе в воскресении Христовом. Посему и во втором Своем пришествии и Страшном Суде именует Он Себя: Царь (Мф. 25, 34). Его звезда, ярко загоревшись на небе, быстро падает и гаснет в строгой и величественной скорби великих дней Страстей Христовых. В течение земного служения Христова всякое явление Его царственной власти над миром в чудотворениях потрясало видевших, хотя и не всегда пробуждало в них добрые чувства. Обычно Господь и Сам запрещал разглашать о Своих чудесах. Был случай, когда, после чудесного насыщения народа, хотели «придти, нечаянно взять Его и сделать царем» (Ин. 6, 15), но Он удалился. И обычно, хотя Он никогда не отрицал Своего царственного достоинства «Сына Давидова», Он сокрывал Свою царственность под образом смирения Своего. Однако пред Своею страстью Господь поступил иначе: совершив в присутствии народа потрясающее чудо воскресения четырехдневного мертвеца, Он не только не уклоняется от народного торжества, но напротив, как будто идет навстречу ему. Он Сам посылает апостолов привести ослицу и осла и, воссев на них, торжественно вступает во Святой град, встречаемый и приветствуемый как Царь «благословен Царь, грядый во имя Господне!» (Лк. 19, 38). Это было всенародное явление Царя Иудейского, и Господь в этот день был поистине Царем во Иерусалиме. Это событие по важности своей было предуказано в пророчествах, которые раскрылись перед очами богодухновенных евангелистов: «Радуйся зело, дщи Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведен и спасающий» (Зах. 9, 9). На это же указывает Церковь в избранных для праздника паримийных чтениях, кроме пророчеств Захарии и Софонии, здесь читается благословение Иакова Иуде как царственному корню: «не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресел его» (Быт. 49, 10).

Господь хотел явить Себя Царем ранее Своей вольной страсти, и Он, во исполнение этого хотения, совершил Свой царский вход, не по образу завоевателей и насильников, но как победитель смерти, Царь кроткий и спасающий, покоряющий сердца, возлюбленный и царствующий силой любви. Это явление непосредственно было во ободрение и уверение учеников пред страшным испытанием веры во время вольной страсти Христовой, во внимание и снисхождение к их человеческой немощи. Однако оно

имеет и самостоятельное значение, ибо без такого явления не раскрылась бы в мире полнота боговоплощения. В данном отношении нынешний праздник имеет сродство с Преображением Господним, которому также присуща обращенность к вольной страсти («да егда Тя узрят распинаема, страдание уразумеют вольное». *Кондак Преображения*). Господь завесой плоти сокрывал свет Божества Своего, Он явился пред ними в славе на горе Фаворской. Земля узрела Его свет присносуший. Подобно и царственное величие Его, как Царя царствующих, которое всегда оставалось сокрыто в Учителе, не имеющем где главу подклонить, должно было воочию явиться на земле — во свидетельство истины. Это земное явление Небесного Царя и совершилось во входе Господнем в Иерусалим, его Церковь по важности события и выделяет как двенадесятый праздник (хотя, казалось бы, так естественно было бы связать этот праздник с Лазаревым воскресением).

Двенадесятые праздники, относящиеся к основным событиям в деле нашего спасения, имеют значение не только воспоминательное, но и совершительное. Сила их остается в жизни Церкви и действует в ней. Свет Фаворский, явленный в Преображении, по учению Церкви, остается видим и ныне сего достойным. Христианство знает на земле не только гонения, скорби и крестную муку, но и победы и одоление. Воспитывающее и укрощающее сердца влияние Церкви в мире, которое проявлялось во все времена ее существования, не есть ли свидетельство об этом? Не есть ли оно явление власти Царя-Христа, хотя и не от мира сего, но и над этим миром? Тайнственные пророчества Ветхого и Нового Завета содержат обетования не только о пришествии Царствия Божия за гранью этого мира, но и об явлении его и в этой жизни. Оно не становится от того царством от мира сего, но, однако, не является и бессильным в этом мире. Напротив, оно должно быть явлено миру в той предельной силе, в какой он только способен его вместить, во свидетельство истины Христовой, еще прежде его конца. И оно бывало являемо миру в избранные времена его истории, в блаженные часы его. Но кто же решится сказать, что эти часы уже навсегда миновали, и что сила Царского Входа Господня себя исчерпала, что действие ее лишь позади, а не впереди? И не окажется ли такое слово лишь человеческим малодушием, которое ищет укрыться от исполнения долга под сень креста? Да не будет! Посему день праздника Входа Господня да явится нам источником радостной бодрости и христианской надежды, да обновятся силы наши к деланию в вертограде Христовом, к работе для Царствия Божия и внутри нас, и вне нас, здесь на земле! Ибо на этой земле люди постигали одежды и зывали: Исанна! И чрез путь земной прошел Христос, и мы с Ним восходим к славе Его. Работайте Господеви со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом!

о. Сергей Булгаков

Священномученик Патриарх ГЕРМОГЕН

Память 2 марта (17 февраля)

«Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою; и мы должны полагать души свои за братьев.»

(1 Ин., 3, 16)

О ранних годах Патриарха Гермогена сохранилось мало сведений. Доподлинно известно, что он был священником гостинодворской церкви свт. Николая в Казани во время обретения чудотворной иконы Казанской Божией Матери. Он первый удостоился принять новоявленную икону и показать ее народу, составил тропарь «Заступница усердная» и написал

«Сказание» о ее явлении и чудесах. В 1587 году, когда свт. Гермогену было уже около шестидесяти лет, умерла его жена, и он постригся в монахи. Его ум, твердость в делах веры и ревность к служению определили скорое поставление свт. Гермогена в игумены, архимандриты, а через два года — в митрополиты Казанской и Астраханской епархий.

Казань не так давно была присоединена к Московскому государству, и святитель принял на себя апостольский крест. Много трудов он положил, просвещая казанскую землю: перво-наперво, узнал и собрал в Синодик имена всех русских, погибших при покорении Казани, и назначил день общего поминовения по церквям; преуспел с Божией помощью в деле прославления казанских святых — при нем были открыты мощи свт. Романа Угличского, святителей и чудотворцев Гурия и Варсонофия, его предшественников. Особо пекся свт. Гермоген об обращении татар в Православие. Для новокрещенных велел строить храмы и возводить новые дома, чтобы они селились отдельно от иноверных, во избежание смут.

Семнадцать лет нес слово Божие свт. Гермоген казанскому народу, но все его тяжкие труды были лишь приготовлением к тому великому подвигу, который ему суждено было совершить на склоне лет.

В 1605 году на Московском престоле воцарился дерзкий самозванец, назвавшийся именем убиенного царевича Димитрия, сына Иоанна Грозного. Приведенный в Россию щедростью польского короля, хитростью иезуитов и папским покровительством, он обещал Сигизмунду III российские земли, а католикам — подчинение православных Ватикану. Наводнив Россию поляками, сам тайно крестившись в католичество, Лжедмитрий многое стал преобразовывать на польский манер. Низложив законного Патриарха, святителя Иова, он поставил послушного полякам Игнатия, а из всех российских иерархов учредил Сенат.

Как член Сената свт. Гермоген вынужден был приехать в Москву. Открытое глумление над верой, которое он увидел при дворе самозванца, поразило святителя. Лжедмитрий превратил царствование в бесконечный праздник: как и все католики, не придерживался постов, православные обряды соблюдал кое-как, для вида, имел наложниц и собирался венчать на русский престол польскую дворянку Марину Мнишек. При общем молчании запуганного духовенства свт. Гермоген и Коломенский епископ Иосиф

единственные выступили супротив, требуя крещения Марины и соблюдения благочестия, за что были сосланы под стражей.

Через год Лжедмитрий был свергнут народом, возмущенным приверженностью нового царя латинству, который под конец уже допускал даже в Кремле священнодействия иезуитов по римскому обряду. Престол занял главный организатор восстания Василий Шуйский, а митрополит Гермоген 3 июля 1606 года был возведен в сан русского Патриарха.

Не успели еще все города присягнуть Шуйскому, как появились новые мятежники: сначала — Иван Болотников, а потом и другой искатель богатства и славы в истерзанном Отечестве, объявивший себя спасенным Лжедмитрием. Патриарх приказал всей Москве поститься в течение шести дней и молить Бога о прощении грехов, а во все концы разослал грамоты с призывом постоять за Веру, Отечество и Царя. Он кропил святой водой и благославлял крестом царские войска, идущие на сражение с бунтовщиками, великой силой и мужеством поддерживая падшего духом Государя.

Со всей страны потянулись добровольческие отряды и стали теснить Лжедмитрия II, расположившегося лагерем в Тушино (за что он получил прозвище «тушинский вор»). Но вспыхнул новый мятеж, Шуйского низложили и постригли в монахи. Среди бесчинств свт. Гермоген один встал на защиту закона, терпя унижения от беснующейся черни.

С утверждением в 1609 году «Семибоярщины» Гермоген оказался в полной духовной изоляции. Бояре хотели посадить на русский престол польского царевича Владислава. Их прельщал внешний блеск западной культуры, столь далекой от отечественного благочестия, созерцательного, отрешенного от мирской суетности. Ленивые души, ища легкого пути, готовы были предать русскую святость на поправление католикам. Свт. Гермоген снова в одиночестве защищал Православие. Он выступил за русского Царя и первым назвал имя Михаила Романова, который впоследствии стал основателем новой царской династии. Но Боярская Дума утвердила Владислава и направила послов к Сигизмунду III; призвание царевича было лишь ширмой для добровольного присоединения России к Польше. Сентябрьской ночью 1610 года правители впустили в православную Москву польские войска под угрозой «Тушинского вора» и здесь же стали требовать у свт. Гермогена, чтобы он благословил народ на присягу польскому королю.

Святой старец твердо ответил, что проклянет всякого, кто пристанет к их совету. Собрав народ в Успенском соборе, он поведал москвичам о боярском предательстве и повелел «королю креста не целовать». После гибели Лжедмитрия II, когда полякам стало нечем оправдывать свое пребывание в России, Патриарх обратился с призывом к открытому сражению с оккупантами, посягнувшими на самую душу народа, — Православную веру.

Наконец, русская земля вняла своему первосвященнику и уже не отступаясь слушала только его. Всюду собирались ополчения и двигались к Москве.

Бояре-изменники Мстиславский, Салтыков и Андронов с польским главарем Гонсевским, не имея возможности низложить Патриарха, надеялись уговорить, обольстить старца. Они снова явились с просьбой благословить народ на присягу Сигизмунду III, лицемерно моля остановить кровопролитие, но натолкнулись на решимость свт. Гермогена стоять за православную Русь. Страх и бессилие перед твердостью и мужеством святителя сорвали маски с их злобных личин. В гневе Салтыков закричал: «Я убью тебя!» — и замахнулся на Патриарха ножом. Но свт. Гермоген даже не дрогнул. Он осенил изменника крестом и произнес: «Не страшусь ножа твоего, но вооружаюсь силою креста Христова против твоего дерзновения. Будь же ты проклят от нашего смирения в этом веке и будущем». В ужасе Салтыков упал перед святителем на колени и стал молить прощения. И сколь велик дух был у этого старца, что он простил преступника.

Тогда Мстиславский и Гонсевский пригрозили ему заточением и мучительной смертью. Святой непоколебимо отвечал: «Что вы мне угрожаете? Единого Бога я боюсь. Вы мне обещаете злую смерть, а я надеюсь получить чрез нее венец Небесный. Уйдите вы все, польские люди, и тогда я благословлю всех отойти прочь. А если вы останетесь, мое благословение: всем стоять и помереть за Православную веру».

Его бросили в подземелье Чудова монастыря. Первое ополчение после убийства предводителя П. П. Ляпунова распалось. Тогда Патриарх пишет в заточении свою последнюю грамоту в Нижний Новгород, которую передал 5 августа 1611 года тайно пробравшемуся к нему Родиону Мосееву. По слову его Дмитрием Михайловичем Пожарским и Козьмой Мининым была собрана новая рать, которая через год изгнала завоевателей из столицы, а через несколько лет очистила пределы Московского царства.

Изменники, моря Патриарха голодом, пытались спасти и заставить мученика остановить полки. Но умирающий святитель проклял своих палачей и благословил народ, идущий на освобождение Москвы.

Он почил 2 марта (17 февраля) 1612 года. Через 40 лет нетленные мощи свт. Гермогена из Чудова монастыря по повелению Царя Алексея Михайловича были перенесены в Успенский собор Кремля. Здесь для записи множества бывших от них чудотворений велась специальная книга. Спустя три века священномученик Патриарх Гермоген был прославлен русской Церковью как пострадавший от католиков за Православную веру.

Великий подвижник земли русской, сумевший защитить ее от иезуитской хитрости и рабства у папской власти, святителю отче Ермогене, моли Бога о нас!

О. В. Губарева

ДОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Чудотворные иконы Божией Матери

ФЕОДОРОВСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Феодоровская икона Божией Матери, являющаяся одной из величайших святынь Православия и русского народа, была, по преданию, написана святым Евангелистом Лукой, но когда и кем принесена в Россию, неизвестно. С начала XII века эта чтимая в народе древняя икона Божией Матери находилась в часовне, стоявшей вблизи города Китежа. Святой великий князь Георгий Всеволодович († 4 марта 1238 г.) *, устроая Китеж, по желанию жителей хотел перенести в город и этот образ, но несмотря на все усилия не мог сдвинуть его с места. Тогда он решил устроить на этом месте обитель, назвав ее Городецкою, по расположению ее недалеко от г. Городца (ныне — в Нижегородской области). В 1154 году святую икону Божией Матери торжественно перенесли в храм новосозданной обители.

Во время нашествия Батыя в 1238 году монастырь был превращен в руины, сгорев в пламени пожара, но икона Божией Матери сохранилась невредимой и вскоре была чудесным образом обретена удельным князем Костромским и Галическим Василием Квашней (1218—1276), мизинным (младшим) сыном князя Ярослава Всеволодовича и братом св. благ. князя Александра Невского. 16 августа, заблудившись на охоте, преследуя какого-то зверя, он вдруг увидел пред собой на сосне икону Божией Матери. Князь хотел взять ее, но едва прикоснулся, как она поднялась на воздух. Повергшись на землю, долго молился князь перед чудотворной иконой, а затем, вернувшись в Кострому, рассказал о случившемся духовенству и народу. Отправившись вторично на место явления иконы, ее опять нашли на сосне. Все с умилением пали на колени и старший иерей вознес молитву Божией Матери: «О, Премилостивая Богородице, Небесная Царице! Зрим телесный образ Твой, написанный на иконе сей с держимым на руке Твоей Предвечным Младенцем; радуемся грешные рабы Твои и с умилением предаем к чудотворному обра-

зу Твоему. Услыши молитвы нас грешных, яви милость Твою людям Твоим, ибо Ты, Госпоже, Надежда и Заступница всех, уповающих на Тебя и просящих Твоей святой помощи».

Совершив молитву, священники благоговейно приняли на руки святую икону, принесли ее в город и поставили в соборном храме. На следующий день весть о явлении и перенесении в Кострому чудотворной иконы облетела город, и на поклонение ей стали стекаться многочисленные толпы народа. Утром в храме жители сказали князю, что до отбытия его на охоту некоторые люди видели, как эту самую икону нес по городу человек в богатой воинской одежде, внешне очень похожий на св. великомученика Феодора Стратилата, как его изображают на иконах...

Это чудесное явление св. Феодора Стратилата и то, что икона была помещена в соборе памяти того же святого, дали ей название Феодоровской. На месте явления иконы, на берегу речки Запрудни, князем был основан монастырь во имя Спаса Нерукотворного Образа, и ежегодно 16 августа в тот монастырь (позднее — Спасо-Запрудненскую церковь) бывал вплоть до 1920-х годов крестный ход в воспоминание явления Феодоровской иконы Божией Матери.

Спустя некоторое время после обретения иконы князем Василием Ярославичем в Кострому пришли люди из разоренного татарами Городца и узнали святой образ, который много лет охранял их город. По их просьбе князь дозволил снять с иконы Феодоровской Божией Матери точный список, который был возвращен в Городецкий монастырь. 14 ноября 1263 года им перед своей кончиной был благословлен преставившийся в Городецком Феодоровском монастыре схимонах Алексей — святой благоверный князь Александр Невский, — принявший здесь иноческое пострижение с именем Алексия, а затем и схиму.

Однажды костромская соборная церковь, где стояла икона, сгорела от пожара, но сам образ был найден на пепелище неповрежденным. На месте сгоревшего храма был возведен новый, а икона была укра-

* Все даты приведены по старому стилю.

шена золотом, серебром, драгоценными камнями и жемчугом и помещена в киоте за престолом.

Около 1260 года к Костроме подступили татары, угрожая городу полным разорением. Не надеясь на свои силы, князь и народ возложили всю надежду на Пресвятую Богородицу. Князь молил Ее, став пред чудотворным образом: «Мольбы Твоих рабов прими, Богородице, Заступнице и прибежище наше; и к кому прибегнем мы грешнии, кроме Тебя, Владычице? Ты — Покров наш и Заступление; и ныне не оставь нас погибнуть до конца, избави град сей и людей Твоих, и всякую страну христианскую от нашествия иноплемennых. Помяни рабов своих, не призри слез и вздыхания нашего, да утешимся радостью, имея в Тебе помощницу нашу». Князь, памятуя о том, что кн. Андрей Боголюбский, выступая на брань, брал с собой образ Владимирской Божией Матери, и, благодаря Ее заступничеству, победил волжских болгар, приказал поднять из собора чудотворную икону Феодоровской Божией Матери, и с упованием на Ее Небесное заступничество повел свое войско против татар. Священники шли за войсками, несли образ Божией Матери и служили молебны. Когда русские и татарские войска сблизились, от чудотворного образа внезапно воссияли лучи светлее солнечных и устремились на татар, полаяя их. В ужасе и смятении бежал неприятель с поля битвы, не причинив русским никакого вреда. В память о дарованной победе над врагом князь повелел на том месте, где стояла икона во время битвы, поставить крест; само место это стало называться в народе Святым, близлежащее озеро получило также название Святого, а основанное впоследствии на его берегах селение — Святой Веси. Позднее на том месте была поставлена деревянная часовня во имя Феодоровской Божией Матери, замененная в начале XVIII века каменной. Стены и своды ее изнутри расписаны на тему чудес от Феодоровской чудотворной иконы; сама же часовня и поныне сохраняется в окрестностях Костромы.

Некоторое время спустя после описанных событий в Костромской соборной церкви вновь случился пожар. Бросившись спасать от огня чудотворную икону, народ вдруг увидел, что она стоит на воздухе над пламенем пожара. Люди, думая, что она хочет оставить город за грехи жителей, со слезами стали приносить раскаяние во своих грехах, умоляя Пречистую Богородицу не лишать град величайшей святыни. Тогда чудотворная икона опустилась на землю и стала посреди площади на земле, поддерживаемая невидимою силою. Вскоре для временного помещения иконы была построена небольшая деревянная церковь, а позже каменная, в которой и была поставлена икона подле царских врат, у правого клироса.

В тяжелейшее для России Смутное время, сразу же после изгнания из Москвы поляков силами Русского народного ополчения, возглавляемого Козьмой Мининым и кн. Дмитрием Пожарским, из Москвы в Кострому отправилось посольство, посланное Земским Собором от лица всей Русской Земли, к жившему там со своею матерью юному боярину Михаилу Феодоровичу Романову для призвания его на царство. Состояло посольство из Рязанского архиепископа Феодорита, Чудовского архимандрита Авраамия, Новопасского архимандрита Иосифа, Троицкого келаря Авраамия Палицына, настоятелей Архангельского и Благовещенского соборов Московского Кремля, боярина Ф. И. Шереметева, окольничих,

стольников, дворян, детей боярских, атаманов, казаков и множества людей всякого рода. Посланные несли с собой образа Владимирской Божией Матери и Чудотворцев Московских Петра, Алексия, Филиппа и Ионы.

В Костроме посольство было встречено городским духовенством, вышедшим к нему крестным ходом с чудотворным образом Божией Матери Феодоровской. Вместе уже они направились в расположенный на берегу Волги Троицкий Ипатьевский монастырь, где в то время жил Михаил Феодорович. Юный боярин долго отказывался принять на себя тяжкое бремя управления государством, и его мать, инокиня Марфа Иоанновна, страшась за судьбу юного сына, не хотела отпускать его на Царский престол. Долго молил ее архиепископ Феодорит со всем собором, но она оставалась непреклонна. Наконец, архиепископ, взяв образ Владимирской Богородицы, а Авраамий Палицын — образ Чудотворцев Московских, поднесли их старице и твердым голосом сказали: «Пречистая и чудотворная икона Пресвятыя Богородицы и великие святители Христовы шествовали с нами в отдаленный путь, если не склоняетесь на милость ради нас, по крайней мере, ради чудотворного образа Царицы всех и Богоматери и ради великих святителей, не преслушайте, и сотворите повеленное вам от Бога: ибо воистину от Бога вы избраны. Не прогневайте всех, Владыку и Бога». После этих слов Марфа Иоанновна не могла более противиться. Пропливая слезы умиления, она поверглась ниц пред Феодоровскою иконою Божией Матери, и затем, подведя к иконе сына, благословила его и, стоя пред образом, произнесла: «Да будет святая воля Твоя, Владычице! В Твои руки предаю сына моего. Наставь его на путь истины, на благо себе и Отечеству». Михаилу, просившему мать не соглашаться, она отвечала: «Се — дело Божие, а не человеческое: не смею противиться». Тогда он, обращаясь к послам, сказал: «Когда есть на то воля Божия и воля Государыни матери моей, — буди тако».

После этих слов он преклонил главу свою для принятия благословения от архиепископа, который тотчас же возложил на плечи его царские бармы, а боярин Шереметев вручил ему скипетр. Избранный государь тогда же был возведен на престол, приготовленный для него посреди Троицкого собора Ипатьевского монастыря, и провозглашен Царем и Самодержцем Всея России. Так после Смутного времени была восстановлена русская государственность, свершен поворот к окончательному изгнанию из страны иноземных захватчиков, долгие годы попиравших православные русские святыни, к собиранию воедино расхищенного Смутой государства Российского и избавлению его от бед и скорбей. Когда один из польских отрядов, еще остававшихся на русской земле, узнал об избрании Михаила Феодоровича Романова на царство и хотел устранить его, юный Царь был спасен благодаря самопожертвованию костромского крестьянина Ивана Сусанина.

В день восшествия Царя Михаила Феодоровича на престол, 14 марта 1613 года, было установлено ежегодное празднование Феодоровской иконы Божией Матери. Список с чудотворной иконы был взят Марфой Иоанновной в Москву, где поставлен в Кремле, в церкви Рождества Божией Матери, что на Сених.

Царь Михаил Феодорович имел особенное благоговение и усердие к иконе Феодоровской Божией Ма-

Феодоровская икона Божией Матери.

тери. В 1636 году он обновил на ней живопись и богато украсил ее. 4 мая того же года во время торжественного освящения иконы после обновления перед нею был исцелен юноша Моисей, одержимый падучей болезнью, по осенении его крестом и окроплении святой водой. В 1745 году чудотворная Феодоровская икона Божией Матери была поновлена вторично и украшена золотом.

После пожара 1773 года, почти полностью уничтожившего Кострому, в бывшем Кремле, на Молочной горе, был построен величественный Успенский собор на месте старого с высокой четырехъярусной колокольней, ставший кафедральным. Туда и был перенесен чудотворный образ. Находясь в Успенском кафедральном соборе, Феодоровская икона Божией Матери не переставала источать исцеления. Позже она была украшена богатой ризой с драгоценными камнями.

В 1834 году приезжал в Кострому поклониться чудотворной иконе генерал-лейтенант Иловайский и рассказал, что его дед, казачий атаман, попал однажды в плен к горцам. Во сне ему было открыто, что он получит помощь от Феодоровской иконы Божией Матери, и велено бежать из плена, не сомневаясь в успехе, что тот и исполнил. Скрываясь в дубе во время погони, а затем пройдя 600 верст пешком, постоянно читая тропарь Феодоровской Божией Матери, он благополучно достиг города Черкаска. Оттуда пешком ходил он в Кострому, поклониться чудотворному образу и заказал здесь с него список, с которым вернулся домой.

С Феодоровской чудотворной иконой, кроме крестного хода в Спасо-Запрудненскую церковь, два раза в год ходили в Ипатьевский монастырь, а 14 марта местом праздника становился сам Успенский собор.

В 1913 году Кострома стала центром торжеств, связанных с 300-летием Дома Романовых и восстановления Русской государственности. К этому же юбилею были выстроены храмы во имя Феодоровской Божией Матери в С.-Петербурге и Царском Селе. Петербургский Феодоровский собор был вы-

строен неподалеку от Невского проспекта, на углу Полтавской и Миргородской улиц, на месте подворья Феодоровского Городецкого монастыря. Величественный двухэтажный храм-памятник, построенный на народные пожертвования в стиле ростовских храмов эпохи воцарения Михаила Феодоровича Романова, был хранилищем многих православных святынь и замечательным по внутренней отделке (Закрит в 1932 году, ныне в храме — молокозавод).

Собор Феодоровской Божией Матери в Царском Селе («Государев собор») был выстроен неподалеку от Александровского дворца для Собственного Его Величества Сводного пехотного полка и Императорского конвоя, здесь часто молилась Императорская Семья. Рядом с собором, также в русском стиле начала XVII века был выстроен городок в виде крепости с палатами, тоже получивший наименование Феодоровского.

В годы Первой мировой войны в нем располагался лазарет Императрицы Александры Феодоровны для призрения увечных воинов. В обоих этих храмах находились списки с Феодоровской иконы Божией Матери.

Сам чудотворный образ, хранившийся в Костроме, в 1923 году был перенесен из Успенского кафедрального собора (разрушенного десять лет спустя) в храм Воскресения Христова-на-Дебре, нынешний кафедральный собор Костромы, где пребывает и поныне в центральном приделе собора в киоте под резной сенью, напротив правого клироса. Где находятся ныне петербургские списки с иконы Феодоровской Божией Матери — неизвестно.

Около восьмисот лет русской истории, преемственность государственного бремени от Рюриковичей к Романовым, торжество Православия и восстановление независимой Русской Державы после Смутного времени, нерушимость нашего Отечества, — все это для всякого православного и всякого русского воплощено в прекрасном лике Феодоровской Божией Матери.

И. В. Попов

ТРОПАРЬ ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Пришествием честныя Твоя иконы, Богоотроковице, обрадованный днес Богохранимый град Кострома, якоже древний Израиль к кивоту Завета, притекает ко изображению лица Твоего и воплотившегося от Тебе Бога нашего, да Твоим Матерним к Нему предстательством присно ходатайствуеши всем, под сень крова Твоего прибегающим, мир и велию милость.

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Прп. Симеон Новый Богослов

СЛОВА

Слово тридцать второе

Послание к некоему брату христианину о покаянии, где показывается, что надобно делать тому, кто после того, как впал в грех и приобрел злой навык, покаялся и положил начало исправлению.

От божественных писаний научены мы, брате мой, что не должно никогда, ни по причине множества грехов наших, отчаиваться, ни опять слишком много полагаться на силу епитимий, возлагаемых духовным отцем за грехи наши: так что ни тому, кто встал от падения, т. е. престал от грехов, не следует слишком дерзать сего ради, ни тому, кто пал, не следует отчаиваться; но и кто много нагрешил, да дерзает о покаянии, и кто в небольшие впадал погрешности, да не думает, что получит прощение грехов своих за одни свои добрые дела, но да явит и он покаяние,— и покаяние не то, которое объявляется словами, или показывается постом, сухоядением, долулеганием и другими подобными лишениями телесными, хотя и это все идет к делу, но которое бывает в сокрушении и болезновании души и сердца, — каковое показал и пророк Давид, при всем том, что жил в мире и был обременен многими необходимыми заботами.

Ибо он, размыслив сам с собою, сколь благого и щедрого Владыку прогневал тем, что сделался преступником заповедей Его и оказался неблагодарным к Нему, забывая многие и неисчетные дары Его и благодеяния, всю жизнь свою болезновал о том душею и горькия проливал слезы, как сам удостоверяет в том. Он сам себя поражал чувствами своего несчастья и бедственного положения, сам себя всячески

сокрушал и смирял, рыкая от воздыханий сердца своего, как нам каждодневно возвещают о том псалмы его. Такие скорбения причинял сам себе Давид, когда покаялся, несмотря на то, что был царь и должен был заботиться о толиком народе, о жене и детях, о доме и царстве.

Что также сделал Манассия и все другие, покаявшиеся после него, о коих знаешь и сам ты, как-то: Петр, верховный из Апостолов, мытарь, разбойник, блудница? И что приводит многих, что сделал блудный сын, иждивший отцовское наследие с блудницами и мытарями? За каких дела все эти получили прощение грехов своих? За посты ли свои или бдения? За милостыни ли, розданные бедным, или за другой тяжелый для тела труд? Нет, не за это получили они прощение, а за искреннее раскаяние, за сокрушение и болезнование сердца, за слезы, излитые ими из глубины души, по причине осуждения их совестью своею. Пришедши в чувство грехов своих, каждый из них осуждал и окаявал себя, и плакал от души, и за это получал прощение грехов своих.

Это же самое бывает и теперь со всеми, прибегающими ко Христу с теплыми слезами и истинным покаянием. И ни пред кем из таковых не заключает и никогда не заключит человеколюбивой утробы своей благодати человеколюбивый и всеблагий Господь.

Прощение грехов каждого грешника не бывает за какая-либо дела, чтоб не возгордился кто по этому поводу, но по человеколюбию Божию и благодати.

Знать, впрочем, надлежит, что для получения прощения грехов требуется не только искреннее от всей души раскаяние в них, но еще и твердое намерение не падать более в те же грехи и не возвращаться вспять. И это требование не падать опять в те же грехи очень трудно нам соблюсти, если со всем рвением и усердием не окружим себя благопотребными охранами и не облечемся в духовныя оружия, чтоб помощию их противостоять мысленным врагам нашим демонам. Ибо как мы были уже завладеваемы врагом посредством грехов, и поработаясь плотским сластям и страстям, подчинялись уже и служили диаволу, то всячески те же похоти и сласти и опять будут в нас подниматься, чтоб опять, как рабов безчестных, увлечь нас насильем на служение и работу врагу нашему диаволу и на убежание от работы владыке нашему Христу, чрез преступление заповедей Его и нарушение обетов, какие дали Ему в покаянии. Итак, чтоб не случилось нам пострадать что-либо такое, надлежит нам, в помощь себе заимствовать из святаго Писания оружие против всякаго врага, нападающаго на нас, как учит нас примером своим божественный Давид, говоря: сего ради ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех (Пс. 118, 128). Похотению, возбуждаемому вражескими помыслами, противопоставим память о смерти, страшнем суде и нестерпимых муках ада; лености противопоставим усердие, и ревность, чревоугодию — пост, сластолюбие — воздержание, многопитию — малопитие или непитие, жжению плоти представление огня вечнаго; будем упражняться в частой и вседушной к Богу молитве, со бдением и пощением. Если будем так поступать против каждой страсти, нас борющейся (не стану перечислять их, чтоб не удлинить слова), и стяжем противоположную каждой такой страсти добродетель, то, наверно, будем сохранены невредимыми и неуязвимыми от врага, потому что тогда добродетели те будут блюсти нас, как какие-нибудь сильные воины. Если б пресечение злаго обычая и удержание себя от соответственных ему безместных дел можно было справить без потов и трудов, тогда одного этого удержания себя было бы достаточно для кающихся во спасение свое. Но дело не так есть.

В придаток к тому, что я написал тебе доселе, се пишу тебе на память и о том, что еще имеешь ты долг делать и хранить. Это вот что: когда совершается божественная литургия, и священник или диакон скажет: елицы оглашенные изыдите, выходи из церкви и становись в нарфике (в преддверии храма) и не говори в это время ни с кем, но воспоминай о грехах своих и плачь; потом, когда кончится божественная литургия, можешь опять входить в церковь. Когда придет вечер, после повечерия поди в какое-либо особое место и исполни такое молитвенное правило: Трисвятое; 50 псалом, т. е. «помилуй мя Боже по велицей милости Твоей»; Господи помилуй — 50 раз; Господи прости мне грешному — 50 раз; 6-й псалом, т. е. Господи, да не яроостию Твоею обличиши мене, ни же гневом Твоим накажешо мене; Господи, елика согреших словом, делом и помышлением, прости мне. Приложи и 25 метаний (поясных поклонов). В среду и пятницу воздерживайся от мяса, сыра, яиц, рыбы, вина и масла, по

правилу св. Апостолов. В посты: св. Апостолов, Богородичный — успенский и предРождественский, не ешь мяса, сыра и яиц, от прочаго же вкушай в меру, с воздержанием. Молитвы, т. е. псалмы, как сказано, и поклоны исполняй в это время вдвойне. В великую же Четыредесятницу не разрешай на масло и вино, кроме суббот и воскресений, но потому плоть свою, по силе своей, как прилично христианам, желающим спастися; молитвенное же правило исполняй вдвойне и в Четыредесятницу, как назначено для других постов. Надобно еще тебе воздержаться от божественных и страшных таин, т. е. не причащайся пречистаго тела и пречестной крови Господа нашего Иисуса Христа; я же тебе советую, воздержись и от благословеннаго хлеба или антидора. Все это верно соблюдай до тех пор, пока помысл твой и расположение твое не отложатся от злых дел греховных, пока не стяжешь твердаго намерения никогда уже не оставлять добрых дел и добродетелей и совершенно не возненавидишь грех. Когда же увидишь наконец в себе самом, что достиг ты такого добраго состояния, т. е. что совершенно возненавидел ты грех, а в расположении делать добро утвердился, и когда притом через испытание удостоверись, что решимость твоя воздерживаться от греха непреложна, тогда, брате мой, приступи к божественным тайнам с несомненною верою, что не простой хлеб и не простое вино вкушаешь, но причащаешься воистину тела и крови Божиих.

Поступив так, ты сделаешься причастником славы Христа Господа, и посредством сих таин получишь совершенное отпущение грехов, воспримешь в себе жизнь вечную и соделаешься сыном света и дня. Если же прежде исполнения всего сказаннаго, т. е. прежде чем покажешь достождное покаяние, дерзнешь ты причаститься тела и крови Христовых, то демоны, видя, как презрел ты Бога и причастился недостойно, все устремятся на тебя и, схватив тебя немилостиво и безчеловечно, низринут опять в ров прежняго непотребства. Тогда вместо христианина сделаешься ты христоубийцею и будешь осужден вместе с теми, кои распяли Христа, как говорит апостол Павел: иже аще яст хлеб сей или пьет чашу Господню недостойно, повинен будет телу и крови Господни (1 Кор. 11, 27), т. е. под такой же подпадет приговор, под какой и распявшие Господа.

Больше того, что уже написал, не буду тебе писать, боясь быть тебе в тягость. Ты же, брате, если сделаешь что и больше того, себе же принесешь пользу и душе своей уготовишь будущия блага. Что я написал, написал тебе делать то не в том смысле, что такие труды приносят очищение души и оставление грехов, но в том, что сим образом удобнее тебе удерживать в душе память о грехах своих и сокрушаться о них. Если б я знал, что тем опечалю тебя, то и этого немногаго не написал бы любви твоей. Я хочу от тебя только одного того, чтобы ты в сокрушении и болезновании о прошедшем отсек злой навык свой греховный и пресек безместныя дела свои. Это отсечение и прекращение с сокрушением прошу тебя непременно соблюсти. И если тебе возможно соблюсти это без потов и других трудов, я удовольствуюсь одним этим. Пиши ко мне чаще о здравии твоём, чтоб я видел веру и любовь твою ко мне и теплее воспоминал о тебе, когда воздеваю к Богу руки мои, недостойный. Благодать Божия да будет с духом твоим. Аминь.

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

Духовные наставления

Об удалении от чтения книг, содержащих в себе лжеучение

Опять приношу тебе, верный сын Восточной Церкви, слово совета искреннего, благого. Это слово не мне принадлежит: оно — Святых Отцов. Оттуда все мои советы.

Храни ум и сердце от учения лжи. Не беседуй о христианстве с людьми, зараженными ложными мыслями; не читай книг о христианстве, написанных лжеучителями.

Истине соприсутствует Дух Святой: Он — Дух Истины. Лжи соприсутствует и содействует дух диавола, который — ложь и отец лжи.

Читающий книги лжеучителей приобщается непременно лукавому, темному духу лжи. Это да не покажется тебе странным, невероятным: так утверждают светила Церковные — Святые Отцы¹.

Если ум твой и сердце ничем не исписаны, пусть Истина и Дух напишут на них заповеди Божии и Его учение духовное.

Если же ты позволил исписать и исчеркать скрижали души разнообразными понятиями и впечатле-

ниями, не разбирая благоразумно и осторожно — кто писатель, что он пишет, то вычисти написанное писателями чуждыми, вычисти покаянием и отвержением всего богопротивного.

Писателем на твоих скрижалях да будет един перст Божий.

¹ «Никто да не читает, — сказал священномученик Петр Дамаскин, — не служащего к угождению Божию. Если же и прочтет когда что таковое в неведении, то да подвизается скорее изгладить его из памяти чтением Божественных Писаний и из них именно тех, которые наиболее служат ко спасению души его, по состоянию, которого он достиг... Противных же сему книг никак да не читает. Какая нужда принять духа нечистого, вместо Духа Святаго? Кто в каком слове упражняется, тот получает свойство того слова, хотя этого и не видят неопытные, как видят имеющие духовную опытность.» Святаго Петра Дамаскина книга первая, статья о рассуждении. Доброт. ч. 3.

Приготовь для этого писателя чистоту ума и сердца благочестивою, целомудренною жизнью: тогда при молитвах твоих и при чтении священных книг неприметно, таинственно будет начерчиваться на скрижалях души закон Духа.

Только те книги о религии позволено тебе читать, которые написаны Святыми Отцами вселенской Восточной Церкви. Этого требует Восточная Церковь от чад своих¹.

Если же ты рассуждаешь иначе и находишь повеление Церкви менее основательным, нежели рассуждение твое и других, согласных с тобою: то ты уже не сын Церкви, а судия ее.

Ты назовешь меня односторонним, не довольно просвещенным, ригористом? Оставь мне односторонность мою и все прочие недостатки: желаю лучше при этих недостатках быть послушным Восточной Церкви, нежели при всех мнимых совершенствах быть умнее ее и потому позволять себе непослушание ей и отделение от нее. Истинным чадам Восточной Церкви приятен будет голос мой.

Они знают, что хотящий получить небесную премудрость, должен оставить свою собственную, земную, как бы она велика ни была, отречься от нее, признать ее, какова она ни есть, буйством (*Кор. III, 19*).

Земная мудрость — вражда на Бога: она Закону Божию не покоряется, и не может покоряться (*Рим. VIII, 7*). От начала таково ее свойство; такую останется она до конца своего, — когда земля и я же на ней делаю с ними и земная мудрость сгорят (*2 Петр. III, 10*).

Святая Церковь позволяет читать книги лжеучителей только тем своим членам, у которых мысль и сердечные чувства исцелены и просвещены Святым Духом, которые могут всегда отличить от истинного добра зло, притворяющееся добром и прикрытое личиною добра.

Великие угодники Божии, познавшие немощ общую всем человекам, страшились яда ереси и лжи, и потому со всевозможным тщанием убегали бесед с людьми, зараженными лжеучением и чтением еретических книг (*Житие Пахомия*). Имея пред очами падение ученейшего Оригена, искусного в любопытствии Ария, красноречивого Нестория и других богатых мудростию мира, погибших от самонадеянности и самомнения, они искали спасение и обрели его в бегстве от лжеучения, в точнейшем послушании Церкви.

Духоносные, святые пастыри и учителя Церковные читали писания богохульных еретиков, вынуждаемые к таковому чтению необходимою нуждою всего христианского общества. Они словом сильным, словом духовным обличали заблуждения, возвещали всем чадам Церкви скрытую опасность в еретических писаниях, прикрытую великолепными наименованиями святости и благочестия.

Но мне и тебе необходимо охраняться от чтения книг, сочиненных лжеучителями. Всякому, не принадлежащему Восточной Церкви, единой святой, писавшему о Христе, о христианской вере и нравственности, принадлежит имя лжеучителя.

Скажи, как возможно позволить тебе чтение всякой книги, когда каждая читаемая тобою книга ведет тебя куда хочет, убеждает соглашаться на все, на что нужно ей твое согласие, отвергать все, что ей нужно, чтоб ты отвергал?

Опыт доказывает, как губительны последствия безразборчивого чтения. Сколько можно встретить между чадами Восточной Церкви понятий о христианстве самых сбивчивых, неправильных, противоречащих учению Церкви, порицающих это святое учение, понятий, усвоенных чтением книг еретических!

Не оскорбись, друг мой, на мои предостережения, внушаемые желанием тебе истинного блага. Отец, мать, добрый воспитатель не будут ли страшиться за невинного, неопытного младенца, когда он захочет безвозбранно войти в комнату, где между съестными припасами множество яду?

Смерть души бедственнее смерти тела: умершее тело воскреснет, и часто смерть тела бывает причиною жизни для души; напротив того душа, умершвленная злом — жертва вечной смерти. Душу может убить одна мысль, содержащая в себе какой-нибудь вид богохульства, тонкий, вовсе не приметный для незнающих.

Будет время, предвозвещал святой Апостол, егда здравого учения не послушают, но по своим похотех изберут себе учителей, чешими слухом: и от истины слух отвратят и к басням уклонятся¹.

Не прельщайся громким заглавием книги, обещающим преподать христианское совершенство тому, кому нужна еще пища младенцев; не прельщайся ни великолепным изданием, ни живописию, силою, красотою слога, ни тем, что писатель — будто святой, будто доказавший свою святость многочисленными чудесами.

Лжеучение не останавливается ни пред каким вымыслом, ни пред каким обманом, чтоб басням своим дать вид истины, и тем удобнее отравить ими душу.

Лжеучение само по себе — уже обман. Им обманут прежде читателя писатель².

Признак книги истинно, существенно душеполезной — святой Писатель, член Восточной Церкви, одобренный, признанный святою Церковию. Аминь.

Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Том. 1.
С.-Петербург. Издание И. Л. Тузова. 1905.

¹ При совершении таинства исповеди положено спрашивать кающегося, не читает ли он книг еретических. Требник.

¹ 2 Тим. IV, 3, 4.

² 2 Тим. III, 13.

ПРОПОВЕДЬ

Митр. Мелетий Никопольский

ЧТО ГОВОРИТ ЦЕРКОВЬ ОБ АБОРТАХ

Когда мы спрашиваем мнение Церкви, мы не хотим знать мнения по этому вопросу лишь некоторых или даже пусть всех архиереев. Не они господа веры, у них нет права ее формулировать согласно своему вкусу. **Архиереи и священники суть стражи правой веры.** У них есть обязанность бороться за нее. Они должны быть готовы пролить кровь, чтобы ее защитить.

Учение Церкви во всех своих пунктах идентично с учением Церкви времен Господа нашего. Церковь во всем, что говорит и чему учит, не имеет своим критерием мысли людей. Она не говорит от мира. Церковь есть носитель истины, которую проповедовал Господь наш Иисус Христос. Ее мнение есть мнение свыше. Она есть выразитель Божественной мудрости.

Когда взгляды Церкви приходят в противоречие и столкновение с выводами науки, тогда наука представляет собой мудрость земную и демоническую, достойную пренебрежения и презрения. Во всем, везде и всегда справедливы слова святого Апостола Павла: «Бог верен, а всякий человек лжив» (Рим. 3, 4).

Сегодня выводы современной медицины, антропологии, биохимии, биологии согласуются с учением Церкви. Они заключаются в той мысли, что аборт, поскольку перерывает самостоятельную жизнь, которая существует на достигшем совершенства уровне, есть **убийство**, и что «эмбрион есть автономная, самостоятельная жизнь, индивидуум со всеми своими правами».

Следствием этого основного принципа, о котором активно говорили Святые Отцы и учителя Церкви Григорий Богослов, Анастасий Синаит, Максим Исповедник, есть следующие положения:

а) Умышленно погубившая зачатый во утробе плод подлежит осуждению как за убийство (*Василий Великий, канон 2-й*).

б) Давший снадобье для извержения плода есть убийца, а равно принявшая детоубийственный яд (*Василий Великий, канон 8-й*).

в) Пособничество в совершении аборта есть пособничество в убийстве.

Святой Иоанн Златоуст считает:

Икона Божией Матери «Взыскание погибших».

«Да и для чего сеять там, где сама нива усиливается погубить плод? где множество средств против рождения? где прежде рождения совершается убийство; так что ты блудницу не только удерживаешь в разврате, но еще делаешь убийцей? Видишь ли,

как от пьянства происходит блуд, от блуда прелюбодеяние, от прелюбодеяния убийства; ибо не знаю, как и назвать это. Здесь не умерщвляется рожденное, но самому рождению полагается препятствие. Что скажешь в свое извинение? Не значит ли это, что ты ругаешься даром Божиим, встаешь против уставов Божественных, гоняешься, как за благословением, за тем, что есть проклятье, сокровищницу рождения делаешь сокровищницей убийства, женщину, сотворенную для деторождения, располагаешь к детоубийству?» (из речи Иоанна Златоуста к римлянам, слово 24, § 4 — т. 60, с. 626, греческое изд.).

Мы не должны забывать, что епитимья для убийц есть самая тяжелая и с точки зрения времени, и с точки зрения ее строгости.

Современная наука доказала незыблемость догматического суждения святого Василия Великого: «Точного различия плода оформившегося и необразовавшегося у нас нет».

То есть Церковь не воспринимала никогда и не придавала никогда никакого значения взглядам тогдашней медицины о том, что якобы существует разница между сформировавшимся и несформировавшимся зародышем.

Для Церкви Христовой аборт, или прерывание беременности, есть не просто некое нравственное непозволительное действие; это без всяких уверток и греховных красивых объяснений есть **убийство, это преднамеренное убийство и сознательное умерщвление**. И причем, это убийство более наказуемое и более греховное, и более богоненавистническое, чем любое другое убийство, так как отнимает у человеческого существа жизнь еще до того, как оно, это существо, увидит эту жизнь, а главное — до того, как оно примет Таинство Святого Крещения.

В чрезвычайно поучительной книге, которая называется «Грешников спасение», в главе «Не убий» мы можем прочесть: «В заповеди этой подразумевается убийство душевное и физическое, т. е. если ты толкаешь ближнего своего на занятие проституцией или на убийство кого-либо, или на какое другое греховное дело, или если ты помог ближнему своему, и он сделал, совершил эти действия, ты считаешься убийцей брата своего духовно». О теле сказано: «Если убил, если побил женщину или бросил ребенка, или **вкусил** растение, чтобы убить зародыш, или чтобы не вызвать беременность, все это и другое подобное считается убийством и строго наказуется».

Люди, которые приступают к убиению во чреве своих детей, похожи на Ирода, который уничтожил 14 тысяч младенцев, чтобы никто не смог помешать ему в жизни. Можно было бы посчитать этих людей и еще худшими, чем Ирод, так как 14 тысяч младенцев, по крайней мере, не были его собственными детьми.

И каждый человек, который соучаствует в ужасающем действии аборта, в ужасающей операции по убиению во чреве, как бы он ни думал сам, он участвует в деле убийства. Он участвует в убийстве и несет тяжкий грех, совершает проступок перед Господом, Который заповедал: **не убий!**

Церковь должна:

а) Просвещать самым активным образом свой народ с духовной точки зрения, рассказывать о смысле аборта, провозглашая со всей решительностью что аборт — это **УБИЙСТВО**¹.

б) Обращать внимание духовных отцов на недопущение греховной терпимости к убийцам своих детей и накладывать на них суровые епитимьи.

в) Нужно подчеркивать, что метод абортов, каким бы он ни был², равносителен отвратительному преступлению, поскольку результат его всегда один и тот же: лишение жизни человеческого существа.

г) Необходимо написать воззвание к врачам и медсестрам, чтобы они отказывались совершать эти греховные дела.

Может быть, многие нас осудят за то, что мы хотим навязать христианские взгляды насильно тому миру, который от них отказывается, за то, что мы прибегаем к непозволительному давлению. Это не так.

Мы не переоцениваем ни депутатов, ни правительственные органы. Каждый имеет свои взгляды и борется за них. И Церковь борется за свои, и она должна, по крайней мере, их выразить. И чтобы быть услышанной, она должна кричать. Да! Даже если она просто хочет быть услышанной, она должна кричать громко и мощно.

И когда этого требует вера, должны кричать и Синод, и верующий народ громко и мощно.

К сожалению, голос Синода и народа неслышен, и аборт будет совершаться впредь под защитой закона, под эгидой государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нужно вспомнить слова одной из героинь французской революции: «О народная власть! Сколько преступлений совершается во имя твое!».

Мы против абортов как действий. Мы решительно против, так как через аборт сознательно, преднамеренно убивается человеческое существо, и, следовательно, аборт есть убийство.

Первостепенной мерой не должны становиться экономические льготы тем, кто хочет сделать аборт. Главная и высшая ценность для нас — это жизнь. И первым шагом должна стать охрана и защита жизни. Потом уже идет здоровье. Потом — пища для всех. Затем — калорийная пища. Затем — качественное питание. А потом уже — развлечение! Развлечение — это последнее!

Митр. Мелетий Никопольский. Аборты. Изд. 2-е, доп. Свящ. Митрополия Никопольская, Превеза, 1987.

¹ Давайте проанализируем следующие факты:

СССР — страна с наибольшим в мире количеством абортов на душу населения.

Каждый 4-й аборт в мире — советский. А если учесть, что среди среднеазиатских женщин они редки, то ясно — эпидемией детоубийства заражены: Россия, Украина, Белоруссия, Прибалтика, Молдавия.

Ежегодно в нашей стране матерями во чреве убивается (по официальной статистике) 8 млн. человек, т. е. население Москвы, а на самом деле много больше.

В центральных областях России давно уже смертность выше рождаемости. Мы вымираем!

Общественное мнение, руководимое средствами массовой информации, осуждает матерей, бросающих своих детей. А матерей — убийц поощряет.

² Например, так называемый, микроаборт (до 21 дня беременности) и другие методы уничтожения беременности и удаления плода.

НАШИ ХРАМЫ

И. В. Попов

Церковь Божией Матери Одигитрии Смоленской на Смоленском кладбище

Из Малой Невы берет свое начало неширокая, тихая и спокойная река Смоленка, отделяющая остров Голодай от Васильевского. По обоим берегам ее раскинулось одно из старейших городских кладбищ — Смоленское. Название свое оно получило из-за того, что в первые годы строительства Петербурга здесь хоронили строителей новой столицы — плотников и землемеров, выходцев из Смоленской губернии. Над их прахом земляки устроили часовенку, в которой поставили сооруженную или привезенную ими с родины икону Смоленской Божией Матери.

Первые официальные данные о возникшем в 1730-х годах в этой местности, получившей название Смоленского поля, кладбище, относятся к 1740 году, когда Святейший Синод дозволил здесь погребение умерших горожан. Левобережная часть нового кладбища стала именоваться Смоленским Православным кладбищем. Постепенно разросшееся в размерах, оно и по сей день остается одним из старейших и обширнейших кладбищ Петербурга.

Огромный зеленый массив его начинается сразу же за аркой кладбищенских ворот и бывшей богадельней. Под аркой укреплен мраморная доска, напоминающая о том, что здесь, на Смоленском кладбище, в 1828 году была похоронена няня А. С. Пушкина Арина Родионовна Яковлева. Справа от входа, среди старинных надгробий могил и крестов возвышается выстроенная в классическом стиле с «византийским» куполом, обращенная южным фасадом на небольшую площадь, церковь во имя Смоленской Божией Матери, единственный оставшийся на кладбище действующий храм...

Первая деревянная церковь на Смоленском кладбище была построена по инициативе Императрицы Елизаветы Петровны на губернские средства, и после двух лет постройки, 30 сентября 1760 года, освящена

Иконостас главного придела.

во имя Смоленской Божией Матери. Спустя 12 лет она была заново отремонтирована, и к ней пристроен теплый придел во имя Михаила Архангела, освященный 6 ноября 1772 года.

Когда в 1783 году настоятелем церкви стал энергичный и деятельный протонерей Георгий Петров, его трудами и усердием на средства от произведенного по всей епархии сбора пожертвований на кладбище был выстроен новый каменный храм. Митрополит С.-Петербургский Гавриил (Петров), прибывший 2 июня 1786 года на Смоленское кладбище, собственноручно указал место для возведения новой церкви. 19 июля того же года был заложен, а спустя три года окончен постройкой новый каменный храм в честь Смоленской иконы Божией Матери. Строился он по проекту профессора архитектуры А. А. Иванова, за работами наблюдали помощники архитектора Петр Газен и Михаил Быков.

В сооружении нового храма большое участие принимала знаменитая петербургская юродивая Блаженная Ксения. Неустанно каждую ночь она тайно помогала строителям. Пока рабочие спали, Ксения таскала на леса и стены строящейся церкви необходимые для ее строительства кирпичи.

26 сентября 1790 года первым в новопостроенном храме был освящен придел во имя Апостола Иоанна Богослова, в который был перенесен иконостас из упраздненной деревянной Иоанно-Богословской церкви на Выборгской стороне. Главный престол в честь Смоленской Божией Матери был освящен через пять дней, на праздник Покрова Пресвятой Богородицы. 1 октября 1790 года. Иконостас центрального придела храма вырезали охтенские мастера во главе с Яковом Дунаевым; местные образа Спасителя и Божией Матери были написаны и пожертвованы в храм академиком живописи, адъюнкт-ректором Петербургской Академии Художеств И. А. Акимовым. Иконы пророков Иезекииля и Даниила на северных и южных вратах были писаны Г. И. Козловым. И. А. Акимовым было написано большинство замечательных икон в Смоленском храме, в том числе главная его святыня — образ Божией Матери Одигитрии Смоленской, являющийся списком с чудотворной иконы Божией Матери, находящейся в Смоленске, той самой, что сопровождала русское православное воинство в Отечественную войну 1812 года. В дни защиты Отечества от нашествия «двунадесяти языков» духовенство и прихожане церк-

ви принимали деятельное участие в сборе пожертвований на военные нужды.

В 1807—1809 годах при церкви архитектором Л. Руска были выстроены часовня и богадельня, а также ворота при входе на кладбище. В то же время архитектор Андриан Захаров пристраивает к церкви северный придел. В 1813—1815 годах, когда храм стал теплым, С. А. Безсоновым была сделана новая роспись храма.

С 1825 по 1832 годы настоятелем храма служил профессор Петербургской Духовной Академии, доктор богословия, протоиерей Иоаким Симеонович Кочетов, сменивший на этом посту умершего прот. Георгия Петрова. В его бытность Смоленская церковь претерпела значительные перестройки. В 1831 году на средства церковного старосты купца 1 гильдии Илии Антонова была начата пристройка к храму с юга Ильинского придела, освященного 24 июня 1833 года. Тогда же была построена колокольня, и сооружена новая паперть. Самый большой колокол, весом 251 пуд, был отлит в 1831 году, другой — в полтора раза легче, был пожертвован Илией Антоновым в 1830 году. Всего на колокольне было 12 колоколов.

В 1858 году подкупольная часть храма была расписана в византийском стиле художником В. В. Васильевым. Им были исполнены росписи «Воскрешение Лазаря», «Воскрешение дочери Иаира», «Воскрешение сына наинской вдовы». В 1891 году в храме был освящен придел св. Василия Исповедника, год спустя — поновлены храм и колокольня, а в пристройке, сооруженной по проекту академика К. Н. Вербицкого, 10 октября того же года был освящен придел св. Иоанна Предтечи, Архидиакона Стефана и мученицы Евлампии, в память И. С. Семенова — Шипинского, с

Придел Блаженной Ксении Петербургской.

иконостасом в византийском стиле. В 1903 году заново были отремонтированы Иоанно-Богословский и Ильинский приделы храма. К тому времени храм выглядел очень благолепно: интерьер его был прекрасно расписан и украшен иконами кисти лучших русских художников: ректора Петербургской Академии Художеств Шамшина, Боровиковского, Тютрюмова, Рейляна, Садикова.

Среди святынь храма, кроме особо чтимой иконы Божией Матери Одигитрии Смоленской, украшенной в 1848 году богатой ризой с бриллиантовыми и иными украшениями, был деревянный резной аналогий с серебряной вызолоченной доской и выпуклостью в виде яйца с короной сверху. На выпуклости было вырезано Распятие с предстоящими Божией Матерью и Иоанном Богословом. В доске было 10 прорезей с частицами вложенных святых мощей: Апостола Матфея, Варфоломея, Варнавы, Стефана, мученика Кириака, Пимена Великого, целителя Пантелеимона, Мартиниана, князя Феодора, мученицы Анастасии.

На жертвеннике, в алтаре главного придела, была поставлена икона святителя Николая Чудотворца, украшенная серебряной позолоченной ризой с драгоценными камнями. Ею свт. Иннокентий Иркутский благословил сибирского купца Филатова. По завещанию последней из его потомков, икона перешла в Смоленскую церковь. В центральном приделе храма помещался образ Успения Божией Матери, пожертвованный Киевским митрополитом Филаретом.

После 1917 года церковь находилась в ведении «обновленцев», а в 1940 году была закрыта и, по-видимому, разграблена. Свой современный облик храм приобрел в 1947 году, когда после семилетнего перерыва здесь возобновились богослужения. Всем миром прихожане восстанавливали свой храм и его внутреннее убранство. С 1947 по 1950 годы в церкви имелся лишь один освященный престол — главный, во имя Смоленской Божией Матери.

В 1950 году, по благословению митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова), в храм была передана особо чтимая Милующая икона Божией Матери, называемая также «Достойно есть», список с главного образа Святой Горы Афон. Икона эта в 1887 году была пожертвована иеромонахом Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне Арсением в строившийся храм Милующей Божией Матери в Галерной Гавани. 24 мая 1950 года придел во имя Милующей Божией Матери в Смоленской церкви был освящен.

Прихожане храма благоговейно поклоняются и другим намоленным образам — иконе св. Иоанна Богослова, написанной в царствование Императора Петра Великого, Толгской иконе Божией Матери «в чудесах» ярославского письма конца XVII века, изображающей события из истории Толгского монастыря близ Ярославля. В центральном приделе помещается икона Валаамской Божией Матери и образ св. великомученицы Екатерины, пред которым каждый понедельник читается акафист святой Христовой Угоднице.

Выделяется в храме большой, писанный на стекле, запрестольный образ Богоматери с Младенцем, переданный в Смоленскую церковь в 1950 году. Икона эта была исполнена в начале XX века для церкви Клинического повивального института в Петербурге. Рождественский придел храма украшает Вифлеемская пещера (Вертеп). Здесь горит неугасимая лампада, а на Рождество устанавливаются елочки.

Часовня святой Блаженной Ксении Петербургской.

16 февраля 1990 года в храме был освящен четвертый придел — в честь святой Блаженной Ксении Петербургской, строительницы и покровительницы этой церкви. В нем пред царскими вратами на аналое помещена икона Блаженной Ксении, справа от нее — большой образ Божией Матери «Всех скорбящих Радосте».

В 1990 году храм Смоленской Божией Матери отметил свое 200-летие. В память этого события была отлита медаль, а 10 августа, на престольный праздник церкви, в храме Святейшим Патриархом Алексием II вместе с Высокопреосвященнейшим митрополитом Иоанном была совершена Божественная литургия, за которой последовал молебен в честь Смоленской иконы Божией Матери и 200-летия Смоленского храма.

Церковь Божией Матери Одигитрии Смоленской, одна из старейших в Петербурге, и поныне остается единственным действующим храмом для жителей западной части Васильевского острова и Голодая.

Смоленский храм является также и усыпальницей: под церковью сооружен склеп, где похоронены настоятель храма прот. Иоаким Кочетов, граф С. С. Ланской, профессора Петербургского университета К. А. Неволин и Н. И. Надеждин.

Кроме Смоленского храма, на кладбище было еще несколько церквей и часовен. При входе на кладбище на берегу реки Смоленки стоит Воскресенская церковь, возведенная усердием причта и настоятеля Смоленской церкви и кладбища прот. Сперанского в 1901—1904 годах. Выстроен храм по проекту архитектора В. А. Демяновского в стиле московского нарышкинского барокко конца XVII — начала XVIII веков. В этой церкви кроме центрального, Воскресенского придела, были еще два — во имя Божией Матери «Утоли Моя Печали» и Всех святых. В храме похоронен профессор Петербургского университета М. М. Стасюлевич, в 1921 году здесь отпевали Александра Блока. Закрыт был храм в 1935 году и ныне сохраняется в плачевном состоянии.

К югу от Смоленской церкви возвышалась старинная Троицкая церковь. Освященная в 1792 году во имя Архангела Михаила, в 1818 г. она была перестроена стараниями духовника Их Императорских Величеств протопресвитера П. Криницкого. После наводнения 1824 года она была выстроена в камне и в 1831 году освящена в честь Святой Живоначальной Троицы. Перестроенная еще раз в начале века, она была взорвана в 1930 году.

В глубине Смоленского кладбища стоит маленькая аккуратная часовня блаженной Ксении Петербургской. Вскоре после кончины в конце XVIII века знаменитой петербургской юродивой Ксении Григорьевны Петровой, могила ее, располагавшаяся за Троицкой церковью, стала привлекать сюда множество народа. Богомольцы приходили сюда с упованием и верой в то, что блаженная Ксения не призрит их молитв и поможет в скорбях. Многие брали с собой и уносили в горстях землю с могилы Блаженной, когда же над могилой была установлена плита, люди отбивали от нее по кусочку и так разнесли всю по домам. То же случилось и со второй плитой. Забирая эти кусочки, богомольцы оставляли на могилке свои посылынные денежные пожертвования. На собранные таким образом деньги сначала была сделана ограда вокруг могилы, а в 1830-х годах выстроена часовня с дубовым иконостасом, расширенная в 1894 году пристройкой стеклянной галереи. Осенью 1901 года по проекту А. А. Всеславина была начата постройка новой часовни в русском стиле, освященной по завершении строительства 12 октября 1902 года. В изголовье мраморной гробницы Блаженной Ксении был поставлен иконостас из мрамора и висел мозаичный образ распятого Христа, пред которым горела неугасимая лампада. На стенах висело множество икон в киотах, среди них — две серебряные, которые подарил в часовню по обету князь Масальский, вернувшись с русско-турецкой войны 1877—1878 годов. За алтарем часовни, в стене, была установлена мраморная доска со словами: «Здесь покоится тело рабы Божией Ксении Григорьевны, жены придворного певчего в хоре, полковника Андрея Федоровича Петрова».

Каждый год 24 января тысячи богомольцев, в том числе инославных, приходили к часовне почтить память Блаженной. Закрыта была часовня в 1936 году, после войны в 1947 — открыта, вновь закрыта в 1960-м, и отдана под скульптурную мастерскую. Все годы, пока часовня была закрыта, не ослабевал поток богомольцев у ее стен. Люди все равно шли сюда и горячо молились на могиле Блаженной, прося ее помощи и заступления. В 1983 году часовня окончательно была возвращена верующим и 10 августа 1987 года, на праздник Смоленской Божией Матери, после годовой реставрации освящена митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием. Причисление Блаженной Ксении к лику святых Русской Православной Церковью состоялось в 1988 году, в канун празднования 1000-летия Крещения Руси.

Другая деревянная часовня на кладбище стояла над могилой умершей в 1853 году Анны юродивой, приблизительно на половине пути между входом на кладбище и часовней Блаженной Ксении.

При Смоленском кладбище существовала богадельня для вдов и сирот духовенства С.-Петербургской епархии, при которой помещалась часовня; вдовый дом для вдов, сирот и заштатных священно-и церковнослужителей Смоленского кладбища. Ксенинский дом трудолюбия для бедных женщин был устроен в 1903 году и состоял под покровительством С.-Петербургского митрополита Антония (Вадковского). При кладбище действовала также церковно-приходская школа и епархиальный приют для детей воинов, погибших в войне с Японией.

В 1914 году архитектор В. П. Бобров разработал проект еще одного кладбищенского храма, но из-за начавшейся Первой мировой войны и революции он остался неосуществленным.

Смоленское кладбище — одно из самых знаменитых в Петербурге. Здесь похоронены многие известные живописцы: А. И. Куинджи, Г. И. Угрюмов, И. Н. Крамской, И. И. Шишкин, В. А. Боровиковский и В. Е. Маковский, скульпторы И. П. Мартос, М. И. Козловский, Ф. И. Шубин, композиторы Д. С. Бортнянский и К. Н. Лядов, поэт В. Г. Бенедиктов, географ и путешественник И. П. Семенов-Тянь-Шанский, многие известные государственные деятели, военачальники, мореплаватели, актеры, ученые. В северной части кладбища находятся братские могилы солдат лейб-гвардии Финляндского полка, погибших при взрыве в 1880 году Хаатуриным столовой Зимнего дворца, а также юнкеров Павловского училища, погибших при подавлении поднятого юнкерами против большевиков восстания в Петрограде 27 октября (9 ноября) 1917 года.

Неподалеку от часовни блаженной Ксении находится могила сорока мучеников — сорока священников, закопанных большевиками в землю живыми в дни лютых гонений на Церковь от безбожников за исповедание Веры.

К северу от Православного Смоленского кладбища на правом берегу реки Смоленки расположены существующие с середины XVIII века лютеранское (немецкое) и армянское Смоленские кладбища. Расположенная на последнем Воскресенская церковь в 1989 году была возвращена армянской общине. Рядом с этими кладбищами находятся братские захоронения умерших в блокаду горожан.

Престольными праздниками в храме Смоленской Божией Матери являются:

24 января (6 февраля н. ст.) — св. блаженной Ксении Петербургской,

11 (24) июня — Божией Матери Милующей или «Достойно есть»,

28 июля (10 августа н. ст.) — Смоленской Божией Матери,

25 декабря (7 января н. ст.) — Рождество Христово.

Особо посещаются богомольцами также родительские субботы, Радоница, дни тезоименитых святых — св. Екатерины (24 ноября/7 декабря н. ст.), св. Варвары (4/17 декабря), свт. Николая Чудотворца (9/22 мая; 6/19 декабря).

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Страдания России не могут не принести свет миру

(Беседа с Н. А. Струве, редактором «Вестника Русского христианского движения»)

В начале марта в нашем городе побывал Никита Алексеевич Струве, известный литературовед и знаток церковной жизни, который является главным редактором журнала «Вестник Русского христианского движения», выходящего в Париже. Он приехал с большой книжной выставкой издательства «ИМКА-ПРЕСС», выпустившего великое число книг на русском языке, в том числе по богословию и религиозной философии.

В гостинице «Москва» Н. А. Струве любезно ответил на вопросы, заданные ему членами редколлегии «Санкт-Петербургских епархиальных ведомостей» В. В. Антоновым и Н. К. Симаковым.

Вопрос: Считаете ли Вы, что в России сегодня происходит православное возрождение? Как изменилось Ваше мнение в этом отношении после посещения России?

Ответ: Для того, чтобы убедиться в том, что православное возрождение происходит, мне необходимо было бы объездить и изучить всю Россию. Тем не менее, одним из моих самых сильных впечатлений в Москве было возрождение приходов. Я считаю огромным духовным событием, что теперь наконец, спустя почти 70 лет, дети свободно допускаются в Церковь, что дети «копошатся» и учатся вокруг приходов. Это — начало возрождения, ибо за этим — будущее.

Вопрос: Русские мыслители, начиная с Хомякова и Данилевского до И. Ильина и В. Ильина, писали о «русской идее», о том значении, какое православная Россия должна иметь для всего мира. Какое сегодня, с Вашей точки зрения, значение России для мира, и какова «русская идея» сегодня?

Ответ: Я не знаю, можно ли говорить о «русской идее»; можно говорить о факте существования православной России. Я бы скорее говорил о значении Православия в России, оно остается незыблемым, что бы ни случилось. Я глубоко убежден (это убеждение

было заложено во мне нашими мыслителями и богословами, начиная от Бердяева и кончая о. Александром Шмеманом) в том, что Православие — это высшая, чистейшая форма христианства. О «русской идее» можно говорить только в связи с Православием и в той мере, в какой Россия живет в Православии — в полном его смысле, а не в ограниченном «русском» Православии (почему так важен эмигрантский опыт). Только тогда она может принести что-то и миру. Сейчас вопрос не столько в том, что Россия

может дать миру, ибо она уже много дала ему; России сейчас нужно ставить вопрос о себе самой: выживет ли она после такого страшного опыта, ответственность за который нельзя сваливать на других. Опыт этот у России есть, и если Россия преодолет его, это «сошествие в ад», то тогда она больше скажет миру. Я думаю, что накопленные за все эти десятилетия страдания не могут не принести свет миру.

Вопрос: Православные русские люди уже долго живут в рассеянии, они много способствовали распространению Православия, но, оказывая духовное влияние на свое окружение, они, очевидно, сами испытывают обратное влияние. В чем оно проявляется и насколько сильно во Франции?

Ответ: Русские люди, будучи выкинутыми за рубеж, стали «религиозным островком» в инославном мире. Как раз в этот момент зародилось экуменическое движение. Христиане, исповедовавшие одинаково имя Христово, а иногда и основные догматы, стали встречаться друг с другом. В этом смысле у эмиграции был свой особый опыт: с одной стороны, она твердо придерживалась Православия, но, с другой стороны, пребывание в инославном мире (я говорю о французской эмиграции) позволило ей испытать благотворное обратное влияние, т. е. расширить свой религиозный мир, в личном плане, а не в церковном. Мы поклоняемся западным святым, изучаем западное богословие, кормимся им: я, например, очень многим обязан французскому католическому богословскому возрождению 40—50-х годов, которое, в свой черед, испытало влияние Православия. В этом смысле наша особенность за рубежом заключается в том, что мы могли осмыслить Православие более универсально. Другая же часть эмиграции, наоборот, замкнулась в себе, лишь бы только сохранить Православие в неприкосновенности. Во Франции эмиграция может похвалиться универсальным опытом и расширением православного сознания.

Вопрос: Считаете ли Вы в нынешних условиях возможным и целесообразным продолжать диалог православных и католиков?

Ответ: Все зависит от того, на каком уровне ведется диалог. Диалог всегда нужно продолжать. Другое дело, что в нынешний тяжелый момент все нужно решать на местах. Я понимаю, что Патриарх и Синод Русской Православной Церкви хотят на какое-то время воздержаться от некоторого вида диалогов. Всегда нужно ставить определенные условия. Сейчас, когда в Западной Украине чувствуется определенный натиск римско-католического империализма, может быть, на время нужно прекратить диалог. Но диалог между христианами на всех уровнях — необходим. Ошибочно, пожалуй, что диалоги идут в основном на уровне епископата или богословов, они должны быть богословскими, но идти на всех, по возможности, уровнях.

Вопрос: Изменили ли Вы свое отношение, побывав в России, к канонизации царской семьи? Ведь в прошлом, оно у Вас было не просто критическим, а явно отрицательным?

Ответ: У меня остается совершенно отрицательное отношение ко всем канонизациям, проделанным Зарубежной Церковью, потому что она притязает на ту полноту, которой не имеет. Я никогда не отрицал канонизацию царской семьи, если она будет следст-

вием народного почитания; ибо любая канонизация должна начинаться с народного почитания. Оно имеет место, но для некоторых канонизаций нужно еще и время. Были в истории Церкви канонизации, которые носили политический характер. Если мы хотим канонизировать царскую семью как невинных мучеников, как искупительную жертву, для этого необходимо время, долгое почитание, чтобы не было конъюнктуры и политики. Я считаю, что пусть будет почитание царской семьи, а когда немного отшумит эпоха, канонизация конкретизируется.

Вопрос: Ваше отношение к Русской Зарубежной Церкви и к открытию ее приходов в России?

Ответ: Крайне отрицательное. Я считаю, что Русская Зарубежная Церковь — это только одна из ветвей, которая получила название Зарубежной, синодальной или «карловацкой». Я думаю, что ее грех тяжелее, чем грех римско-католической Церкви, потому что она, будучи православной, вносит сейчас раскол в Русскую Церковь. Это — безумие, ошибка и настоящий грех. Я это воспринимаю болезненно, ибо тень ложится на всю Зарубежную Церковь.

Вопрос: Ватикан назначил в Россию четырех епископов, баптистские проповедники выступают у нас на стадионах, в Западной Украине униаты насильно захватывают православные храмы. Разделяете ли Вы бытующее мнение о религиозной экспансии Запада в Россию?

Ответ: Секты были всегда довольно сильно распространены и угрожали Православной Церкви, но я считаю, что они для нас — определенный вызов. Конечно, баптисты имеют большие средства, которых у православных на Западе и у желающих им помогать совершенно нет. Однако я считаю, что этот вызов может стать благотворным, если сумеет хорошо на него ответить, а не воспринимать как посягание и не запереться в себе.

Что касается римо-католичества, то я различаю религиозное ватиканское начало и западную католическую Церковь. Момент экспансии, действительно, есть, я не говорю о Западной Украине, где за Православной Церковью грех 1946 года, и, когда сейчас отбираются церкви — может быть, в совершенно не должном порядке — это расплата за наш грех. Хотя слово «экспансия» мне не очень нравится, но прозелитизм римско-католической Церкви заложен в ее экклезиологии. Я об этом говорил самому парижскому кардиналу. Я отделяю помощь, которую непосредственно и совершенно бескорыстно приносят многие католики Русской Церкви, от экклезиологического империализма Рима, который является историческим фактом.

Разделение Церквей началось, как известно, не столько с анафематствований, сколько с отделения Константинополя, начавшегося в XIII веке, и отголоски этого остаются до сегодняшнего дня.

Вопрос: Как Вы относитесь к убийствам православных в Западной Украине? Они ведь связаны с римско-католической Церковью.

Ответ: Западная Украина — это особая область. В ней проявляются националистические страсти, которые перекрывают религиозные, — националистический момент сильнее. Может быть, там есть жертвы, но в 1945/46 годах у них тоже были жертвы. Это — слишком сложный комплекс, униатство есть

следствие эклизиологического империализма Рима. Я считаю его глубоко порочным, но оно является историческим фактом. Униатская Церковь существует четыре века, и униатство принесло большой вред не только в России, развившись также в Румынии и в арабских странах. Униатство — ложный путь римско-католической Церкви, от которого, по моему мнению, Рим должен отказаться. Он не может отречься от созданного им положения, но он должен был бы его попридержать.

Вопрос: С 60-х годов «Вестник РХД» приобрел большое влияние в России среди православной и богословской интеллигенции. Он составлялся и до сих пор составляется, в основном, из материалов, приходящих отсюда. Сейчас многое можно публиковать и читать в самой России. Слабеет ли, по Вашему мнению, прежнее воздействие «Вестника» и умень-

шаются ли в связи с этим объем и качество материалов?

Ответ: Пока не меняется. Мне самому этот вопрос еще не ясен. В общем «Вестник» должен был бы потерять и, может быть, уже теряет свое значение, но, с другой стороны, его доступность расширяется, с ним знакомятся новые круги. Мы преднамеренно никогда ничего не предпринимали. Когда-то «Вестник» был тонким журналом, потом он стал толстым журналом, потому что в него влились материалы из России, ее дух и потребности.

Что касается теперешнего положения, я думаю, что еще рано говорить «ныне отпущаеши», потому что благодаря расстоянию, благодаря тому, что мы живем вне страстей и опираемся на самую существенную и творческую из всех православных традиций, в некоторых случаях мы еще можем давать верную перспективу.

Свт. Патриарх Гермоген отказывает полякам подписать грамоту. Худ. П. П. Чистяков. 1860 г.

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

«Путь на Голгофу». Мозаика из храма Спаса-на-Водах.

Россия, моя Россия,
Страна несказанных мук,
Целую язвы страстные
Твоих пригвожденных рук.

Ведь в эти руки когда-то
Ты приняла Самого Христа,
А теперь сама распята
На высоте того Креста.

Я с тобой, на руках моих — раны,
И из них сочится кровь,
Но в сердце звучит «Осанна»,
И сильнее смерти любовь.

Впереди я вижу своды
Все тех же тюремных стен,
Одиночку, разлуки годы
И суровый лагерный плен.

Но я все, я все принимаю
И святыням твоим отдаю,
До конца, до самого края.
Всю жизнь и душу мою.

Много нас, подними свои взоры,
Погляди, родная, окрест:
Мы идем от твоих просторов,
Поднимаем твой тяжкий крест.

Мы пришли с тобой на распятие
Разделить твой последний час,
О, раскрой же свои объятия
И прости, и прими всех нас.

Свящ. Анатолий Жураковский.

30.09.1932 г. Свирьлаг.

Проф. Никита Александрович Мещерский (1906—1987)

Отрывки воспоминаний

Часть I

Мои встречи с митрополитами Иосифом и Сергием

Лето 1927 года в нашей недавней истории ознаменовано выступлением в печати митрополита Сергия, которое явилось непосредственным источником многих настроений и смут. В это время митрополит Иосиф (Петровых), назначенный в августе 1926 года на должность митрополита Ленинградского и через две недели после приезда в Ленинград арестованный и высланный на родину, в Устюженский район Новгородской области, имел жительство в Моденском Никольском монастыре на реке Мологе.

Я тогда проходил аспирантуру в, так называемом, ИИЛАЗВе и во время летних каникул решил воспользоваться своими проездными льготами, чтобы пробраться в Моденский монастырь. Вооружился аспирантским удостоверением, льготным билетом и 28 июля, в день святого Владимира, выехал. У меня был план доехать до Рыбинска по железной дороге, а там, по реке Мологе, на пароходе до Устюжны. Но пока я ехал в поезде, я узнал, что река обмелела, и пароходы от Рыбинска то ли не ходят, то ли не доходят до Устюжны. Кто-то из пассажиров посоветовал проехать по железной дороге до станции Сонково (где пересадка на поезд Москва-Бутырская), оттуда ехать до Весьегонска; а там — доберетесь. Так я и решил.

Была Ильинская пятница — 29 июля. Я приехал на станцию Сонково и ждал целый день отправления поезда на Весьегонск. Около станции была церковь, где шла служба — богослужение в честь Параскевы Пятницы. К вечеру подошел поезд, и я поехал на север через Красный Холм к Весьегонску. Солнце уже зашло. Что делать? Так как в Весьегонске никого знакомых у меня нет, то я решил понемногу идти в направлении Устюжны — это км 50. Думаю, потихоньку дойду.

Не сразу нашел дорогу на Устюжну. Но к ночи я все же вышел на нее и пошел понемногу. Рассвело. Я прошел, наверное, километров 30. Тут попалась какая-то деревня. Я шел тихо, как вдруг меня окружает толпа мужиков с палками и криками: «Ты поджигатель!». Потаскили меня в сельсовет. «Предъявите документы!» Предъявляю аспирантское удостоверение и льготный билет. Кто-то из членов сельсовета говорит: «Мы не знаем, что с Вами делать». Позвонили в район, там распорядились: «Отпустите — покажите дорогу на Моденский монастырь и дайте

проводника!». Дали какого-то старичка, который должен был проводить меня через болота. Я заплатил ему что-то, и он меня довел.

Там была Филаретова пустынь — женский монастырь. В ней я заночевал. Была суббота. После все-нощной меня положили ночевать в сторожке. На рассвете я покинул Филаретову пустынь и пошел в Моденский монастырь*. Пришел в монастырь в середине обедни, которую служил митрополит Иосиф. После обедни я подошел к нему и доложил — кто и зачем прибыл. Митрополит принял меня очень ласково. Он жил в небольшой келейке. У него как раз было много гостей из Ростова (он был викарием в Ростове до того, как получил назначение в Ленинград).

На другой день настал Ильин день. На все-нощной митрополит не служил, но присутствовал. Он обратил мое внимание на одно место в каноне пророку Илии, о котором проникновенно сказал, что это — сущность праздника:

Канон, 9-я песнь:

На земли ты Ангелом познахом, божественные пророче, и на небеси отнюду человека Божия, якоже и сам Господь рече: понеже Илия человек жесток еси, согрешающе Израилю терпети не можеши, възиди ты ко Мне, и аз доле сниду.

Глубочайшая мысль: Илья — жестокий человек, беспощадный к грехам Израиля, и Христос поэтому берет его на небо, чтобы самому сойти на землю. Мне кажется, что владыка Иосиф, обратив внимание на это место канона, раскрыл свою внутреннюю сущность, свой чрезвычайно добрый характер.

Пока я был в монастыре, мы несколько раз беседовали. Меня очень интересовала его магистерская диссертация — «История иудейского народа в изложении Иосифа Флавия»**. Я уже сам начал заниматься этой темой и хотел с ним беседовать. Но он был далек от своих научных изысканий. Говорили о церковных делах, хотя в то время ничего еще ясно не обозначилось. Рассказал я ему и о своих дорож-

* Моденский монастырь небольшой, человек 10 монахов, и еще была приходская церковь. Монахи совершали полюдье — возили чудотворную икону Николы по окрестности. Благодаря этому они и жили. Монастырь расположен в 30 км от Устюжны.

** Иосиф (Петровых Иван Семенович). История иудейского народа по археологии Иосифа Флавия (опыт критического разбора и обработки). Сергиев Посад, 1903.

Митрополит Иосиф (Петровых).

ных приключениях. Встал вопрос, как меня доставить обратно. Митрополит посоветовал идти другим путем: по правому берегу Мологи до Северной железной дороги, до станции Кадуй, что между Тихвином и Череповцом. Оказалось, что у меня есть попутчики (это было на другой день после Ильина дня), которые шли этим же путем. Через болота, мимо каких-то озер мы вышли на село под названием Петух, где была церковь в честь пророка Илии, и служил кто-то из насельников Моденского монастыря. Я зашел — все, кроме иеромонаха, были пьяненькими. Здесь я переночевал, а потом сел в поезд и приехал в Ленинград.

Приехав в Ленинград, я должен был доложить об этом путешествии людям, которые потом составили ядро иосифлянского раскола, и с которыми я был хорошо знаком. Это прежде всего о. Александр Советов. О нем стоит рассказать особо. Он происходил из известной научной семьи. Его дед — Александр Васильевич Советов когда-то был деканом физико-математического факультета Петербургского университета. Двоюродный брат — Сергей Сергеевич Советов, специалист по польской литературе, ученик Державина, доцент кафедры славянской филологии ЛГУ, умер в начале 60-х годов.

О. Александр окончил Ярославский юридический лицей, потом, во время Первой мировой войны, поступил в кавалерийское училище и служил офицером в драгунском полку. После войны он попал в Вологодскую область, в Тотму. Будучи всегда церковным

человеком, даже на военной службе, он принял в Тотме священство. Приехав в 1923 году в Ленинград, он стал вторым священником в домово-университетской церкви.

Эта церковь помещалась в бывшей квартире Срезневских (на Биржевой линии, второй дом от столовой). Туда она была перенесена из Университета в 1918 году по почину академика В. А. Тураева, церковного старосты. Церковь существовала с 1918 по 1924 г., затем была закрыта.

С о. Александром я познакомился в 1928 г., ибо постоянно ходил в эту церковь и там начал читать и петь. Регентом в ней был Борис Иванович Коплан, сотрудник Пушкинского Дома, специалист по языку Крылова (мы его называли Боб), женатый на Шахматовой, второй дочери академика А. А. Шахматова. Я знал младшую дочь, Катю, с которой учился в Реформаторской школе и в Университете — она работала в БАНе. Когда университетскую церковь закрыли, о. Александр остался без места. Одно время он служил в Тихвине, потом переехал в Новгород, и там был настоятелем Софийского собора («протоиереем Софийским»). Новгородской епархией управлял тогда владыка Иосиф. Там они подружились. Когда митрополит Иосиф был назначен в Ленинград, вместе с ним переехал и о. Александр, ставший настоятелем Спасской церкви в Лесном. Эта церковь несколько лет тому назад (1967) была снесена. Там было две церкви — каменная и деревянная, разрушена деревянная, а каменная еще стоит*.

Приехав из Моденского монастыря, я рассказал о. Александру о своей поездке. Он все воспринял очень благожелательно и почему-то счел нужным, чтобы я все передал епископу Димитрию (Любимову), епископу Гдовскому, Ленинградскому викарию. О. Александр очень чтит Владыку Димитрия.

Как раз было опубликовано обращение митрополита Сергия по поводу отношения к власти. В нем говорилось, что Церковь не испытывает враждебных чувств к советской власти, что православные люди должны быть гражданами Советского Союза; и даже была такая фраза: «Ваши радости — наши радости, ваши печали — наши печали». Эта-то фраза и послужила причиной раздора. Ее многие сочли безобразной и стали осуждать митрополита Сергия. Встал вопрос, как доставить митрополиту Иосифу это обращение, и какие с его стороны будут шаги, какое отношение он выскажет. Нужно было, чтобы поехало доверенное лицо. Меня просили снова поехать с обращениями и письмами.

Путешествие состоялось в августе, после Преображения. Меня снабдили финансами, чтобы я нанял извозчика от станции Кадуй или Уйта до самого Моденова. Я взял с собой текст обращения, письма к митрополиту Иосифу, посылки, которые мне дали епископ Димитрий и его секретарь — монахиня Анастасия, весьма агрессивная и всевластная дама (епископ Димитрий был человек очень скромный и ни во что не вмешивался), и, пожалуй, главная фигура иосифлянского раскола.

Владыка Иосиф дал мне рекомендательное письмо к о. Иоанну Кедрову, настоятелю церкви

* Тоже снесена в 1982 г.

С.-Петербург. Исаакиевский собор.

в Сокольниках, очень уважаемому и достойному священнику, хорошему проповеднику и большому молитвеннику. Я пошел сначала в церковь в Сокольниках, но о. Иоанна в ней не было. Тогда я отправился в патриархию, к митрополиту Сергию, который жил и принимал на Русаковском шоссе. Я не помню, как я к нему попал. Народу было мало. Я просил доложить, и митрополит сразу меня принял. Я передал ему письмо. «Он прислал письмо, просит послать его в Одессу. Мы постараемся что-нибудь для него сделать». Удивительная наружность была у митрополита Сергия — с большой окладистой бородой с сильной проседью, в очках, осанистый, полный достоинства иерарх.

Я вышел от митрополита Сергия и снова отправился в Сокольники. Там богослужение шло всю ночь — началось часов в 10 и длилось до 3 часов утра. Меня поразило, как много в Москве благочестивых православных людей. Был день именин Патриарха Тихона. Я добрался до о. Иоанна Кедрова только после утрени. «Владыка просит, чтобы Вы у нас переночевали. Но Вы уже переночевали...» Я был у него недолго, погулял немного по Москве и вернулся опять в Ленинград. То был мой первый приезд в Москву. В это время перестраивался Охотный ряд: все ломали, в том числе и церковь Параскевы Великомученицы.

Осенью, в октябре — ноябре, 1927 года начались серьезные волнения в ленинградской церкви. Люди, типа монахини Анастасии, стали возмущаться митрополитом Сергием, призывать к расколу, стремясь отделиться и стать независимыми, не связанными с «антихристовой властью». И эти же люди (о. Александр, еп. Димитрий) решили меня снова направить в Москву (это было 8 ноября, на второй день Октябрьских праздников), чтобы я встретился с разными уважаемыми иерархами и выведал их настроения: есть ли у них желание отколоться от митрополита Сергия. Это были лица, на которых они надеялись, люди, сходно настроенные. Во-первых, епископ Варфоломей (Ремов). В свое время этот очень интересный человек был доцентом Московской Духовной Академии, специалистом по Ветхому Завету, членом Библейской комиссии. В мой приезд он служил в Высоко-Петровском монастыре, где действовало брат-

ство, и было очень хорошее богослужение. Владыка Варфоломей был знаток устава и великий литургист. Я подал еп. Варфоломею письмо еп. Димитрия. Он сказал: «Я не согласен делиться. Нам делиться не надо. Выраженный протеста не следует допускать». Был я и у протоиерея (не помню его имени), настоятеля Новодевичьего монастыря, где служили в Смоленском храме. У этого протоиерея тоже было абсолютно отрицательное отношение к разделению. Наотрез отказались еще два-три священника. Я вернулся, доложил о результатах и с тех пор отошел от группы будущих иосифлян.

Когда пришел указ митрополита Сергия о переводе митрополита Иосифа в Одессу, по его же просьбе, эта группа отказалась его принять и стали митрополита поминать как своего иерарха. Они сделали из него знамя. Он уехал в Ростов, а его именем горел церковный пожар. К иосифлянам примкнула «Церковь на крови» (Воскресения Христова), — где служили о. Василий Верюжский и о. Феодор Андреев (бывший преподаватель Московской Духовной Академии); потом на его место перешел о. Александр Советов, примкнули еще несколько храмов в городе и два-три в пригородах и, конечно, Спасский приход в Лесном, где служил о. Александр. Деревянный храм был иосифлянский, а каменный — сергиевский.

В церкви «Воскресения на крови» тогда было очень много народу. Сюда хлынула масса раскулаченных. Их, естественно, тянуло туда, где они находили утешение. Приходили все обиженные и недовольные. Митрополит Иосиф невольно стал для них знаменем.

Церковь «Воскресения на крови» была закрыта в 1930 г., а ее настоятель о. Василий Верюжский был отправлен в ссылку. О. Александр Советов остался невредим. Он страдал тяжелой формой астмы, и когда он попадал в какое-нибудь страшное место, у него случался припадок, что всех пугало, и его освобождали. Он остался в деревянной Спасской церкви. В 1935—36 гг. он присоединился к епархии, в которой уже был митрополит Алексей. Он потом стал настоятелем Сампсониевского собора и дожил до войны; скончался во время блокады.

В книге Левитина (Краснова) совершенно неверно освещена история иосифлянства. Вопрос был не в том, проходить или не проходить регистрацию — регистрацию проходили все, а о внутреннем отношении.

Все обострилось в 1928 году, когда было издано распоряжение митрополита Сергия поминать власть по формуле: «о богохранимой стране нашей, о власти и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Из-за слов «да тихое и безмолвное житие поживем» разразилась особенная буря. «Тихо и безмолвно хотите пожить!» — кричали, хотя это выражение восходит к апостолу и содержит глубокий смысл — безмолвие как внутреннее сосредоточение. И все это подогревалось из-за границы: Антоний Храповицкий заявил, что митрополит Сергей — отступник.

Сам митрополит Иосиф в 30-х годах был выслан в Сибирь и там скончался. Когда я с ним встречался, ему было 54 года. Его книга о Иосифе Флавии до сих пор должна быть настольной книгой для тех, кто изучает этот период. У него есть также лирический дневник «В объятиях Отчих», который он стал вести, когда принял монашество.

МИТРОПОЛИТ СЕРАФИМ (ЧИЧАГОВ) был назначен митрополитом Ленинградским после митрополита Иосифа. Он когда-то служил в гвардейской артиллерии, потом в жандармском корпусе, затем постригся и был настоятелем Спасо-Евфимиевского монастыря, куда посылали на покаяние. Его туда назначили, видимо, имея в виду его жандармский опыт, но это был очень духовно настроенный человек. Он способствовал канонизации прп. Серафима, участвовал в составлении ему службы; был связан с Серафимо-Дивеевским монастырем.* На восьмом десятке жизни был назначен на Ленинградскую кафедру, где оставался с 1928 по 1934 г. В самый последний год его выслали из Ленинграда. Это, очевидно, случилось в 1933 году, во время паспортизации. Ему пришлось переехать из Ленинграда в Тихвин и жить в нем, оставаясь митрополитом Ленинградским. Там он и скончался в 1934 году.**

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ (ЯРУШЕВИЧ) управлял Ленинградской епархией после ареста архиепископа Гавриила (апрель 1927 года) до начала 1928 года. Ему-то и заявили иосифляне о своем отколе.

Это был выдающийся человек, серьезный ученый, он был сыном довольно известного протоиерея — о. Дорофея Ярушевича, родом из Вильны. В Четвертой Государственной Думе было много священников, в том числе и Дорофей Ярушевич. Как член Государственной Думы он переехал из Вильны в Петербург и был настоятелем церкви Синодального подворья на 8-й линии, где жили приезжающие на заседания Синода архиереи.

Еще до принятия монашества он защитил в Петербургской Духовной Академии солидную работу «Церковный суд в России до XV века», с исследованием всех памятников митрополичьего правосудия. Постригся в монахи и был сделан наместником Александро-Невской лавры в 1918 году. В 1922 году, в день Благовещения, он был поставлен епископом Петергофским, викарием Петроградской епархии. Митрополит Вениамин, очевидно, предвидел будущие гонения и выдвигал новых епископов, чтобы не прекратилось епископство. Тогда и были поставлены Иннокентий (Тихонов) Ладожский и Николай Петергофский.

* Он автор книги «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря».

** Автор ошибается, ибо митрополит был арестован и расстрелян в 1934 г.

Митрополит Серафим (Чичагов).

Епископом Петергофским он был с сентября 1922 года по февраль 1923 года, возглавлял автокефальное (противообновленческое) движение. В 1923 году епископ Николай был отправлен в ссылку в Коми, в Усть-Кулому, где пробыл до 1926 года, а когда вернулся, то возглавил Ленинградскую епархию, был викарием. Перед войной был назначен митрополитом Киевским и Галицким. Участвовал в свидании Сталина с православными иерархами в сентябре 1943 года; после чего церковь была окончательно легализована. Митрополит Николай был назначен митрополитом Крутицким и Коломенским, оставаясь им до сентября 1960 года. Скончался при каких-то неясных обстоятельствах 13 декабря 1961 года.

Митрополит Николай был необычайно красноречивый оратор, говорил он замечательно, прочувственно и молитвенно.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Е. Поселянин

Идеалы христианской жизни*

(продолжение)

Глава V

ИСПОВЕДЫВАНИЕ ВЕРЫ

Исповедывание веры есть безстрашное открытие, всенародное, несмотря ни на какие угрозы, возможность казни, ни на какие лишения, страдания, уничижения — признание себя учеником и рабом Христовым, и безусловная верность Христу.

Исповедание Христа в роде грешном и маловерном требует большого мужества и убежденности.

Этого мужества не хватило апостолу Петру, и в страшную ночь предания Христа он во дворе дома первосвященнического трикратно отрекся не только от близости, но и от самого знакомства с Христом: «Не знаю Человека», — отрекся с клятвой: «Нача ротиться и клятися».

Мы часто изумляемся такому малодушию в первоверховном апостоле, которому было дано созерцать Божественную славу в Богочеловеке, который поэтому более других учеников должен был быть крепок пред «соблазном о Христе». И удивляемся тем больше, что в ту же ночь Христос предупреждал апостола Петра о грозящей ему опасности, а Петр утверждал, что он душу положит за Господа.

Если же мы посмотрим в свою жизнь, мы различим в ней множество измен Христу, отсутствие этого мужества исповедания — измен часто еле заметных, но в общей сложности являющихся доказательством того, что в нас совершенно отсутствует дух исповедничества.

Как часто верующие, имеющие известные добрые обычаи, изменяют им для того, чтобы равнодушные не укорили их в себе или не посмеялись над ними.

У человека с детства привычка снимать шапку и креститься на улице пред церквями, и, когда он один, он это в точности соблюдает. А вот, встретился со знакомым, и или не знает, как знакомый к этому

отнесется, или знает, что знакомый осудит его: и вот, пропускает все церкви, или вовсе не крестясь, или потихоньку под пальто, словно крадучись, делает небольшой крестик.

Как он мало в эту минуту дорожит собою и своими верованиями!

Можно заметить, что люди военные, по самому роду службы своей, привычные к большей прямоте и решительности, в этом случае гораздо самостоятельнее, и им решительно все равно, как относятся к этому их внешнему проявлению душевного настроения встречные или сопровождающие их.

То же и с другими обычаями: то, осматривая с неверующими спутниками древний храм, стыдятся помолиться пред святынею, к которой влечет сердце, и приложиться к ней, то из-за страха насмешки не перекрестятся в гостях пред обедом и после обеда.

В приемных комнатах стыдятся вешать образа крупных размеров, а в уголочке повесят чуть заметный образок, да еще постараются подобрать такой, чтобы он сливался с обоями.

Мало душевного благородства выказывают такие нередкие люди, которые боятся, что их увидят раскланивающимися с людьми, которые им лично дороги, но которые имеют недостаточно богатый и изящный вид. Что же сказать об этом чувстве стыда пред ничтожными людьми — обнаружить свою веру во всемогущее и окруженное неприступною славою Божество?..

Считают дерзостью не поклониться знакомому, выше себя стоящему человеку, и с легким сердцем проходят мимо селения славы Божественной, не отметив ничем своего благоговения.

А между тем, исповедывание Христа является одним из самых прекрасных и торжественных актов в жизни христианской души.

Вообразите себе такую картину.

В одном из прекрасных городов римских владений на Средиземном побережье, на помосте, среди открытой площади происходит допрос христиан.

* Сохраняется орфография автора.

Вокруг волнуется толпа, несдержанная, полная страсти и порывов, толпа теплых стран, и в ней ненависть одних стоит рядом со жгучим тайным сочувствием других, отвращение и презрение рядом с душевным восторгом.

Все эти люди твердят одно слово: то слово, которое безвозвратно осуждает их на муки и казнь:

— Я христианин!

Их много — и старцы, одни величественного вида, другие — изможденные и ослабшие, и супруги в пору первой счастливейшей любви, и зрелые мужи; и юноши с открытыми лицами и гордо поднятой головой в спокойной гордости непорочной и богатой надеждами юности, со смелым взором, и робкия девы, как распускающиеся на стеблях розы и лилии, и дети, во всем очаровании своего детства...

И все эти разнообразнейшие люди, со всеми своими несходствами, полны одним счастьем своего исповедывания...

Нет, не услышит от них взирающий с высоты небес на их подвиг Христос, не услышит Он от них вновь позорных слов отречения:

— Не знаю, не знаю Человека...

Не виденный ими, и лишь веруемый, чаемый, предчувствуемый, Он владеет ими с нераздельною силою...

Некоторые из них лишь за несколько, быть может, часов до того почувствовали Его в своей душе, навещая в тюрьме забранных раньше родных христиан... Но и в этих работниках последнего часа то же рвение, то же пламя, тот же дух адамантов.

«Познать Тебя, почуять вдруг, что нет в жизни никого выше и краше Тебя, поклониться страданию Твоему, искать участия в нем, тут терпеть пытки короткими часами, чтоб в вечности ликовать с Тобой — какой высокий удел!»

Так должны были чувствовать эти исповедники, с сияющими лицами шедшие на пытки.

Когда любишь, когда убежденно чтишь кого-нибудь, — тогда искреннее и горячее сердце невольно ищет жертвы, и нет высшего тогда счастья, как делить с любимым человеком его скорби.

И сила стремления распяться со Христом была у мучеников и исповедников так велика, что они приобретали сверхъестественное терпение в таких пытках, воспоминание о которых леденит кровь.

Жарят мученика на жаровне, и он спокойно говорит:

— Испеклось, переверни на другой бок.

Предлагали славу, богатство, сказочное мирское благополучие, словно надбавляя ставку при всяком новом отказе, словно желая испытать, до какого же, наконец, предела может дойти безумие христиан.

А с другой стороны лежали орудия пыток, разводили костры, чтоб палить огнем, растопляли олово, чтоб пытать горячей струей металла.

И надо было сделать так мало: отказаться от своего исповедания, перестать отвечать этими двумя словами: «Я христианин; я христианка», и небрежным движением руки возлить вина на жертвенник пред идолом.

И не хотели. И умирали за это право, только за это право твердить:

— Я христианин. Я христианка.

И какое это было счастье во время мук шептать: «Верую в Тебя, люблю Тебя, — до того, что и страдаю за Тебя, и счастлив страданием моим». И сколько

внутреннего утешения было в этом вот познании, что не постыдился ни пред кем Сына Человеческого...

Но этот род исповедывания Христа не был еще самым высоким и трудным.

В большинстве случаев, в самой обстановке такого исповедничества и мученичества было много поэзии и красоты.

Блеск южного солнца, сверканье мраморных скамей амфитеатра (цирка), где, в большинстве случаев, замучивали христиан, всенародность подвига, уверенность, что твой пример зажжет чье-нибудь сердце, и слух в замученном теле, в последние секунды быстро догорающей жизни, уловит еще вопль чьей-нибудь души прозревшей и освобожденной: «Я верую, я христианин», — и за твою смертью тут же совершится мученический подвиг мгновенно обращенного тобою христианина, — как все это, особенно в молодые годы, когда по душе все яркое: заманчиво и привлекательно.

Они уходили от той жизни, тщету которой они сознали, в безграничное блаженное существование; от раздора земли, особенно им ощутительного после их обращения, уходили к бессмертному миру и покою... Они были в эти часы пред последними пытками и казнью, как путники, долго стремившиеся в волшебную страну и слышащие последние свистки увозящего их, наконец, в эту страну парохода.

Они чувствовали, что им открыты объятья Христа... Блаженство приоткрывалось...

С первого взгляда не понятно, как это могли происходить такие быстрые обращения. Но великое чувство имеет в себе замечательное свойство: оно подчиняет других, разом падают всякие-то незримые окопы, и душа, торжествуя, входит, точно как освобожденная пленница, в свою родную стихию.

И особенно сильно и заразительно безстрашное исповедывание заветных убеждений.

Но выше этого, если можно так выразиться, праздничного исповедничества стоит исповедничество многолетнее, требовавшее постоянного напряжения воли, каково было исповедничество Афанасия Великого, боровшегося против ереси Ария, не признававшей божественности Спасителя, исповедничество Иоанна Златоуста, обличавшего пороки высшего царьградского общества.

Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, провел в борьбе с арианами всю свою жизнь.

Еще в сане диакона, имея от роду всего двадцать девять лет, он сопровождает своего епископа на первый собор в Никее и своим метким и пламенным словом поражает в голову ариан.

Тридцати лет он был уже епископом. Когда сильные при Дворе ариане добились того, что православным было велено принять их в общение, Афанасий, не побоявшись гнева Двора, ответил, что он не примет еретиков, «не имеющих ничего общего с Христовою церковью». Ему грозила смерть от ариан, и, чтобы спасти его жизнь, император Константин, не замешая Александрийской кафедры, велел ему из Африки удалиться в нынешнюю Францию.

Когда при сыновьях Константина Афанасий вернулся в Александрию, на кафедру был назначен единомышленник ариан Григорий, вступивший в Александрию с отрядом войска, последовали убийства и насилия; Афанасий едва спасся от смерти и бежал в Рим.

Водворенный впоследствии снова в Александрию, Афанасий продолжал возбуждать ненависть ариан.

Велено было удалить его с кафедры силою. Опять грозила ему смерть. Бог чудесно его спас, и он удалился в египетскую пустыню к жившим в ней отшельникам. За голову Афанасия была назначена высокая плата. А Афанасий из своего уединения разсылал повсюду свои писания, защищая христианскую истину.

Вернувшись при императоре Юлиане Отступнике на свою кафедру, Афанасий возбудил ярость борющегося с христианами императора, и был издан приказ: «Гнать Афанасия везде, где только можно».

Афанасию пришлось снова уйти из Александрии, и он пророчески утешал свою паству: «Не смущайтесь, дети. Это только облачно. Оно скоро исчезнет...»

Действительно, вскоре Юлиан был убит в войне с персами. Афанасий был возвращен в Александрию, но на время снова оставил ее при покровителе ариан, императоре Валенте. Только последние несколько лет своей жизни Афанасий провел спокойно.

Как много вытерпел он в ясном исповедничестве своем: гонения, многократные свержения с кафедры, скитания... Но он не подался и стоял непоколебим столпом православия.

Казалось, дело истинной веры погибало. Высшее духовенство, влиятельные круги общества, монастыри, императоры — все было на стороне ариан. И гонимое православие покоилось на одном Афанасии.

Никакие натиски бурь его не сокрушили. Он сохранил и передал грядущим векам учение веры в ненарушенной чистоте. И в соответствии с именем его

(Афанасий значит бессмертный), память его и слава в Церкви не погаснут, пока стоит православие.

После этого столпа истины, выступившего впервые на первом вселенском соборе и утвердившего догмат о равночестности Бога Отца и Бога Сына, вспомним деятелей последнего из соборов — седьмого, тоже Никейского, борцов за иконопочитание.

Нельзя без волнения следить за несокрушимой твердостью той немногочисленной горсти людей, которые — как некогда Афанасий сильным своими связями арианам — теперь противостали официальной и могущественной ереси иконоборцев, считавших в числе фанатических приверженцев своих — Греческих императоров. Не изменить чистоте веры среди самых беспощадных гонений и самых отчаянных обстоятельств, она бодро стояла, в надежде на лучшие времена, безстрашно умирала за свое правое дело, наконец, добилась своего и возновила иконопочитание.

Не против икон и мощей только, но и против иночества, против церковных установлений и всего, что налагает узду на страсти, против всей строгой церковности были направлены громы иконоборчества. Сама Церковь с Ея вечными истинами, с неизменяемым сокровищем Ея учения, — вот, что ненавистно было иконоборцам.

Но мощно выступили на защиту Православия Св. Феодор Студит и другие. Напрасны были гонения и мучения.

Вербное воскресенье (с картины худ. Н. Ткаченко).

Когда церковная смута достигла своего апогея, на защиту правой веры поднялся человек великих дарований и великого вдохновения, Иоанн Дамаскин, первый министр калифа Дамаскаго. Личность эта, воспетая нашим поэтом, графом А. К. Толстым, достаточно известна. В Константинополе между верными ходили по рукам и жадно читались послания Дамаскина, в которых он проникновенно, художественно излагал взгляд Церкви на иконопочитание и выяснял ложь иконоборчества. Император Лев III не мог достать и мучить его, как другие императоры мучили единомышленников Иоанна. Иоанн не был греческий подданный. Оставалось прибегнуть к испытанному средству: клевете. Лев III велел изучить почерк Иоанна Дамаскина, было подделано письмо, как будто писанное первым Дамаским министром императору, с предложением изменнически сдать ему Дамаск, и это письмо отправлено калифу. Возмущенный калиф, отсек Иоанну руку. Церковное предание говорит, что, по молитве Иоанна пред иконою Богоматери, отрубленная часть руки чудесно приросла к своему месту.

Каким мощным духом, какою драгоценною силою убеждения проникнуты эти святые жизни «огненосных столпов Православия!».

Да, это были люди! И каким укором веет от этих цельных, светлых образов в наше время на нас в нынешней великой смуте, также возстающей на Церковь, на церковные установления, на самого Христа...

Таким же непоколебимым столпом Православия явился и блаженный Марко Ефесский. Он был представителем Антиохийского патриарха на Флорентийском соборе 1439 года, где изменник православию, московский митрополит Исидор, признал главенство над русскою Церковью Римского папы.

Марко, епископ Ефесский, не подписал акта соединения церквей, который подписали другие, увлекаемые подкупом или боязнию... От Марка же подписи и не ждали: так были уверены в непоколебимой крепости его и приверженности к православной вере. Когда соборное определение было поднесено для подписания папе, и на вопрос папы, подписался ли Ефесский, отвечали, что нет — папа воскликнул: «Так мы ничего не сделали!».

Вот, что значит стойкость одного твердого человека, которого уважают и враги его...

Трогательное предание соединяет в одно разбеденных по жизни пространством полувека, и столь географически далеких друг от друга Марка Ефесского и русского поборника православия преподобного Сергия Радонежского. Это предание говорит также о чудном единении живых и в небе торжествующих праведников, о том, как пристально следят небожители за подвигами духовно им сродных земных людей.

Суздальский священник Симеон, бывший с Исидором на Соборе, не хотел покориться латинству, много пострадал за это и вместе с Тверским послом Фокою решился бежать в отечество. Не имея ни средств, ни защиты, ни знания путей, они пристали было к путешествующим купцам; но приближаясь к одному, грозно укрепленному городу, купцы отогнали их от себя, опасаясь потерпеть за них, как за людей неизвестных и сомнительных. На одной горе, утомясь и недоумевая о пути, Симеон и Фома легли и задрема-

ли. Вдруг видит пресвитер старца, который, взяв его за правую руку, сказал: «Благословился ли ты от последовавшего стопам апостольским Марка, епископа Ефесского?». Он отвечал: «Да! я видел сего чудного и крепкого мужа и благословился от него». Тогда явившийся говорил далее: «Благословен от Бога человек сей, потому что никто из суетного Латинского собора не преклонил его ни именем, ни ласкательством, ни угрозами мук. Ты сие видел, не склонился на прелесть и за то пострадал. Проповедуй же заповеданное тебе от святого Марка учение, куда ни придешь, всем православным, которые содержат предание Святых Апостолов и Святых Отцев семи Соборов, и имеющий истинный разум да не уклоняется от сего. О путешествии же вашем не скорбите: я буду неотступно с вами и чрез сей непроходимый город проведу вас безопасно. Теперь, востав, идите; прошед немного, увидите место, где две палаты, и подле них жену, именем Евгению, которая примет вас в дом свой и успокоит; а потом вскоре и чрез город пройдете без задержания». Пресвитер спросил старца: кто он? и явившийся отвечал: «Я Сергей Маковский (Радонежский), которого ты некогда призывал в молитве. Ты обещался придти в обитель мою, но не пришел; и теперь обещания не исполнишь, но по неволе там будешь». Пробудясь, пресвитер рассказал видение своему спутнику, и они пошли с радостью. Все случилось по предсказанию: Евгения пригласила их для успокоения; потом прошли они через город среди множества вооруженных людей, не быв никем задержаны. Там Симеон возвратился в отечество, где сбылось над ним предсказание великого чудотворца.

Симеон почему-то замедлил и не поспешил в обитель Сергиеву. Между тем, возвратился Исидор и заключил его в оковы, как непокорного. По изгнании Исидора Симеон освобожден из оков и отдан игумену Троицкой Лавры Зиновию. Таким образом, по предсказанию преподобного Сергия, он поневоле привезен в обитель его, где со слезами рассказывал братии свои приключения (*Некоторые черты из жития преподобного Сергия Радонежского после смерти, стр. 35—37*).

В наше время исповедничество не ведет к пыткам внешним, к изгнанию, заточению и казни. Но и в наше время исповедничество едва ли безболезненно для людей, всю деятельность свою славящих Христа.

К христианским идеям таких громадных, исключительно известных писателей, как Достоевский, относятся с нескрываемым невниманием. И, если критика не замолчала его, то только вследствие слишком всем видимой его яркости.

Если не замалчивалась проповедь Толстого а раздвигалась, то, главным образом, потому, что он был христородец и говорил от себя, а не от имени Христа распятого. Если б он исповедывал Христа — Богом, пришедшим во плоти, то, конечно, были бы приняты все меры к тому, чтоб он был меньше услышан.

В конце прошлаго века писал в Москве выдающийся, глубокий, чуткий литературный критик Ю. Н. Говоруха-Отрок, избравший себе псевдоним «Ю. Николаев». Он был христианин и смотрел на литературу и искусство с точки зрения христианства. Его усердно замалчивали.

Он издал блестящую работу, критический этюд о Короленко, где отмечается стремление автора подметить во всяком человеке Божию искру, понять и

оправдать падших... Книгу замалчивали... Как-то он встретился в ресторане с руководителем одного ежемесячного толстого журнала противоположного направления.

— Хороша ваша книга о Короленко, — сказал ему тот: читал ее с наслаждением. Прекрасная книга.

— Так что же вы о ней ничего не пишете? Ведь, книга говорит о писателе, который пользуется у вас величайшим сочувствием.

Тот улыбнулся и сказал:

— Ну, писать-то мы о вас не будем... Чем ваши книги будут удачнее, тем упорнее мы будем вас замалчивать.

Это заявление было цинично, но правдиво: так оно в действительности и бывает.

Примкну Ю. Николаев к противоположному лагерю, держи про себя свое христианство, не становись под христианское знамя, он имел бы шумный успех и широчайшую известность... Он предпочел быть верным Христу, идя на несомненную жертву. И поэтому жизнь его, может быть, названа исповедничеством.

Самый оригинальный, самый сильный, самый стихийный художник в России за последние десятилетия, несомненно, Васнецов. Его работы на стенах киевского Князе-Владимирского собора — это откровения нового русского искусства, подающего, вместе с тем, руку бедным формою и богатым чувством художникам-иконописцам давней былой России.

Но, именно, за это, за согласие своего идейного настроения с исконными верованиями русского народа, многочисленнейшая часть печати относится к Васнецову совсем иначе, чем относилась бы, если б он со своим талантом не был исповедником своих религиозных убеждений.

И такие явления вы встретите часто и повсюду. Мне говорили, что пьеса одного уже известного драматурга была забракована к принятию на сцену только из-за своего явно выраженного христианского направления, хотя повод был, конечно, выставлен иной...

Теперь подумайте, какую силу духа и убеждения надо было иметь тому же, например, Ю. Николаеву... Не высказывая он своего христианства — жизненная удача была бы ему уже обеспечена: громадный заработок, общее сочувствие, слава.

Человеку пишущему так важно быть услышанным многими, чтоб мысли его могли расходиться широко. Когда он говорит с узким кругом читателей, это похоже на то, как если б ему закрывали рот. И вот не только выгоды, но и столь важное, на первом месте для писателя стоящее соображение о том, чтобы иметь широкий круг читателей и действовать на них: всем этим пожертвовал Ю. Николаев, чтоб остаться верным Христу и иметь возможность громко Его исповедывать... Это тоже своего рода мученичество.

Всюду и всегда, во всяком положении и на всяком шагу вашей жизни у вас будет случай проявить ваше исповедничество. И счастливы те, кто смолоду к этому стремится.

Одно лицо, занимающееся разработкой духовных вопросов, рассказывало мне, что, когда он был проездом в Киеве, к нему обратился ученик одного средне-учебного заведения, юноша лет восемнадцати, который задался мыслию устроить кружок верующей молодежи, чтоб находить взаимную духовную поддержку.

Мой знакомый передавал мне, что, доверяя свой план ему, как лицу, много думавшему о духовной жизни, этот посетитель прямо пылал огнем ревности, сторуал желанием сохранить веру в себе и в товарищах и пробудить ее в равнодушных.

И разве это не есть исповедывание?

Бывают люди, которые вообще в дело своей жизни влагают столько чисто религиозного, что вся их жизнь представляется одним сплошным подвигом исповедничества.

Таким человеком за последнее время был известный народный учитель Сергей Александрович Рачинский, вся деятельность которого была проникнута высшими христианскими идеалами.

Рачинский происходил из богатой помещичьей семьи Смоленской губернии и родился в родном поместье, селе Татеве, Бельского уезда; по матери он был родным племянником поэта Баратынского. Детство его прошло в уюте старой дворянской усадьбы, с прекрасным, поэтичным домом.

Он получил тщательное воспитание, прекрасно знал иностранные языки и музыку.

От матери своей он унаследовал большую набожность, и своей чуткой душой сильно воспринимал церковные впечатления. Когда он с семьей мальчиком в первый раз посетил Москву, она оказала на него и на его склонность ко всему церковному большое влияние. Он всегда поминал, как, войдя однажды в Троицын день в церковь Успения на Покровке, убранную зеленью, цветами, березками, он был поражен ее красотой.

Поступив в московский университет, он пристрастился к ботанике и по окончании курса усовершенствовался в этой науке за границей, а потом был приглашен занять кафедру по ботанике в московском университете.

По своему уму и качествам своего характера, он занял видное место среди московского образованного общества. У него бывали все выдающиеся москвичи.

Но в этой жизни он не испытал полного удовлетворения. Чего-то не хватало ему. Несколько лет он провел в тревожных исканиях и, наконец, нашел свою цель, цель своей жизни: он стал сельским учителем.

У нас давно было принято говорить о народе, о сельском населении, о необходимости служить ему и просвещать его. И очень часто все эти разговоры так и оставались одними разговорами.

Никто из видных общественных деятелей не послужил народу с тою полнотою, искренностью, с отдачей на эту службу себя самого, всех дней и часов своей жизни, как сделал это С. А. Рачинский: сделал просто, тихо, без рисовки.

Богатый представитель высшего круга, европейский ученый, он совершенно изменяет свою жизнь.

Знавшие Рачинского молодым передавали, что он очень заботился тогда о своей внешности и изысканно одевался. Теперь он надевает самое простое платье, единственное достоинство которого — чистота.

Он даже покидает старое насиженное гнездо, свой помещичий дом. На свои средства он устраивает общежитие для мальчиков, которые живут в отдаленных деревнях и которым поэтому трудно приходиться ежедневно в Татеве. Сам он селится с этими крестьянскими мальчиками, отводя себе при школе две маленьких комнатки, одна из которых служит ему кабинетом, другая — спальней.

И всю остальную жизнь свою, тридцать четыре года, он трудится, воспитывая целые поколения крестьянских детей, выдававшихся своими душевными качествами и ставшими, по его примеру, такими же самоотверженными народными учителями.

Свои наблюдения над крестьянскими мальчиками и русскую душу вообще, которую он так непосредственно и близко изучил, он излагал в статьях, из которых составил сборник под заглавием «Сельская школа».

Этот сборник следует прочесть всякому, кто интересуется русским народом.

Близко подойдя к народной душе, Рачинский был изумлен ее красотой, ее идеализмом, ее высокими стремлениями. Он увидел, что «русский народ под грубой внешностью скрывает огромное богатство духовных сил, которые дремлют и которые школа должна разбудить». «В душе русского человека, говорит он, ярко пылает пламя сердечной искренней веры в Бога» — «Жизнь для Бога», «жизнь по Закону Божию», «отвержение себя», «подвижническая жизнь», «жизнь в монастыре» — вот, лучшие мечты и желания большинства крестьян и крестьянских мальчиков, попавших в школу Рачинского и дававших ответы на его вопросы, чему хотят они научиться в школе, и чего хотят они добиться в жизни.

Отсюда — выводил Рачинский — долг каждого истинного просветителя народа воспользоваться этими сокровищами русской души, развить в учащих глубокое религиозное чувство, поднять, облагородить их, сделать из них, прежде всего, «православных христиан», любящих Церковь с ее богослужением и заветами, как любили все это наши предки.

Рачинский понял, что единственное просвещение, которого народ жаждет, есть «свет Христов»: что один он может озарить трудовой путь русского крестьянства и привести его к затаенной цели крестьянской души — «жить в Боге и для Бога»; просвещение народа должно происходить под благодатным воздействием Церкви.

«Такого образования и воспитания, — пишет Рачинский, — не получал еще ни один народ мира. Пусть получит его народ русский, который должен сказать свое жизненное слово прочим народам востока и запада, ждущим нового откровения. И, без сомнения, он скажет его, если просвещение русского народа произойдет в строго-христианском духе».

Народ всегда смотрел на грамотность, как на ключ к Божественному Писанию, и у Рачинского особенное внимание было обращено на церковно-славянский язык. Изучение Закона Божия не носило характера сухого учебного предмета, а велось в виде простых, сердечных, живых, душевных бесед с детьми о предметах веры и нравственности, так чтоб тронуть сердца и развить волю школьника.

Особенное внимание было обращено на церковное пение, по которому отцы могут наглядно судить о том, что дети их не теряют времени своего даром, так как слышат детей поющими в церкви.

И пение школьного хора в Татевской церкви, и церковно-славянское чтение школьников велись образцово, способствуя торжественности богослужения и доставляя радость и утешение и самим школьникам, и прихожанам.

Имея ум практический, Рачинский ставил обучение крестьянских детей так, чтоб давать им умения, нужные в их жизни.

Уроки русского языка имели целью дать навык к написанию крестьянского письма, прошения, условия о съемке земли. В арифметике, главным образом, имелось в виду развить способность уместенного счета. И ученики Рачинского в этом достигали изумительных успехов.

Рачинский не сочувствовал модным теперь статейкам в хрестоматиях о внешнем мире, с объяснением крестьянским детям, с младенчества свывшимися с животными, что есть лошадь и что есть корова. Но он находил очень полезным во время прогулок и во время занятий в сельском саду и огороде знакомить детей с наглядным показом с тайнами окружающей их природы.

Ученикам сообщалось также о главнейших исторических событиях Европы и России и понятие о географии всеобщей и русской.

В основу же всего ставилось — привязать детей к Церкви, ко всему истинно народному и высокому, выработать навык к чистой трудовой христианской жизни.

Заслуга и одновременно успех Рачинского состояли в том, как подошел он к народной душе.

Образованное общество смотрит обыкновенно на народ свысока, как на дикарей, на какое-то пустое место, тогда как по богатству душевному безграмотный крестьянин, с живым чувством Божией правды стоит много выше другого образованнейшего человека.

Подойдя к народу, Рачинский понял, что народ не только надо учить, но что прежде и самому у народа надо многому поучиться.

Обыкновенно какое-то глубокое взаимное непонимание отделяет образованные классы от просто-народа. И эта несомненная рознь основана на том, что они по-разному верят, к разному стремятся: народ и образованные люди, оставшиеся верными исконным общенародным чаяниям, ищут жизни по Божией правде; большинство же образованных мечтает лишь о том, как бы получше устроиться на земле.

А Рачинский с глубоким смирением и усердием подошел к народной душе и, подойдя и всмотревшись в нее, изумился ей и преклонился пред нею, и так полюбил народ, и так послужил в лице своих школьников будущему окружающему крестьянству, что стал для этих детей и учителем, и слугой, и воспитателем, и надзирателем.

Христианство должно трубить о таких людях и всячески прославлять их. Рачинский с совершенной полнотою исполнил великий завет Христов: «Блюдите, да не презрите единого от малых сих».

Его забота о детях видна в самой внешности его школы, которая, можно сказать, являлась земным раем этих маленьких исповедников Христовых во главе со своим учителем.

Школа, устроенная Рачинским, представляла собою большое деревянное одноэтажное здание с широкой террасой спереди. Небольшая двухэтажная пристройка заключала внизу две комнаты самого Рачинского, а верх был им отдан ученикам, занимавшимся иконописанием и живописью. Пред зданием был разбит трудами учителя и учеников большой красивый цветник.

Стены террасы и столбы, поддерживающие навес, были также украшены вьющимися растениями. Цветы, к которым имел такое пристрастие Рачинский, наполняли и террасу.

В здании помещались столовая, кухня, общежития, классная комната.

Просторная, светлая, с большими окнами, классная была украшена множеством картин и рисунков из Божественного и из русской истории, рисунками его учеников. (Среди них был известный художник Богданов-Бельский.) Тут же висел большой снимок с изображения Богоматери работы Васнецова, находящегося в Киевском соборе («Богоматерь, несущая миру спасение»). Этот снимок подарен школе самим художником.

Тут же висели таблицы с красивыми заставками и орнаментами, написанные крупным славянским уставом рукою самого Рачинского и заключающие тропари двенадцатых праздников, догматики и другие молитвы и церковные песнопения. В переднем углу перед иконами теплилась лампада, и все иконы были увешаны чистыми расшитыми полотенцами. Одна из стен была почти совершенно стеклянная, и по ней стояли комнатные растения и цветы, придававшие ей уют и красоту. Прямо из класса была дверь в комнату Сергея Александровича. С балкона школы открывался красивый вид на окрестности Татова. Чрез дорогу был разбит школьный сад и огород, в котором ученики сами сажали и выращивали себе разные овощи и ягоды.

Школа блистала чрезвычайной опрятностью и порядком, и все это поддерживалось учениками под наблюдением самого Рачинского. В школе не было даже сторожа. Дети сами мыли полы, выметали сор и пыль, рубили дрова, носили их в школу, топили печи, таскали воду, ходили за провизией для обеда; только что для стряпни была старушка, являвшаяся единственною прислугою в школе и в школьном общежитии, в котором иногда набиралось до пятидесяти человек народу.

Родовитый барин, Рачинский не только поддерживал в школе порядок наравне с учениками, но и принял на себя самую черную обязанность: он очищал навоз с площади перед школой, которого особенно много бывало после праздников и базарных дней, когда в церковь и село приезжало много крестьянских подвод. Весь этот сор и навоз шел обыкновенно в школьные цветники и на школьные огороды. Рачинский также сам полел гряды на школьном огороде летом. Так он придал школе без всяких почти затрат красивый и художественный вид.

Он настолько сжился со своей школой и с детьми, настолько отдал им себя, что о производимом им впечатлении один из посетителей школы говорит: он был не только учителем своих учеников; мне кажется, что будет мало его назвать отцом. Он, редкий по душе и мягкости любвеобильного сердца человек, был для своих питомцев скорее любящей матерью, жившей одними с ними радостями и горевавшей их неудачами и печалью. Школа была его дом, школьники его семья, для которой он работал, не покладая рук.

Татевские школьники никогда не оставались без надзора, с ними были или сам Сергей Александрович, или его помощник. Вместе с ними Рачинский ел, пил и ночевал, первым вставал и последним ложился. Дверь в его комнату никогда не запиралась, ни днем, ни ночью. Он был для учеников и учителем, и слугой, и воспитателем, и надзирателем. При такой материнской нежности к ученикам, он в то же время был с ними тверд, не потворствовал их слабостям и проступкам. Сердечное его отношение к школьникам де-

лало в большинстве случаев невозможными самые проступки, при вспышках дурного характера Рачинский старался затронуть нежное в детях чувство справедливости. Мелкие же невзгоды и детские преступления он старался не замечать. Если бывало дети, резвясь, нечаянно разобьют стекло или горшок с цветами, он только тихо скажет:

— Это ты, Ваня, разбил? Пойди, скажи Семену, чтобы он позвал садовника убрать это.

С раннего утра до поздней ночи проводил Рачинский в своем ежедневном подвиге. В шесть часов дети, жившие в общежитии, вставали и шли на молитву. Здесь их уже ожидал Сергей Александрович. Начальный и заключительный молитвенный возглас, как положено мирянами, произносил Рачинский или один из его помощников. Дежурный ученик читал положенные молитвы, они прерывались и заканчивались общим пением. Затем следовал завтрак — хлеб с молоком, а в постные дни с квасом. От завтрака до девяти часов производились хозяйственные работы: кто носил дрова в комнаты, кто воду, кто поливал цветы, кто убирал школу, кто отправлялся на помещичий двор за съестными припасами.

Все содержание общежития ложилось на Сергея Александровича. Сам же он в это время ходил здороваться со своей престарелой матерью, которую пережил всего на восемь лет, и с незамужней сестрой. С девяти начинались занятия до полудня, и Сергей Александрович преподавал в старшей группе. В полдень был обед. Столовая служила для ребят и спальной — по стенам были устроены нары с отделениями для каждого мальчика. В этой комнате стояли два длинных стола с лавками по бокам. За одним из столов в конце сидел обыкновенно Сергей Александрович, а за другим его помощник. Обед состоял из двух блюд: большею частью из щей или супа с мясом и каши. Посты строго соблюдались. По праздникам давались еще пироги и чай. Пища была питательная, но ничуть не роскошная — и только, которой пользуются зажиточные крестьянские семьи. Пред обедом и после обеда пелись обычно молитвы. Овощи к столу шли из школьного огорода, который под наблюдением Сергея Александровича возделывался учениками.

Затем до двух часов было свободное время, зимой отгребали снег около школы, летом копались в огороде. Также занимались и отдыхом на чистом воздухе под надзором Рачинского или его помощника. Если Сергей Александрович не мог, чувствуя себя слабым, принять участие в работах, то он в это время переписывал ноты для школьного хора и разрисовывал крупными славянскими буквами для Татова или соседней школы молитвы, тропари и кондаки двенадцатых праздников с разноцветными заставками и орнаментами. Они укладывались на картон и вешались в виде украшения на школьные стены.

С двух часов до четырех шли уроки, в четыре ребята полдничали, затем отдыхали, играли на дворе или прогуливались, а с шести до девяти шли вечерние занятия. Решались арифметические задачи на устный счет, читались и заучивались лучшие и доступные крестьянскому пониманию произведения русской словесности. Бывали также в это время и спевки.

Арифметические задачи, решаемые в уме, были особенно любимы учениками. У него было заведено так, что сам он сидел или стоял в сторонке. Кто решит написанную на большой черной доске задачу, подбегает к нему и шепчет на ухо ответ. Если решение

верно, мальчик становится по правую руку учителя, если неверно — по левую. Это упражнение в устном счете производилось и по праздникам вечером. Тут, желая поощрять наиболее смысленных детей, Рачинский оделял пряниками тех, кто быстрее всех шептал ему верно ответ. Эти задачи были напечатаны в особой книжке под заглавием «1001 задача для устного счета». Дети школы Рачинского достигали в этом устном счете необыкновенной сноровки. В девять часов бывали в неперменном присутствии Сергея Александровича вечерняя молитва. «Серьезно, сосредоточенно, — говорит один из бывших помощников Сергея Александровича, — стояли пред иконами с теплящейся лампадой после целого дня умственных и разнообразных трудов наши ребята — и я не могу сказать, как милы, как они хороши бывали в это время...» Другой очевидец, вспоминая эту вечернюю молитву, свидетельствует: «было во всем этом столько умилительной простоты, столько искренности, неподдельного благочестия, что на глазах у меня навертывались слезы, и я никогда не забуду этого впечатления».

Вот как проводились предпраздничные и праздничные дни: в субботу уроки оканчивались в двенадцать часов дня. После обеда производилась общая уборка школы: мытье полов, чистка спальни, а потом ученики шли в баню и, вернувшись все вместе, пили чай. После чая сам Рачинский читал и объяснял очередное воскресное или праздничное евангелие.

Среди обширного класса ставился стол. По скамьям поодаль размещались помощник, учителя и ученики, а иногда и родственники учеников и взрослые певчие, приходившие на эти субботние беседы из деревень. Рачинский прочитывал положенное евангелие по-славянски и давал несколько объяснений, а потом читал то же евангелие по-русски. Эти объяснения переходили в целые беседы и по сердечности, по жизненности и назидательности своей глубоко западали в сердце каждого слушателя и оставались в памяти на всю его жизнь. Суббота оканчивалась спевкой на воскресные и праздничные службы. Затем следовали молитвы и сон. Крестьяне певчие пользовались посещением школы, чтобы сходить в баню, и потом угощались чаем с баранками и школьным ужином, и так любили эти беседы, что никакая погода не могла удержать их дома. Праздничная служба в Татевской церкви отправлялась истою, церковное пение было поставлено в Татеве превосходно. Сергей Александрович из богатого выбора церковной музыки выбирал лучшие творения, которые и исполнялись с воодушевлением и искусством. После богослужения дети в праздник пили чай, ели пироги, резвились, отдыхали, уходили к родным, а вечером занимались с Сергеем Александровичем, и больше всего решением устных задач, за быстрый ответ на которые следовали пряники.

Мудрый Рачинский понял, что дети никогда не любят школу настоящим образом, если со школой у них будут связаны лишь воспоминания об упорном, напряженном труде. Он знал, что в детских душах ярче запечатлеваются не будничные, обыденные воспоминания, а воспоминания редкие, праздничные, необычайные.

Поэтому все радости праздничных дней, всю их особенность, необычайность он тесно связал со школой, и этим привязал еще больше к школе сердца крестьянских детей.

Задолго до Великого Праздника в Татеве начинались предпраздничные приготовления, устраивались частые спевки с заучиванием разных праздничных песнопений. Время проходило в каком-то трепетном ожидании торжества.

Один из сотрудников Рачинского так описывает Пасху в Татеве:

«С утра в Великую Пятницу началась уборка комнат, главным образом большой классной комнаты. Сергей Александрович приказал принести множество свежих цветов в плошках из оранжерей дома своей матушки и принялся сам с нами украшать школу: всем было много работы. Из большой классной комнаты мы вынесли несколько столов, а остальные расположили в ряды, спинками друг к другу, и получилось два длинных стола: крышки в них мы приподняли, подложив подножки, и все это получило вид двух огромных ровных столов. Стены вымыли, вытерли, и под руководством Сергея Александровича увешали их десятками расшитых полотенец, выставили окна, иконы чудно убрали полотенцами. Затем Сергей Александрович начал разставлять цветы на окнах и пред иконами и на широких лавочках с цинковыми подносами. Так хорошо, весело стало. Из большого дома Сергея Александровича принесли несколько корзин с куличами, пасхами, крашеными яйцами и проч. Все это мы с Сергеем Александровичем разставляли на столах в перемежку с цветами».

«Вечером из Тарховской школы (Тарховская женская школа была основана и процветала при участии Рачинского. Там прекрасно поставлены были женские рукоделия и ткачество.) привезли всем нам и учителям, и детям обновки: каждому рубашку и пояс, сработанные от начала до конца этой чудной школой, учительницами и ученицами (ткали плотно, белили его, кроили и шили, а пояски вязали). Мы все и Сергей Александрович одели этот подарок, и как приятно было смотреть. Рубашки белые, обшиты лентой с красными узорами, и красный вязаный пояс. Лампы ярко горят, вокруг все так хорошо, и цветы, цветы, которые так все красят. Девочки в новых сарафанах...»

«Причесанные, как никогда, чистые и нарядные сидят наши ребята по лавкам и изредка тихо переговариваются. Сверху из певческой доносится последняя спевка каких-нибудь недостаточно еще гладко идущих мест... Но уже полночь, пора идти. Мигом все вострепелось; все спешат чрез небольшую площадь в церковь. А высокая, ярко освещенная Татевская церковь уже полным полною народа. Все в ожидании и, вот, среди этой проникновенной тишины раздается удар колокола. Толпа колышется, и крестный ход, с трудом пробираясь, выходит из церкви. Сквозь окна видно, как он обходит вокруг; доносятся слова стихир: «Воскресение Твое, Христе Спасе», и, наконец, наступает торжественная минута: по возгласе священника слышно пение «Христос Воскресе», и крестный ход в церкви, и все счастливы, все радостны, все сливаются в одном порыве восторга... Начинается пасхальная заутреня, чудо поэзии, музыкальной красоты и молитвенного настроения. Дивное вообще богослужение о. Петра делается вдохновенным... Около четырех часов окончилась литургия, и мы пришли в школу. Пропели «Христос Воскресе». Сергей Александрович похристосовался со всеми нами и детьми... Как описать прелесть ребят наших в эту минуту. Как описать школу, всем существом радующуюся воскре-

Слепая нищая. Худ. Н. А. Кошелев.

сению Бога и Спаса нашего. Как повторить эти поздравления, не по обычаю только приносимые, а искренние, от души, по поводу подлинного, действительного, вот сейчас нахлынувшего счастья. Воистину Воскресе... И вся семья в пятьдесят душ уселась за столами. Светлело, и мы при чудной заре и восходящем солнце встречали Светлый день и разговлялись. Как ярко, красиво было в школе, каким светом светились лица у всех, какие все были радостные... Лишь после разговенья Сергей Александрович пошел домой... Как он тронул нас всех... Школу свою больше всего любил он: там и мать больная, и сестра ждут его, но он прежде всего встретил праздник с нами.»

Так же радостно проводились святки, — праздники Рождества Христова и Богоявления, — когда в школе устраивался вечер с музыкой, с пением и чтением учеников школы, сделавшийся в настоящее время обычным во многих школах.

Но среди праздников преимущественно школьных следует отметить празднество, устраивавшееся Сергеем Александровичем ежегодно в Татеве одиннадцатого мая, в день памяти свв. Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских, на которое собирались ученики, окончившие курс в этом году и со всех соседних школ, обязанных своим возникновением Сергею Александровичу и находящимся под его попечительством и руководством. Этот праздник был полон глубокого смысла и преследовал ту цель, чтобы закрепить в сознании учащихся детей тесную связь нашу с другими славянскими народами, для которых язык богослужебных книг до сих пор остается одним общим языком.

В этот день обыкновенно совершалась торжественная литургия в присутствии всех учеников Татевской школы и прибывших из школ окрестных селений, и затем устраивался крестный ход в Татевскую школу, где служили молебен свв. Кириллу и Мефодию. Особенно торжественно устраивался крестный ход в школу. Вот как рассказывает об этом празднике один из участников его, ученик Сергея Александровича, бывший в Татеве одиннадцатого мая в качестве гостя из соседней Меженинской школы. «После заамвонной молитвы, учитель поставил всех нас в два ряда посреди церкви лицом друг к другу от амвона до выходной двери. Затем стал раздавать каждому по хоругви. Это были высокие, легонькие древки с деревянными крестиками наверху, к ним прикреплены картонные хоругви, и на каждой из них была нарисована во всю хоругвь красной краской какая-нибудь славянская буква. Обедня кончилась. Старичек-священник с благообразной длинной седой бородой, в камилавке, с крестом в руках, за ним дьякон с Евангелием, два мальчика со свечами, четыре мальчика с иконами свв. Кирилла и Мефодия, вышли из алтаря, и вся эта торжественная процессия двинулась из церкви: — мы, дети хоругвеносцы — впереди, позади нас причт, хор и все присутствующие. Выйдя из церкви, процессия отправилась к школе. День ясный, солнечный, дует маленький ветерок, тихо колыхая и шелестя нашими оригинальными хоругвями. Хор поет тропарь: «Яко Апостолом единомыслием... Чудный, простой и вместе торжественный этот вид невольно наводит на хорошие, отрадные мысли, вселяет в сердце светлые надежды на будущее. Эти маленькие дети, молодое поколение, будущие отцы семейств, несут в своих, пока еще слабых, руках всю мудрость, всю науку мира, все надежды на свое светлое будущее.

Вздыхая высоко это зная, олицетворяющее собой самое важнейшее и необходимое в нашей жизни, они как бы собрались пройти весь жизненный путь под ним, призывая и других под сень его. Тут же между нами находится и «он», которого, по духу дела, смело можно назвать братом свв. первоучителей славянских. Как свв. братья, Кирилл и Мефодий, первые пришли просветить духовную темноту и невежество болгарских славян, так этот апостол, только не древних славян, а русских крестьян, первый двинулся на эту нищую духом Божию ниву и своей горячей любовью к человечеству, своей верой в него, своей надеждой, что дело, начатое им, не загложнет, — продолжится и после него, создал эту чудную, многозначительную картину, которой могли бы любоваться все желающие...» На школьной террасе был отслужен молебен, во время которого школьники стояли полукругом внизу у ступеней. После этого молебна первоучителям славянским священник окропил всех святою водою, и все двинулись обратно в церковь. После богослужения в училище Сергей Александрович раздавал детям книжки с описанием жизненных трудов и подвигов святых братьев.

Сергей Александрович глубоко понимал громадное воспитательное значение для детей в посещении святых мест русской земли, и он был первый, который указал на то, как достижимо для школы сельской в полном составе отправляться на богомолье.

Он со своей школой два раза ходил пешком в излюбленную тверским и смоленским народом пустынь преподобного Нила Столбенского, отстоящую от Татева в ста двадцати верстах. Первое богомолье было совершено им в 1879 году с тридцатью взрослыми учениками, во второй раз в 1887 году, когда паломников было шестьдесят шесть человек, из них сорок шесть детей.

Последнее богомолье дало Рачинскому повод написать замечательную статью «Школьный поход в Нилову пустынь». Эти художественно изложенные впечатления Рачинского оказали столь сильное влияние, что многие сельские учителя в подражание Рачинскому устроили богомолье со своими школьниками в близ лежащая святая места.

Сжившись душою со своими учениками, Рачинский чутко присматривался к проявлению в них талантов и талантливых учеников ставил в такие условия, при которых их дарования могли получить полное развитие. Первый он чутко заметил талантливость своего ученика Богданова-Бельского, который был один из первых по времени учеников Татевской школы. Рачинский не щадил средств для того, чтобы подготовить своего ученика в Академии Художеств и дать ему высшее художественное образование.

Теперь академик Богданов-Бельский общепризнанный художник, картины которого хранятся в лучших отечественных музеях, и несколько из этих картин воспроизводят дорогие по воспоминаниям для художника дни учения в Татевской школе.

Таково полотно «Устный счет», где Сергей Александрович Рачинский изображен среди школьников, решающих в уме написанную на доске задачу. Таково полотно, изображающее предпраздничную беседу в Татевской школе.

Многих из бывших учеников своих Рачинский вывел в священники, помогая им поступить и проходить курс семинарии и даже духовной академии. Настоятель храма Кресто-Воздвиженской Общины в

Петербурге, законоучитель Наследника Цесаревича, протоиерей Васильев принадлежат к числу таких бывших учеников Рачинского.

Больше всего Рачинский сочувствовал двум направлениям в среде своих учеников: учительству и священству. Поэтому он не помещал своих учеников в такие заведения, как гимназия, чтобы не отрывать их от их среды. Рачинский всячески помогал и духовно поддерживал своих бывших учеников, которые явились подражателями его дела, т. е. становились сельскими учителями.

В летнее время, когда не было занятий со школьниками, он с ними занимался. Они приезжали к нему погостить и здесь пользовались его руководством и приготовлялись или к поступлению в учебные заведения, или к сдаче экзаменов на сельского учителя. Многие лица, сочувствовавшие постановке школьного дела у Сергея Александровича, просили у него дать им учителей и наблюдать за их школой.

Таким образом в ближайших селах и деревнях к Татеву Рачинский открыл свыше десяти школ и в числе их три учительские двухклассные. Для этого дела требовались надежные учителя. Кроме того, требовались они и в самой Татевской школе, так как силы Сергея Александровича постепенно падали.

Вся эта молодежь собиралась по летам к Сергею Александровичу, с которым им так хотелось беседовать, поучаться и просто отдохнуть неделю, другую в родной школьной семье. Эти летние курсы Рачинский вел сам, и лишь в последние годы его старшие ученики, достаточно опытные и знающие, помогали ему.

Убедясь, что среди его учеников многие имеют склонность к учительству, он таких учеников оставлял в Татевской школе или в одной из ближайших к Татеву школ и поручал им сперва легкия занятия. Затем по мере успеха расширял эти занятия. Летом приготовлял их к сдаче экзаменов на звание учителя, давая им в то же время общестороннее развитие.

Таким образом он приготовил до смерти своей несколько десятков учителей. Рачинский с ними постоянно переписывался, часто навещал их, объезжал в зимнее время все школы, где они работали, еще чаще они посещали его в Татеве, пользуясь для этого праздничными днями. Для Рачинского главное было дух учителя. Кроме умения, он должен был пламенно верить в свое дело. А кто мог воодушевить их лучше, чем Рачинский, который постоянно поддерживал в них бодрость?

Драгоценно было в этих учениках Рачинского, что и по внешнему своему виду и по чувствам своим они оставались теми крестьянами, со всеми теми прекрасными, выработанными веками, возвышенными духовными качествами, которыми отличается это сословие, когда его не извратили никакие дурные влияния. Это не были полубаричи, с кондачка знающие деревню и свысока смотрящие на своих учеников. Это были старшие братья тех учеников, но только более просвещенные братья, которые так легко понимали младших, и которых этим младшим было так легко понять.

Те из них, которые сделались диаконами и священниками, пользовались большим уважением у своих прихожан за свое старание в деле учительства, за святое усердие к школьному делу, за сердечное и нежное отношение к ребятам. Этими своими выучениками-учителями Рачинский чрезвычайно дорожил и ими много утешался. Он любил присутствовать

на экзаменах в этих школах своих учеников, и тут высказывалась его склонность не запугать, а бодрить и навести отвечающего мальчика на мысль. Один молодой учитель с рьяну довольно строго спрашивал учеников и несколько раз поправил мальчика, когда тот сделал ошибку против ударения.

— Знаете что,— сказал потихоньку ему Рачинский,— мне кажется, совсем излишне портить хорошее настроение этому мальчугану от экзамена, единственного в его жизни, как это вы делаете со своими поправками. На экзамене нам можно и не учить, а только оценить успехи...

Когда ученики отвечали сознательно и толково, Рачинский весь сиял радостью:

— Хорошо, хорошо,— говорил он, улыбаясь.

И у всех на сердце становилось так радостно и радужно... Экзамен превращался в общий праздник.

Вообще Рачинский сумел передать свою горячую любовь к русскому крестьянству и к его будущему, в лице крестьянских, школьных ребят, своим выученикам,— народным учителям. Один из посетителей школы Рачинского говорит об этих молодых людях:

— Это какое-то новое племя, именно новое... Они поражают силою и цельностью своей веры и своим умением обращаться с детьми. Умение это в некоторых из них доходило, можно сказать, до художественности. Из них некоторые не только ласковы, но нежны с детьми, и во всем этом нет никакой натяжки, ни малейшей приторности.*

Этот исповедник среди русского крестьянства Христа совершил еще один величайший подвиг. Он начал церковное движение в пользу народной трезвости. Радуюсь всякому оживлению среди духовенства, всякому повышению в нем самосознания и нравственного самоусовершенствования, он больно болел душой, когда видел в жизни духовенства явления, из-за которых на это дорогое для него сословие могли идти укоры.

Сергей Александрович видел весь ужас, все растление, которое вносит в народную среду старый бич русской жизни, становящийся с течением времени все более и более грозным, губящий в своей мертвой петле все большее количество народа, извращающий русскую жизнь столь безвыходным и омерзительным извращением.

Пьянство стояло пред ним во всем своем обнажении, и он решил выйти на борьбу с этим историческим и проклятым русским недугом. Его как-то потрясла одна встреча. В день храмового праздника Рачинский встретил одного из бывших своих любимых учеников, который ранее восхищал его своими дарованиями, своим прекрасным характером, теми надеждами, которые он на него возлагал. Этот молодой человек был совершенно пьян. Именно тогда, когда мы видим дорогих себе людей, о которых мы были высокого мнения, в безобразном, полубезчувственном состоянии опьянения, именно тогда мы до болезненности ясно сознаем весь ужас пьяного падения. Рачинский рассказывал, что он был так потрясен видом своего любимого пьяного ученика, что у него захватило дух от стыда и раскаяния:

* Страницы о Рачинском составлены по книге В. П. Георгиевского.

— Для меня,— рассказывал он далее,— стало неопровержимо ясно, что я для этого юноши, которого я так любил и для которого я так много старался, не сделал ровно ничего или, точнее, упустил сделать то, без чего все прочее ни малейшей цены не имеет, не закалил его воли против самого обыденного, самого опасного из искушений. Для меня стало очевидным, что для ограждения моих учеников от окружающего нас зла нужны средства более сильные, чем простые увещания и поучительные речи, и единственное средство, которое я мог придумать, было устройство в кругу моих учеников (из коих многие в то время были уже взрослые) общества трезвости, т. е. абсолютного воздержания от спиртных напитков.

Рачинский, задумав всякое дело, не откладывал его исполнение. Он решил образовать в Татеве среди своих бывших учеников общество трезвости, и пятого июля 1882 года в день именин Сергея Александровича был отслужен молебен преподобному Сергию, и Рачинский сам и его ученики произнесли тут же в церкви обет воздержания от спиртных напитков сроком на один год. Затем те же лица чрез год повторили тот же обет еще на год, и к ним прибавилось много новых членов. Далее количество этих трезвенников все расширялось.

Чрез шесть лет к нему присоединились трезвенники из других сел, и слухи о Татевском обществе трезвости проникли в печать и вызвали обширную переписку среди сельских священников и лиц приходского духовенства. Явилось много подражателей, и Сергей Александрович напечатал в 1889 году призыв, где горячо убеждал основывать при приходах общества трезвости и сообщал целый ряд советов о том, как устроить такие общества, как присоединить к ним новых членов, как руководить этими членами в борьбе с пагубной привычкой.

Воззвание Рачинского, напечатанное в получаемой всеми приходами синодской газете «Церковные Ведомости», имело чрезвычайный успех. Со всех концов посыпались к нему письма. Он аккуратно отвечал, чрезвычайно дорожа общением с такими отзывчивыми священниками. С легкой руки Сергея Александровича общества трезвости по образцу Татевского стали устраиваться во всех епархиях, при многих приходских церквях, в городах и селах, на фабриках и заводах. Трезвенники стали считаться десятками, а в настоящее время их число, вероятно, уже сотни тысяч.

Весь секрет этого успеха в тех приемах борьбы, к которым прибегли борцы церковные трезвости. В этом деле выказалось как глубокое знание Рачинским народной души, так и горячая его вера в мощное, благодатное действие церкви Христовой, в просветление ее членов, вера в благодатное перерождение под покровом церкви и ее таинств людей слабой воли, впавших в греховную привычку.

Только тогда трезвость насаждается глубоко в уничтожении пьянства и может быть успешна, когда она коренится на религиозной основе, когда люди приносят свою трезвость Богу, как подвиг Ему угодный — вот на каком убеждении строил свое дело Рачинский. Только под покровом церкви, под руководством пастырей в приходе, это дело будет крепко.

Тут, в церкви, где происходят все важнейшие события жизни человеческой, где витают души в этом храме молившихся и здесь отпетых крестьянских предков, пред знаменем животворящего Креста —

этим символом Бога, понесшаго на земле всевозможные ограничения и муки, тут, где лампы озаряют тихим светом лики святых, проводивших всю жизнь в тяжелой борьбе за правду и за светлую жизнь: тут в этой родной, святой и возвышающей обстановке произойдет пред многочисленными свидетелями торжественный обет не предаваться зелью.

И эта трезвость миром, эта борьба на ряду с другими, среди людей, идущих к той светлой цели отрезвления, много легче борьбы одинокой, имеет много утешений.

Сергей Александрович написал письма к студентам Казанской Духовной Академии, призывая их накануне вступления в ряды воинствующей церкви, как будущих воспитателей духовных, раньше сделаться убежденными борцами с пьянством, чтобы искоренить его всего в самом духовенстве. Эти его письма, дышащие убеждением, настолько драгоценны, что должны быть известны всякому приходскому пастырю.

«Умоляю вас,— взывает Сергей Александрович к студентам академии,— вас, еще не связанных долголетней привычкой, еще свободных, умоляю продолжить, закрепить свою свободу обетом абсолютного воздержания от спиртных напитков»... «Пожалейте себя, пожалейте свою будущую паству. Историческая минута, переживаемая нами — минута великая и страшная. При вашей жизни, на ваших глазах завершится приобщение, путем быстро распространяющейся грамотности, многочисленнейшего из христианских народов мира к первым ступеням жизни сознательной. И этот народ — вам не чужой, вы плоть от плоти, вы кость от кости его, вы призваны быть солью безмерной земли, им постоянно расширяемой. Чтобы стать этою солью, не откладывайте созидания в себе внутреннего человека. В числе добродетелей, требуемых от пастыря, трезвость занимает скромное, второстепенное место. Это — даже не добродетель, но лишь отсутствие порока. Но ведь без нея все прочие добродетели ни зародиться, ни развиваться, ни укрепиться не могут. Начнем же в глубоком смирении с легкого, с близкого, с малого — и Бог даст нам силы на большее, на лучшее...»

«Стоит оглянуться вокруг себя, чтобы содрогнуться от жалости и стыда, чтобы понять, какой неоплаченный долг лежит на каждом из нас, как необходимо нам соединить наши силы, чтобы сбросить его с наших душ. Настает одиннадцатый час... Церкви пустеют... Наглые сектанты громко отождествляют православие с пьянством. Несчастная женщины толкают своих мужей, своих сыновей — в штунду, чтобы только избавиться от ада пьяной домашней жизни. В наших селах размножаются дети, зачатые в пьянстве, худосочные, нервные, без сил, без воли — кандидаты в острог и в сумасшедший дом...»

«Нужна деятельность энергическая и непрерывная, направленная на укрепление единственной твердыни, которая может постоять против зла, на укрепление воли одержимых пьянством и подверженных искушению предаться ему,— деятельность, по существу своему пастырская, коей, конечно, могут и должны содействовать также миряне, и прежде всего врачи, практикующие и пишущие и учащие в учебных заведениях всех степеней светских и духовных...» «Но я имею твердую надежду, что скоро раздадутся голоса, более моего авторитетные и сильные, более властные над сердцами — голоса, обязывающие ко внима-

нию, мощные потрясти и воздвигнуть нашу дремлющую волю!»

К концу девяностых годов Рачинский стал чувствовать сильное изнеможение. После смерти матери, он из школьного дома переселился в свой помещичий дом и передал часть своих занятий своим выученикам — учителям. Но сам он все же продолжал работать до полного изнеможения. Один из его сотрудников вспоминал потом: «Сколько раз приходилось видеть, как через силу он занимался в классе. Вдруг замолкнет. Посмотришь, а он стоит, опершись одной рукой на стол, а другой взявшись за голову, и шатается».

— Да вы оставили бы, Сергей Александрович, — бывало скажешь ему, — мы и без вас как-нибудь справимся.

— Нет, друзья мои, дайте мне воды я немного отдохну, и все пройдет.

Итак, занимался он опять до нового головокружения, а иногда и обморока, пока не падал. Только опомнившись, бывало, пробормочет:

— Да видно я уже больше не гоюсь быть учителем.»

В этом постепенном изнеможении старого труженика и подвигоположника русской школы самым светлым лучом был праздник — день его именин. Несмотря на страдную пору сельских работ, все бывшие ученики Сергея Александровича бросали свои полевые работы и собирались в полном составе на праздник в Татево, приходя иногда за десятки верст.

Бывшие татевские школьники, священники и диаконы, переполняли алтарь скромной сельской церкви, а певцы учителя и ученики составляли громадный хор и исполняли особенно торжественно все любимые песнопения Сергея Александровича. Оживление в его последние годы внесли его поездки в Петербург, где он гостил у друга и товарища своего по Московскому университету, бывшего раньше, как и он, московским профессором — Константина Петровича Победоносцева, обер-прокурора Св. Синода. В Петербурге он участвовал в работах по выработке положений о церковно-приходских школах.

Замечательно признание, высказанное о работе Сергея Александровича Рачинского другим человеком, тоже задумывавшимся над народным образованием, графом Львом Николаевичем Толстым, который сам признавал свои опыты над сельской школой мало удачными.

Он завидовал успехам Сергея Александровича, как сам говорил, и не раз собирался приехать в Татево. В одном из своих писем он писал ему:

«Мне дорого будет видеть, как много серьезнее, глубже вы во всей силе душевной отнеслись к тому самому предмету, к которому я отнесся так первобытно.»

В Татево съезжалось много народу со всей России. Одни за тем, чтобы поглядеть на Сергея Александровича и на его школу, другие, чтобы поучиться у него школьному делу и, в особенности, борьбе с пьянством.

Но особенно обширна была его переписка, которую он вел до самой смерти со множеством лиц, аккуратно отвечая на все получаемые письма, нравственно поддерживая и ободряя всех тружеников на нивах народной церковной школы. Все получаемые им письма он собирал, переплетал их по годам и завешал в Императорскую Публичную библиотеку, указав

срок, когда они могут быть напечатаны. Эти письма составили сто томов.

Он дорожил этой перепиской, во-первых, потому, что видел в них общее признание торжества тех идей, которым он служил, которым отдал всю свою жизнь, вообще потому, что видел в них лучший способ широкого распространения его мыслей о народном образовании и о трезвой России.

В 1899 году он был утешен Высочайшим рескриптом Государя Императора, озаглавленным на имя «Почетного попечителя церковно-приходских школ четвертого благочиннического округа Бельского уезда, Смоленской епархии Сергея Рачинского». Ему была пожалована пожизненная пенсия в три тысячи рублей, которою он пользовался только три года, отдавая ее на содержание своих любимых школ. В рескрипте говорилось:

«Обширное образование ваше и опытность, приобретенная на государственной службе в Московском университете, посвятили вы с ранних лет делу просвещения посреди населения, наиболее в нем нуждающегося. Поселясь безвыездно в отдаленном родном имении, вы явили для всего благородного сословия живой пример деятельности, соответствующей государственному и народному его призванию. Труды ваши по устройству школьного обучения и воспитания крестьянских детей в нераздельной связи с церковью и приходом послужили образованию уже нескольких поколений в духе истинного просвещения, отвечающем духовным потребностям народа. Школы, вами основанные и руководимые, состоя в числе церковно-приходских, стали питомниками в том же духе воспитанных деятелей, училищем труда, христианских добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений.»

Это признание его заслуг с высоты престола обрадовало и ободрило Рачинского. До конца, которого, несмотря на его слабость, никто не ожидал так скоро, он продолжал свои обычные труды. За несколько дней до смерти он собирался по экзаменам в окрестные школы, хотя говорил, что с ужасом помышляет об этой поездке.

Второго мая ему исполнилось шестьдесят девять лет.

В этот день он встал, как обыкновенно, рано, а в девять часов утра, выпив кофе, прилег, как это часто в последнее время бывало, отдохнуть с газетой в руках, заснул и более не проснулся.

Ежегодно пятого июля съезжаются в Татево ученики Рачинского и почитатели и совершают торжественную заупокойную литургию и панихиду по дорогом учителе. Его скромная могила в этот день обильно усыпается цветами. Звонкие детские голоса школьников Татевской школы, подкрепляемые мощными голосами взрослых и пожилых его учеников, поют над ним надгробные песни и гремят ему «вечную память».

На надгробном памятнике своем Рачинский желал видеть слова: «Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих». Эти слова напечатаны на тихом кладбище, на скромной могиле апостола русской церковно-народной школы.

Духовную пищу, глагол Божий, свет Христов, «просвещающий и освящающий всякого человека, грядущаго в мир» — вот, что широкой душой и любящим настойчивым сердцем нес Рачинский тому рус-

скому народу, которого он так понял и так чтит, которому он так страстно желал добра.

И на этих страницах мы потому с такой полнотой остановились на нравственном облике и на жизненном труде этого замечательного человека, что, нам кажется, он служит исчерпывающим примером того, как можно быть в миру исповедником Христовым. Все, что так сродно человеку известного положения и высокого образования: гордость ума, самомнение, презрение к тайнам веры — все это он оставил и в восторге преклонился пред Христом распятым, с собою преклоняя пред Ним детский мир русской деревни. И, если подвиг исповедничества, возведенного в систему жизни — упорный, ежедневный, неослабный, есть самая огромная и самая достойная проповедь Бога и величайшая хвала Ему воздвигаемая, — то в день последнего суда Рачинский во главе неисчисли-

мой, быть может, рати русского сельского населения, просвещенного им глаголом Божиим, исторгнутого им из кабаков, из цепких сетей пьянства, исторгнутого не только в глухом углу родного Татова и его окрестностей, но по всей России, живым делом возбужденного им движения трезвости: может с дерзованием сказать Подвиго-положнику Христу:

— Се аз и дети, яже дал Ми еси, Господи.

И русским культурным людям надо с особенным усердием возобновлять пред мысленным взором своим этот светлый образ русского культурного человека, который потому так полно и совершенно исполнил свою заповедь по отношению к меньшому своему брату, что избрал в этом деле своим наставником и руководителем того Христа, следуя за Которым никто еще не ошибался и не проживал напрасную и бесплодную жизнь.

А. С. Пушкин

ВЕЛИКОПОСТНАЯ МОЛИТВА

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;

Но ни одна из них меня не умиляет,
Как те, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста —

И падшего свежит неведомою силой:
«Владыка дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей;

Но дай мне зреть мои, о Боже, пригрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья;
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи!»

А. Н. Апухтин

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

В саду Гефсиманском стоял Он один,
Предсмертною мукой томимый, —
Отцу всеблагому, в тоске нестерпимой,
Молился страдающий Сын:
«Когда то возможно,
Пусть, Отче, минует Мя чаша сия,
Однако да сбудется воля Твоя!..»
И шел Он к Апостолам с думой тревожной,

Но, скованы тяжелой дремой,
Апостолы спали под тенью оливы.
И тихо сказал Он им: «Как не могли вы
Единого часа побдети со Мною?
Молитесь, плоть немощна ваша!..»
И шел Он молиться опять.
«Но если не может Меня миновать, —
Не пить чтоб ее, — эта чаша,
Пусть будет, как хочешь Ты, Отче!» И вновь
Объял Его ужас смертельный,
И пот Его падал на землю, как кровь,
И ждал Он в тоске беспредельной...
И снова к Апостолам Он подходил,
Но спали Апостолы сном непробудным...
И те же слова Он Отцу говорил,
И пал на лицо, и скорбел, и тужил,
Смущаясь в борении трудном...
О, если б я мог
В саду Гефсиманском явиться с мольбами
И видеть следы от Божественных ног
И жгучими плакать слезами!
О, если б я мог
Упасть на холодный песок
И землю лобзать ту святую,
Где так одиноко страдала любовь,
Где пот от лица Его падал, как кровь,
Где чашу Он ждал роковую!
О, если б в ту ночь кто-нибудь,
В ту страшную ночь искупленья
Страдальцу в изнывшую грудь
Влил слово одно утешенья!..
Но было все тихо во мраке ночном,
И спали Апостолы сладостным сном,
Забыв, что грозит им невзгода...
И в сад Гефсиманский с дрекольем, с мечом
Влекомы Иудой, входили тайком
Безумные сонмы народа.

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

Архипастырское пасхальное приветствие митр. С.-Петербургского и Ладожского Иоанна	51
---	----

Неофициальная часть

МЕСЯЦЕСЛОВ

Пасха. Светлое Христово Воскресение	52
Свт. Иона, митрополит Московский и всяя Руси Чудотворец	54

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Прп. Симеон Новый Богослов. Слово сорок второе	56
--	----

ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ

Прп. Силуан Афонский. О воле Божией и о свободе	58
---	----

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Иеромонах Серафим Роуз

Краткое изложение православного учения о посмертной судьбе души	63
---	----

ПРОПОВЕДЬ

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

Чин внимания себе для живущего посреди мира	66
О чистоте	67

НАШИ ХРАМЫ

И. В. Попов. Церковь Воскресения Христова у Варшавского вокзала	74
---	----

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Проф. Н. А. Мещерский. Отрывки воспоминаний (Продолжение)	77
---	----

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Е. Поселянин. Идеалы христианской жизни (Продолжение)	85
Стихи: А. Коринфский. Христос Воскрес!	96
Вел. кн. К. К. Романов. На страстной неделе	96

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

АПРЕЛЬ

2 апреля 1991 года, в час дня над храмом Воскресения Христова, что у Варшавского вокзала, завис вертолет. С его помощью на колокольню храма был установлен крест, точная копия того, что возно-

сился над храмом до его закрытия. В настоящее время идет восстановление этого храма, закрытого в 1932 году и возвращенного Церкви год назад.

6 апреля 1991 года были подняты кресты над Казанским храмом С.-Петербургского подворья Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Перед

Светлое Христово Воскресение. Митрополит Иоанн совершает праздничное Пасхальное богослужение в Николо-Богоявленском кафедральном соборе.

Подъем нового колокола на звонницу Софийского собора в Царском Селе, 6 апреля 1991 г.

установкой их освятил эконоом подворья иеромонах Феофан.

В этот же день на колокольню Софийского собора в г. Пушкине был поднят большой колокол весом 3,5 тонны, отлитый по модели старого колокола 1599 года со звонницы Софийского собора Новгородского Кремля. На новом колоколе надпись: «Изготовлен в 1991 году для Софийского собора».

В день Светлого Христова Воскресения в соборе Святых апостолов Петра и Павла в Петропавловской крепости настоятелем Князь-Владимирского собора прот. Павлом Красноцветовым, по инициативе общины собора и Александро-Невской церкви Великокняжеской усыпальницы крепости, был отслужен Пасхальный молебен по случаю праздника.

11 апреля, в Четверг Светлой седмицы, в Доме кино прошел благотворительный вечер в пользу Успенского подворья Свято-Введенской Оптиной пустыни в Петербурге. На вечере выступили настоятель подворья иеромонах Иннокентий и ректор Духовных школ прот. Владимир Сорокин, были показаны фильмы-лауреаты Второго Всероссийского фестиваля «Православное кино».

12 апреля, в Пятницу Светлой седмицы, в Николо-Богоявленском кафедральном соборе после Божественной литургии настоятелем храма прот. Богданом Сойко был отслужен благодарственный молебен по случаю учреждения Фонда восстановления храма Спас-на-Водах, сооруженного в 1911 году в память русских моряков, погибших в войне с Японией в 1905—1906 гг. и разрушенного в 1932 году. Вечером в Морском зале «Чесма» состоялось официальное представление Фонда, на котором выступили прот. Богдан Сойко, представители Балтийского флота, Ленинградской Военно-Морской базы, А. И. Пикуль, вдова писателя.

В воскресенье, 28 апреля, в Александро-Невской церкви Великокняжеской усыпальницы в Петропавловской крепости прот. Павлом Красноцветовым был отслужен молебен. В тот же день в Ленинградской Духовной Академии состоялась встреча секции восстановления и реставрации храмов Церковно-археологического общества, на которой рассматривались вопросы восстановления недавно возвращенных верующим храмов и подготовки летнего реставрационного лагеря в Коневецком Рождественском монастыре.

Светлое Христово Воскресение. Николо-Богоявленский кафедральный собор.

АРХИЕРЕЙСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ И РУКОПОЛОЖЕНИЯ

4 апреля 1991 года, в Великий Четверг, Высокопреосвященным Архиепископом Корсунским Валентином в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры Владимир Сергиенко был рукоположен во диакона; диакон Сергей Косых — во иерея. В этот же день в церкви Владимирской иконы Божией Матери Высокопреосвященным Архиепископом Никоном во диакона был рукоположен Сергей Рассказовский, во иерея — диакон Александр Григорьев, назначенный настоятелем Серафимовской церкви в поселке Песочный.

В праздник Светлого Христова Воскресения, совпавшего в этом году с Благовещением Пресвятой Богородицы, 7 апреля (25 марта — ст. ст.) Высокопреосвященнейший митрополит Иоанн в сослужении клириков епархии возглавил праздничное богослужение в Николо-Богоявленском кафедральном соборе. После полунощницы, в 12 часов ночи, с пением «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангелы поют на небесех...» Владыка во главе многочисленного крестного хода обошел собор, после чего им в Верхнем Богоявленском храме были совершены Пасхальная утренняя и Божественная литургия. Прихожанам собора было зачитано Пасхальное послание Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и архипастырское Пасхальное приветствие Владыки.

Вечером митрополитом Иоанном в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры была совершена Великая Вечерня.

В этот же день за Божественной литургией в церкви Владимирской иконы Божией Матери Высокопреосвященным Архиепископом Никоном диакон Сергей Рассказовский рукоположен во иерея.

В понедельник Светлой седмицы, в 6 часов вечера митрополитом была совершена Великая Вечерня в Исаакиевском соборе (бывшем кафедральном соборе города) при большом стечении народа.

В субботу Светлой седмицы, 13 апреля, Владыка Иоанн совершил Божественную литургию в Спасо-Преображенском соборе, и в этот же день вечером — всенощное бдение в Князь-Владимирском соборе на Петроградской стороне. На Антипасху, 14 апреля, была отслужена Божественная литургия в храме св. евангелиста Иоанна Богослова Духовных Академии и Семинарии.

20 апреля митрополит Иоанн совершил всенощное бдение в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры, а на следующий день, в воскресенье 21 апреля, в праздник святых Жен-Мироносиц, Владыка там же совершил Божественную литургию.

22 апреля 1991 года, в понедельник, за Божественной литургией в Спасо-Преображенском соборе архимандритом Кириллом был совершен монашеский постриг монахини Марии (Александровой Марии Захаровны).

В субботу, 27 апреля, Высокопреосвященнейший митрополит Иоанн возглавил всенощное бдение в Николо-Богоявленском кафедральном соборе. В воскресенье, 28 апреля, им там же была совершена Божественная литургия.

Митрополит С.-Петербургский и Ладужский Иоанн совершает Великую вечерню в Исаакиевском соборе.

АРХИПАСТЫРСКОЕ ПАСХАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ О ГОСПОДЕ ПАСТЫРИ И ВЕРНЫЕ ЧАДА!

О, как велик сегодняшний день! Величие его невозможно передать человеческим языком. Христово Воскресение можно ощутить только сердцем. И только сердцем, очищенным от греха. От дней древних человечество находилось в постоянном страхе пред лицом смерти. Ставился вопрос, для чего жить, если смерть имеет свое господство над жизнью. Терялся всякий смысл человеческого бытия. Но сегодня Свет Христов уничтожил всякий мрак и радостно наполнил сердце человека. Своим Воскресением Христос показал, что человек сотворен не к смерти, а к жизни. Смерть вошла чрез человека согрешившего, но она побеждена вторым Адамом, Господом нашим Иисусом Христом.

Христос Воскрес. Он был первенец из умерших. И как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут (1 Кор. 15, 22).

Веселись же и торжествуй, человек! Утверждайся в жизни, делая добро не унывая. Хотя ты и отойдешь от сей временной жизни, но только на время. Наступит день, предопределенный Богом, когда тленное облечется в нетление и смертное облечется в бессмертие, совершится полная победа жизни над смертью (1 Кор. 15, 53—54).

Господи, слава любви Твоей. Слава Тебе, даровавшему нам жизнь вечную!

Возлюбленные пастыри и верные чада! Поздравляю всех вас с радостным, светлым праздником Святой Пасхи.

Да утвердит Господь всех нас в добре. Радуюсь о Спасителе нашем, воскликнем все: «ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!».

Благодать Воскресшего Спасителя нашего да будет со всеми вами. Аминь.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ИОАНН,

митрополит Ленинградский и Ладужский

Пасха Христова
1991

МЕСЯЦЕСЛОВ

ПАСХА. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

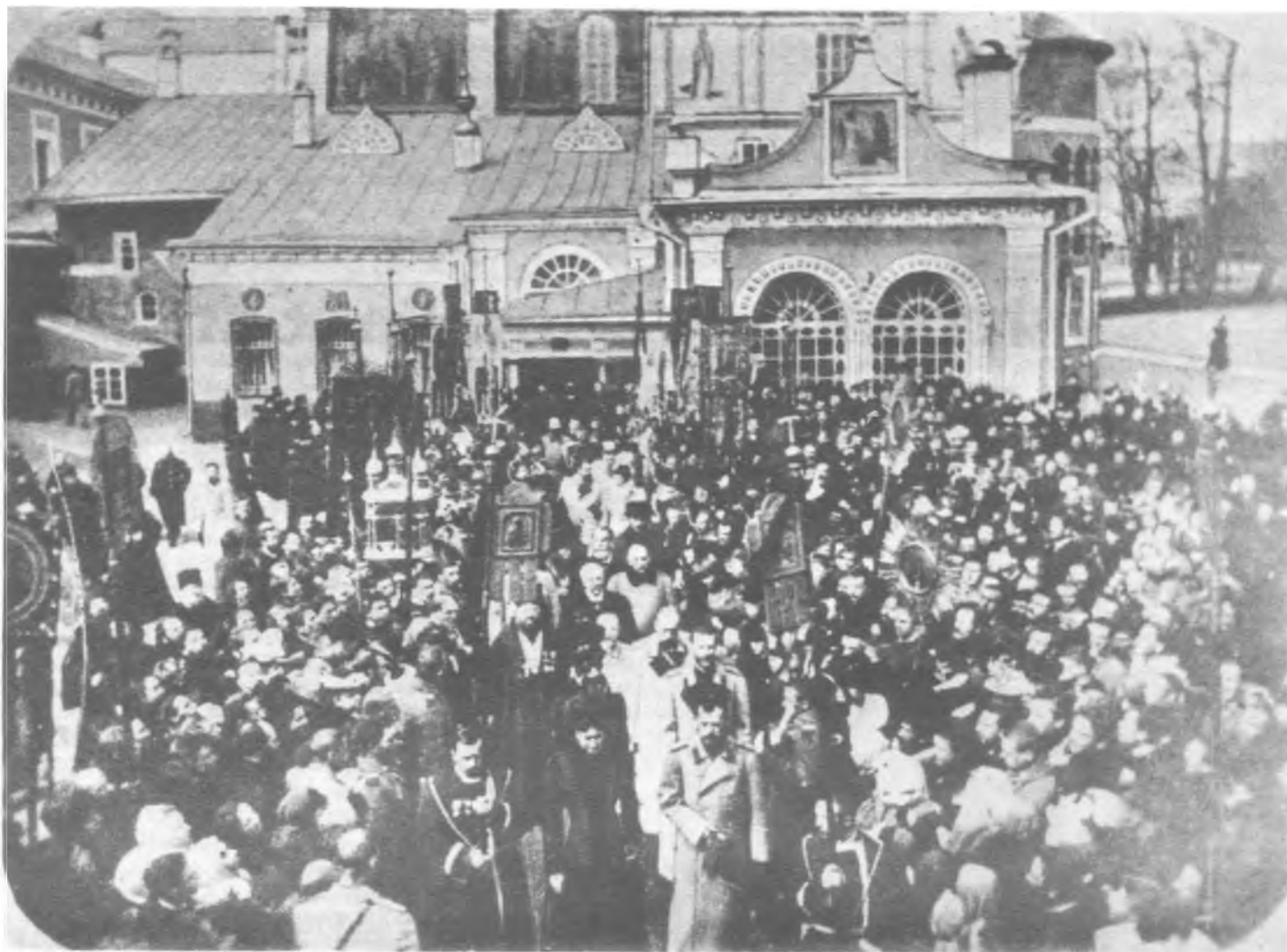
*Ныне вся исполнишася света,
небо же и земля и преисподняя.*

Когда блаженные жены-мироносицы «со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам об явлении ангела, се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь!» (Мф. 28, 9).

А когда Господь, явившись ученикам, стал посреде их, Он сказал: «Мир вам!» (Лк. 24, 30), и еще раз было Им повторено слово сие при новом Его явлении (Ин. 20, 19, 26).

Воскресший Господь приносит мир и радость Миру. И это есть исполнение обетования Его прощального при отшествии на страсть крестную: «о радости совершенной, которой никто не отнимет от вас» (Ин. 15, 11, 22), и о мире во Христе (Ин. 15, 33), который Он оставляет нам: «Не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин. 14, 27).

Ученикам, «плачущим и рыдающим», растерянным и смятенным, нелегко было воспринять весть о воскресении Господа, и даже пред лицом Его Самого, им явившегося, еще оставалась непреодоленной эта трудность, «они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа» (Лк. 24, 37). Надо было их зрительно и чувственно удостоверить, что пред ними не призрак и не дух, который «плоти и костей не имеет, как у Меня видите» (Лк. 24, 39). До их сердца, очевидно, не сразу доходит даже и приветствие мира (Лк. 24, 36). И однако мир и радость о Христе явились и для них подлинным удостоверением воскресения.

Страстные и Пасхальные дни в Москве. Император Николай Второй, Императрица Александра Федоровна и Августейшие дети в Троице-Сергиевой Лавре. Сергиев Посад, 1900 г.

По воскресении Господь не жил уже с учениками, как до него, но лишь на краткие времена являлся им, от них снова скрываясь, а по вознесении Его и вовсе прекратились эти явления. И тогда-то, уже не видя Его очами, но движимые Духом Святым, Им от Отца ниспосланным, они вышли на вселенскую проповедь о Христе воскресшем.

Так же и мы, как и все христиане до нас и после нас, веруем и исповедуем веру в воскресшего Господа, который пребывает недоступен прикосновению и незрим очам. И без этого пребывает в нас, как высшая действительность, сила Христова воскресения.

Если мы не имели Его явления нашим очам и перстам, то мы имеем ныне д у х о в н о е Его явление, и свидетельством о нем, об этом чуде духовном, исполняются хваления уста наши. Тайнственно и незримо Он приближается к нам в светлую ночь пас-

хальную и дает мир Свой, как не дает и не может дать его мир, и радостей радость о Себе совершенную.

Господь и по вознесении Своем с нами тайнственно пребывает, и ныне является с такою явностью духовной, как будто мы видим и чувствуем Его приближение, внемлем гласу Его благословения. И в этом явлении Христа духовном предоткрывается грядущее, возвещаемое Господом: наше всеобщее воскресение и новое Его пришествие в мир, после которого мы всегда с Господом будем. Нашего сердца касается любовь Божественная, приносящая радость, мир и блаженное успокоение, и оно устремляется навстречу к Нему, в мир паки грядущему Господу.

Христос Воскресе!

о. Сергей Булгаков.

Свт. ИОНА, митрополит Московский и всея Руси Чудотворец

Память 13 апреля (31 марта)

«Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере.»

(Гал., 6, 10)

Святитель Иона жил в одну из самых несчастных для России эпох. Это было время последних беспощадных распрей, предворававших объединение страны; яростных набегов татар накануне свержения их господства; раскола Православия Флорентийской Унией и окончательного духовного подчинения южно-русских земель (ставших впоследствии Украиной) польским королям. Довершали эту трагическую картину эпидемии и неурожай, мучившие народ.

Царствовавший с 1425 года по 1462-ой на Московском престоле Великий Князь Василий II вел жесто-

кую междоусобную борьбу со своими двоюродными братьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой, галицкими князьями. Словно определяя грядущее объединение этих земель, Господь положил родиться знаменитому московскому святителю в галицких владениях. Здесь он принял постриг в Симоновом монастыре и был поставлен в Епископы на Рязанский и Муромский престол, прославился своими чудесами и подвигами. А когда в 1437 году на Поместном Соборе решено было просить в Константинополе о назначении русского митрополита, выбор пал на свт. Иону. Русская Митрополия все еще подчинялась Византийским Патриархам, и свт. Иона отправился в путь за благословением.

Но в Константинополе в это же самое время готовилось объединение с Католической Церковью. Император Иоанн Палеолог и Патриарх Иосиф, изменяя Православию, надеялись получить от папы Евгения IV войска для защиты от турок, которые уже захватили почти всю Византию. Контакты с Римом диктовали политику в России, куда был назначен митрополитом грек Исидор, активный поборник готвящейся Унии, так что посвящение свт. Ионы отложилось на несколько лет. Уния, заключенная во Флоренции на следующий год, в Москве была с гневом отвергнута. Исидору пришлось тайно бежать в Рим. В Киеве же, находившемся под властью католической Польши, под давлением властей Уния утвердилась, и Митрополичий престол занял ученик Исидора Григорий Болгарин, преданный анафеме нашими святителями. В Москве в митрополиты отеческими иерархами выбирается свт. Иона, хотя до времени Поместный Собор и не решается утвердить его.

Вскоре открылась новая вражда между Василием II и Дмитрием Шемякой. Великий Князь был захвачен, ослеплен и отправлен в заточение в Углич, дети его были спрятаны в Муроме князьями Рязанскими. Свт. Иона, пользуясь давнишними правами галицкого пастыря, выступил в роли примирителя. Обманутый Шемякою, святитель съездил за детьми Василия и отвез их к отцу в Углич. Однако, вместо того, чтобы освободить воссоединенную семью по данному им слову, Шемяка и детям уготовил участь родителя. Но Господь судил именно через Иону

открыть путь для воцарения законного властителя: он дал ему силу убедить мятежника, что несчастный слепец и малолетние дети не могут быть никак опасны. Шемяка выпустил Василия Темного, и к нему тотчас стеклись верные князья с дружинами, потеснившие захватчика престола.

В Москву, после торжественного возвращения Василия II, съехались все российские епископы и постановили утвердить свт. Иону митрополитом, положив с этого времени всегда поставлять митрополитов в Москве, укоряя греков за униатскую ересь.

За время своего руководства Митрополией свт. Иона прославился многими чудесами: Господь ссудил его даром исцеления и предвидения. Леча больных, свт. Иона не накладывал рук, не давал зелья, а прибегал к единой молитве, полагаясь на Божию помощь. Всякий же неверующий в чудесные исцеления, свт. Ионой строго наказывался как возводящий хулу на Святого Духа.

Однажды, например, митрополит вернул к жизни умирающую дочь Великого Князя Анну. Но нашелся скептический человек, который стал доказывать, что чуда никакого не было, и болезнь как сама началась, так и кончилась. «Чадо,— смиренно обратился к нему святитель,— не сомневайся ни в чем. Что не возможно человеку, возможно Богу. Веры ради благочестиво царствующих ее родителей и их надежды даровал Бог отроковице исцеление». Но человек тот не унимался, посмеивался над доверчивостью Государя, и тогда свт. Иона в праведном гневе воскликнул: «Пусть онемеет лукавый твой язык и закроется хульный рот. Умрешь вместо девицы». Дерзкий хулителю Святого Духа упал немой на землю и вскоре умер.

Самым же знаменитым чудом было избавление Москвы от татар. В 1451 году столицу осадил ногайский царевич Мазовша. Слепой Государь с женой и малыми детьми удалился к берегам Волги, вверив защиту Москвы митрополиту Ионе. Целый день бились москвичи, и с наступлением ночи стали готовиться к новому утреннему приступу. Свт. Иона на стенах Кремля служил молебен. Обходя его кругом, он встретился с иноком Чудова монастыря Антонием. С поклоном обратился святитель к добродетельному старцу с просьбой помолиться за родной город, и в ответ узнал, что Богородица услышала его моления и помощь грядет. Наутро открылось, что неприятель в панике бежал, побросав добычу. В летописи говорится, что татар испугал сильный шум, похожий на движение огромного войска.

Еще десять лет охранял своим престательством Россию митрополит. В 1461 году свт. Иона сподобился получить откровение о своей кончине, бывшее ключарю Успенского собора Иакову. Как-то, проходя мимо собора, ключарь увидел в нем странный свет. Он открыл храм, приблизился к алтарю и услышал громкий голос: «Иаков, иди и скажи рабу моему Ионе, митрополиту, просит он у меня болезнь телу своему, чтобы душу спасти. Я услышал его моления и пошлю язву на ногу его. И в той болезни преставится». Ужас, охвативший ключаря, сковал его рассудок. Вопреки воле Господа, он решил ничего не говорить свт. Ионе. Но Божией Благодатью святитель сам узнал об этом видении. Он призвал Иакова и горько укорил его. Ключарь упал на колени, заплакал, покаялся в малодушии, и святитель именем Господа простил ему.

Через несколько месяцев свт. Иона преставился и был похоронен под спудом в Успенском соборе. Десять лет спустя во время перестройки собора мощи святителя были обретены нетленными, и сразу же стали подавать чудеса исцеления.

Парализованного от рождения семилетнего мальчика поставили в открытую раку и велели молиться. Вдруг ребенок стал весело кричать: «Дождь идет! Дождь идет!» — указывая на маленькое облачко, и державший его священник почувствовал, что мальчик крепко опирается на свои ножки.

Оставленные открытыми в соборе мощи свт. Ионы многим еще, с верою прибегающим, помогли избавиться от разных телесных недугов, во славу Пресвятой Троицы.

О. В. Губарева.

Икона Божией Матери «Споручница грешных».

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Прп. Симеон Новый Богослов

СЛОВА

Слово сорок второе

Что есть таинство Воскресения Христова? Как в нас бывает Воскресение Христово, и как вместе с сим бывает воскресение души? — Сказано во вторник второй недели по Пасхе.

Братие мои возлюбленные! Пришла Пасха, радостный день Воскресения Христова, вина всякого радования, посещающая нас однажды в год, а для тех, которые понимают таинство воскресения, бывающая каждодневно и даже непрерывно, — пришла и исполнила сердца наши всяким веселием и неизъяснимым утешением не тем только, что прекратила труд всечестного поста, но паче тем, что явила души наши усовершенствовавшимся тем трудом, и призвала всех верных к упокоению и благодарению, как видите. Итак, возблагодарим, братие, Христа Господа, сподобившаго нас преплыть море поста и введшаго нас с радостью в пристань воскресения, возблагодарим все, и те, которые совершили течение поста добре, в подвигах добродетелей, с усердием и твердым расположением, и те, которые обличились не так мужественными и малодушествовали в подвигах, по причине слабосердия и растления душевного. Ибо Он дает и усердным подвижникам венцы и награды, даже гораздо большие, нежели как им следует; Он же опять и к немощнейшим являет снисхождение, яко милостивый и человеколюбивый; потому что смотрит паче на расположение и произволение наших душ, нежели на телесные труды, с

какими упражняемся и подвигаемся мы в добродетели, или больше по большей ревности, или меньше сравнительно с усердными по причине немощи тела, — и таким образом по усердию каждого раздает награды и дары Св. Духа, и или делает кого за усердные подвиги знаменитым и славным, или оставляет еще в уничижении, как такого, которому для совершенного очищения потребны еще большие подвиги.

Но, если считаете то благословным, пообдумаем и поизследуем точнее, в чем таинство воскресения Христа Бога нашего, каковое таинственно бывает и в нас, если восхощем, и как погребается Христос внутрь нас, как во гробе, как соединяется с душами нашими, воскресает в нас и вместе с Собою воскрешает и нас. Христос Бог наш, после того, как повешен был на кресте и пригвоздил на нем грехи всего мира, умер, сошел в преисподняя ада; потом поднявшись из ада, опять вошел в пренепорочное тело Свое, и тотчас воскрес из мертвых; и за тем наконец вознесся на небеса с силою и славою многою. Таким же образом и теперь, когда мы, оставляя мир сей и мирския суетности, при исповедании страстей Христа Господа, входим во гроб покаяния и

смирения, Он Сам сходит с небес, входит в тело наше, как во гроб, соединяется с душами нашими и воскрешает их, мертвых сущих по грехам, и воскресив, дает благодать видеть славу сего таинственного воскресения.

Так воскресение Христово бывает воскрешением и нас, падших во грех и мертвых. Воскресение и слава Христова есть, как сказали мы, собственное наше воскресение, которое бывает, проявляется и видится в нас посредством воскресения Его, в нас Им совершаемого. Воскресение же души есть единение ее с жизнью (вкушение жизни). Ибо как тело мертвое, если не примет внутрь себя живой души и не сольется с нею неслиянно, не может жить одно само собою; так и душа не может жить истинною и вечною жизнью одна сама собою, если неизреченным образом не соединится неслиянно с Богом. Душа, несмотря на то, что невещественна и бессмертна по существу, бывает мертва и безчувственна, прежде чем соединится со Христом, прежде чем увидит, что соединилась с Ним и воскресла, прежде чем познает то и почувствует: так как ни познания не бывает без видения, ни видения без чувства, т. е. прежде видит кто какую вещь, и видя ее, познает, а потом и чувствует. Это говорю в отношении к духовному; а в отношении к телесному бывает чувство и без видения, как например слепой, споткнувшись ногою о камень, чувствует боль. В духовном же, если ум не придет в состояние созерцания, чтобы созерцать то, что выше понимания, то не может чувствовать таинственного от того воздействия. Итак, тот, кто говорит, что он чувствует духовное, прежде чем придет в состояние созерцать то, что выше ума, слова и помышления; тот подобен слепому, который чувствует добро и зло, какая испытывает, но не знает, что у него под руками и ногами, и что может живить его или мертвить, потому что не имеет очей, чтобы видеть и знать то. Почему сколько раз бывает, что он поднимает палку, чтоб ударить врага, а ударяет друга, при всем том, что и враг стоит пред ним и пересмеивает его!

Воскресению Христову верят премногие-многие; но мало таких, которые бы чисто зрели его. Те же, которые не зрят так воскресения Христова, не могут поклоняться Иисусу Христу, яко Господу. Почему священная песнь, которую часто имеем мы в устах своих, гласит: Воскресение Христово, не веровавшие, а что? Воскресение Христово видевшие, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному. Как же это Святой Дух подвигает нас петь: воскресение Христово видевшие, т. е. что мы видели воскресение Христово, — когда мы не видали его, так как Христос воскрес больше тысячи лет прежде, да и тогда никто не видал, как Он воскрес? Уж не хочет ли песнь церковная научить нас говорить ложь?! Да не будет! Перестань злословить! Напротив, она завешала нам возглашать сими словами совершенную истину, напоминая о том воскресении Христовом, которое бывает в каждом из нас грешных, и бывает не просто, но светоносно, блистая сияниями божества

Его и нетления. Светоносное присутствие Духа по-казывает на совершившееся в нас воскресение Господне, и еще паче — дает нам благодать видеть Самого воскресшаго Христа Господа. Почему и поем: Бог Господь и явился нам; и желая показать второе Его пришествие, прибавляем вслед за тем: благословен грядый во имя Господне. Итак в тех, в которых явился Христос воскресший, всеконечно Он и виден бывает духовно, и видится духовными очами. Ибо когда приходит в нас Христос благодатию Святаго Духа, то воскрешает нас из мертвых, какими бываем дотоле, и животворит, и делает, что мы видим в себе живым Его Самого, бессмертного и нетленного. И не только это, но Он дает нам благодать и такую, что мы ясно познаем, как Он воскрешает нас и прославляет вместе с Собою, как удостоверяет все Божественное Писание.

Таковы-то божественные таинства христиан! Такова сокровенная сила веры нашей, которой не видят, и не могут видеть неверы, маловеры, или, лучше сказать, полуверы, которые имеют половинную веру. Неверы, маловеры и полуверы суть, которые не показывают веры своей делами. Без дел и бесы веруют и исповедуют Христа, яко Бог есть. Знаем, нередко вопили бесы, что **Ты Сын Божий** (Мк. 3, 11). В иной раз и об Апостолах кричали: **сии человецы раби Бога вышняго суть** (Деян. 16, 17). А они были рабы Христовы. Но такая вера непомощна ни бесам, ни людям. И никакой нет пользы от такой веры, потому что она, как говорит Апостол, мертва. **Вера бо без дел мертва есть** (Иак. 2, 20), как наоборот делам спешествует вера (Иак. 2, 22). Почему же мертва такая вера? Потому что не имеет в себе Бога животворящаго, — что не стяжевает в себя Христа рекшаго: **любый Мя заповеди Моя соблюдет и Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим** (Ин. 14, 23), чтобы присутствием своим воскресить из мертвых того, кто стяжевает такую деятельную веру, оживотворить его и дать ему видеть Самого Христа, воскресшаго в нем и его воскресившаго. Вот почему вера без дел мертва, или лучше сказать, мертвы те, которые имеют веру без дел. Истинная же вера в Бога всегда жива и живуща, и животворит тех, которые приступают к ней и приемлют ее с благим произволением. Она и прежде действительного исполнения заповедей Христовых многих привела от смерти в живот и показала им Христа и Бога. И если б они после того пребыли в заповедях Его и соблюдали их даже до смерти, то были бы сохранены сими заповедями такими же, какими в начале стали одною верою. Но как они изменились в своих расположениях и впали опять в прежние грехи, то и веру потеряли, и праведно лишились истинного духовного богатства, которое есть Христос. Чего да не постраждем и мы, будем, прошу вас, соблюдать, сколько сил есть, заповеди Христовы, чтобы сподобиться и настоящих, и будущих благ, т. е. зрения Самого Христа Господа. Каковое буди улучшить нам всем благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Кому слава во веки. А м и н ь.

ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ

Прп. Силуан Афонский

О ВОЛЕ БОЖИЕЙ И О СВОБОДЕ

Жизнь блаженного Старца Силуана внешне протекала малоинтересно. До призывного возраста это была жизнь бедного русского крестьянина, потом обычная военная служба в нижних чинах, а затем долгие годы, 46 лет, монотонной монастырской жизни простого монаха.

Формуляр монастыря говорит о нем следующее: Схимонах Отец Силуан; мирское имя — Семен Иванович Антонов, крестьянин Тамбовской губернии, Лебединского уезда, Шовской волости и села. Родился в 1866 г.; на Афон приехал в 1892 г.; в мантию пострижен в 1911 г. Послушания проходил: на Мельнице, на Каламарейском метохе (владение Монастыря вне Афона), в Старом Нагорном Русике, в Экономии. Скончался 11/24 сентября 1938 года.

От «родился» до «скончался» — все бедно, не о чем рассказывать; касаться же внутренней жизни человека пред Богом — дело нескромное, дерзновенное. Среди площади мира открывать «глубокое» сердце христианина — почти святотатство; но уверенные в том, что ныне Старцу, ушедшему из мира победителем мира, уже ничего не страшно, уже ничего не нарушит его вечного покоя в Боге, позволим себе попытку хоть что-нибудь рассказать о его чрезвычайно богатом, царственно высоком житии, имея в виду тех немногих, которые и сами влекутся к той же божественной жизни.

Жил на земле человек, муж гигантской силы духа, имя его Симеон. Он долго молился с неудержимым плачем: «помилуй меня»; но не слушал его Бог.

Прошло много месяцев такой молитвы, и силы души его истощились; он дошел до отчаяния и воскликнул: «Ты не умолим». И когда с этими словами в его изнеможенной от отчаяния душе еще что-то надорвалось, он вдруг на мгновение увидел живого Христа; огонь исполнил сердце его и все тело с такой силой, что если бы видение продлилось еще мгновение, он умер бы. После он уже никогда не мог забыть невыразимо кроткий, беспредельно любящий, радостный, непостижимого мира исполненный взгляд Христа, и последующие долгие годы своей жизни

Святая Гора Афон. Русский монастырь Св. Пантелеймона.

неустанно свидетельствовал, что Бог есть любовь, любовь безмерная, непостижимая.

...За девятнадцать веков христианской истории прошли целые сонмы свидетелей любви Христовой, и все же в необъятном океане человечества их так мало, они так редки.

...Сей последний особенно нам дорог потому, что он был нашим современником. Частое явление среди христиан — желание... видимых знамений нашей веры, иначе изнемогают они в своем уповании, а повествования давно минувших дней в их сознании становятся мифом. Вот почему так важно повторение подобных свидетельств, вот почему нам так дорог этот новый свидетель, в лице которого было возможно видеть самые драгоценные проявления нашей веры. Мы знаем, что и ему поверят лишь немногие, как немногие поверили в свидетельство прежних отцов; и это не потому, что свидетельство ложно, а потому, что вера обязывает к подвигу.

Иеромонах Софроний.

«Старец Силуан», Париж, 1952, часть 1.

Великое благо — предаться на волю Божию. В душе тогда один Господь, и нет другой мысли, и она чистым умом молится Богу, и чувствует любовь Божию, хотя и страдает телом.

Когда душа всецело предалась на волю Божию, тогда Сам Господь начинает руководить ею, и душа непосредственно учится у Бога, а раньше наставлялась учителями и Писанием. Но это редко бывает, чтобы Учитель душе был Сам Господь Своєю благодатью Святого Духа, и мало кто знает об этом, а только тот, кто живет по воле Божией.

Горделивый не хочет жить по воле Божией: он любит управлять собою сам; и не понимает того, что не хватает у человека разума без Бога управлять собою. И я, когда жил в миру, и не знал еще Господа и Его Святого Духа, не знал, как нас любит Господь, полагался на свой разум; но когда Духом Святым познал я Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, то душа моя предалась Богу, и все, что случается со мною скорбного, принимаю и говорю: «Господь смотрит на меня; чего мне бояться?». А раньше я не мог так жить.

Тому, кто предался на волю Божию, жить много легче, потому что и в болезни, и в бедности, и в гонении — он думает: «так Богу угодно, и мне за грехи мои нужно терпеть».

Вот у меня много лет болит голова, и трудно мне терпеть, но полезно, потому что через болезнь смиряется душа. Душа моя пламенно хочет молиться и совершать бдения, но болезнь мне мешает, потому что больное тело требует покоя и отдыха; и я много просил Господа исцелить меня, но Господь не послушал меня. Значит, мне не на пользу.

А вот другой случай был со мною, и Господь скоро услышал меня и спас. Однажды в праздник в трапезе дали рыбу; и когда я ел, кость вошла в горло, очень глубоко, в груди. Я призвал Святого Великомученика Пантелеимона, прося исцелить меня, потому что доктор не сможет вынуть кость из груди. И когда я сказал: «исцели», получаю в душе ответ: «Выйди из трапезы, надуйся, и кость выскочит вместе с кровью». Я так и сделал: вышел, надулся, кашлянул, и кость большая с кровью выскочила. И понял я, что если Господь не исцеляет мне голову, значит для души моей полезно так болеть.

Драгоценнее всего на свете — знать волю Бога, и разуметь, хотя бы отчасти, волю Его.

Познавая Бога душа — во всем должна предаться на волю Божию, и жить пред ним в страхе и любви. В страхе, потому что должно бояться, как-бы не оскорбить Бога каким-либо помыслом плохим.

О, Господи, силою благодати Святого Духа сподоби нас жить по Твоей святой воле.

Когда благодать с нами, тогда мы сильны духом; но когда теряем ее, тогда видим свою немощь; видим, что без Бога мы и помыслить хорошего не можем.

Боже милосердный, Ты знаешь немощь нашу. Молю Тебя, дай мне смиренного духа, ибо по милосердию Своему смиренной душе Ты даешь силы жить по воле Твоей, Ты открываешь ей все тайны Свои, Ты даешь ей познать Себя, и как бесконечно Ты нас любишь.

Святая Гора Афон. Русский монастырь Св. Пантелеимона. Церкви Успения Божией Матери и Св. Митрофания во внутреннем дворе монастыря.

Как узнать, живешь ли ты по воле Божией?

Вот признак: если ты скорбишь о какой-либо вещи, то значит не вполне предался воле Божией, хотя тебе, быть может, кажется, что ты живешь по воле Божией.

Кто живет по воле Божией, тот не заботится ни о чем. И если ему нужна какая-либо вещь, то он и себя, и вещь предает Богу; и если не получит нужную вещь, то все равно остается покоен, как если бы имел ее.

Душа, которая предалась воле Божией, ничего не боится: ни грозы, ни разбойников, ничего. Но что ни случится — она говорит: «так Богу угодно». Если болен, думает: значит мне нужна болезнь, иначе Бог не дал бы мне ее.

И так сохраняется мир в душе и теле.

Кто заботится о себе самом, тот не может предаться на волю Божию так, чтобы душа его имела мир в Боге. А смиренная душа имеет преданность в волю Божию, и живет пред ним в страхе и любви. В страхе: как бы не оскорбить чем-нибудь Бога. В любви: душа познала, как нас любит Господь.

Самое лучшее дело предаваться воле Божией и нести скорби с упованием. Господь, видя наши скорби, лишнего ничего не даст. Если скорби нам кажутся великими, это значит, что мы не предались воле Божией.

Душа предалась воле Божией во всем, и покойна в Нем, ибо знает опытом и из Священного Писания, что Господь много нас любит и бдит о душах наших, все оживляя Своею благодатью в мире и любви.

Кто предался воле Божией, тот ни о чем не скорбит, хотя бы он был болен, и беден, и гоним. Душа знает, что Господь милостиво печется о нас. Свидетельствует о делах Божиих Дух Святой, Которого знает Душа. Но горделивые и непослушные не хотят предаваться на волю Божию, потому что любят творить волю свою, что так вредно для души.

Великий Пимен сказал: «Наша воля есть медная стена между нами и Богом, и не дает с ним сблизиться или созерцать Его милость».

(См. «Отечник» Еп. Игн. Брянчанинова, стр. 336, § 58. Авва Пимен сказал: «Воля человека есть медная стена между ним и Богом; она камень противоположный». Слова Ст. Силуана: «и не дает с ним сблизиться или созерцать Его милость» лишь по смыслу согласны с тем, что сказал Св. Пимен Великий. Подобным образом и в некоторых других случаях цитаты Старца Силуана не точны, и являются скорее интерпретацией).

Всегда нужно просить у Господа мира душевного, чтобы удобнее было исполнять заповеди Господни; ибо Господь любит тех, кто старается исполнять волю Его, и так они обретают великий покой в Боге.

Исполняющий волю Господню всем доволен, хотя он и беден, и быть может, болен и страдает, потому что его веселит благодать Божия. А кто недоволен своею судьбою, ропщет на болезнь или на того, кто обидел, тот пусть знает, что он находится в гордом духе, который отнял у него благодарность Богу.

Но если и так, то не унывай, а старайся крепко уповать на Господа, и проси у Него смиренного духа; и когда придет к тебе смиренный Дух Божий, то ты возлюбишь Его, и будешь в покое, хотя и будут скорби.

Душа, стяжавшая смирение, всегда помнит Бога и думает: «Бог создал меня; Он страдал за меня; Он прощает мне грехи и утешает меня; Он питает меня и заботится обо мне. Так что же мне заботиться о себе, или чего мне бояться, хотя бы мне и смерть угрожала».

Всякую душу, которая предалась воле Божией, Господь вразумляет, ибо Он сказал: «Призови Меня в день скорби твоей, и Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня.» (Пс. 49, 15).

Всякая душа, смущенная чем-нибудь, должна спросить Господа, и Господь вразумит. Но это, главным образом, в час беды и смущения, а так обычно надо спрашивать духовника, ибо это смиренное.

Добро научиться жить по воле Божией. Тогда душа непрестанно пребывает в Боге, и бывает зело покойна; и от этой радости молится человек, чтобы

всякая душа познала Господа, познала, как много Он нас любит, и как богато дает нам Святого Духа, который веселит душу в Боге.

И все — все тогда мило душе, ибо все -- Божие.

Господь милостиво вразумляет человека, что надо с благодарностью терпеть скорби. Я за всю жизнь ни разу никогда не роптал за скорби, но все принимал от руки Божией, как лекарство, и всегда благодарил Бога, и потому дал мне Господь легко нести все скорби.

Все люди на земле неизбежно несут скорби; и хотя невелики те скорби, которые посылает нам Господь, но людям они кажутся непосильными, и сокрушают их, и это потому, что не хотят они смирить свою душу и предаться на волю Божию. А кто предался воле Божией, тех Господь Сам руководит Своею благодатью, и они мужественно переносят все ради Бога, которого возлюбили, и с которым прославляются вечно.

На земле нельзя миновать скорбей, но кто предался на волю Божию, тот легко их переносит. Он видит скорби, но уповает на Господа, и скорби проходят.

Когда Божия Матерь стояла при кресте, то скорбь Ее была непостижимо велика, потому что Она любила Сына Своего больше, чем кто бы то ни было может вообразить. А мы знаем, что кто больше любит, тот больше и страдает. По естеству человеческому Божия Матерь никак не могла бы перенести Своей скорби, но Она предалась на волю Божию, и Дух Святой укреплял Ее и давал Ей силы перенести эти скорби.

А потом, после Вознесения Господня, Она стала всему народу Божьему великим утешением в скорбях.

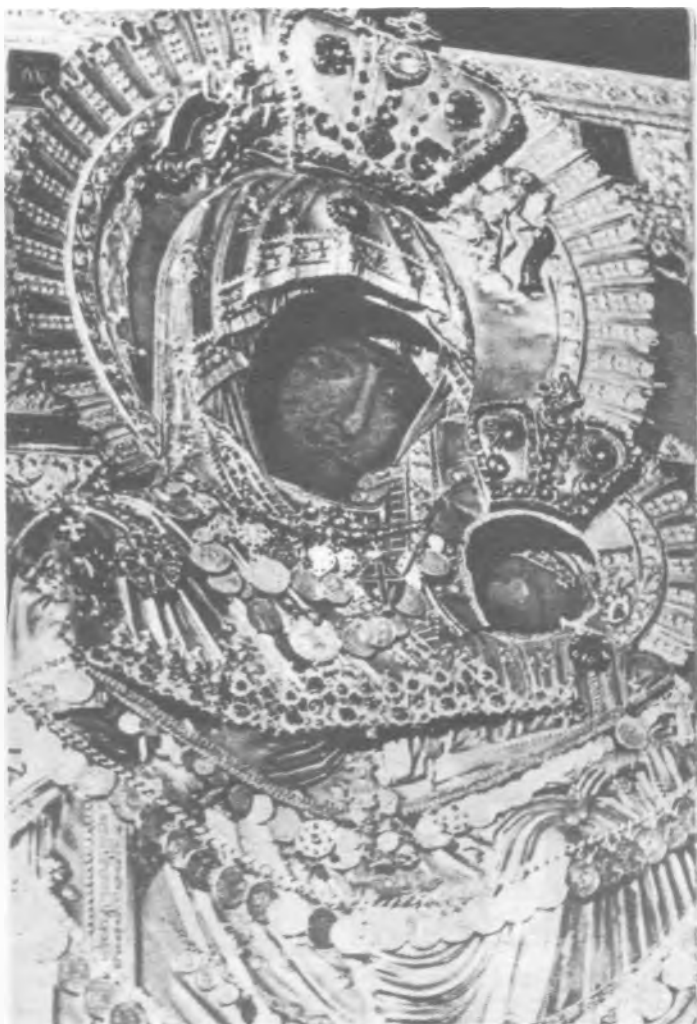
Господь дал на землю Духа Святого, и в ком Он живет, тот ощущает рай в себе.

Быть может, ты скажешь: почему же со мной нет такой благодати? Потому что ты не предался воле Божией, но живешь по своей.

Посмотрите на того, кто любит свою волю. Он никогда не имеет мира в душе и всегда недоволен: то не так, это не хорошо. А кто совершенно предался на волю Божию, тот имеет чистую молитву, душа его любит Господа, и все ему приятно и мило.

Так предалась Богу Пресвятая Дева: «Се раба Господня, буди мне по глаголу Твоему». И если бы мы также говорили: «Се раб Господа, буди мне по глаголу Твоему», то Евангельские глаголы Господни, Духом Святым написанные, были бы в душах наших, и тогда любовь Божия была бы во всем мире, и какая прекрасная жизнь была бы по всей земле. И хотя глаголы Господни столько веков слышны во всей вселенной, но люди их не понимают и не хотят принять. А кто живет по воле Божией, тот будет прославлен небом и землей.

Кто предался воле Божией, тот только и занят Богом. Благодать Божия помогает ему всегда пребывать в молитве. Он хотя и работает, и разговаривает, но душа его занята Богом, потому что она предалась воле Божией, и за это Господь взял ее в Свое попечение.

Святая Гора Афон. Иверский монастырь. Чудотворная Иверская икона Божией Матери, называемая *Портаитисса* или *Вратарница*.

Предание говорит, что на пути в Египет Святое Семейство встретил разбойник, но не сделал им зла, а, увидев Младенца, сказал, что если бы Бог воплотился, то не был бы прекраснее этого Младенца, и оставил их идти в мире.

Дивная вещь, разбойник, который, как зверь, никого не щадит, это Святое Семейство не обидел и не опечалил. Душа разбойника при виде Младенца и кроткой Матери Его, умилилась, и благодать Божия коснулась его.

Так случалось и с дикими зверями, которые, видя святых мучеников или преподобных мужей, становились кроткими и не причиняли им зла. И даже бесы боятся кроткой и смиренной души, которая послушанием, воздержанием и молитвою побеждает их.

И опять удивительная вещь, разбойник пожалел Младенца-Господа, а архиереи и старцы предали Его Пилату на распятие. И это потому, что они не молились и не искали от Господа вразумления, как и что сделать.

Так часто начальники и люди ищут добро, но не знают, где оно; не знают, что оно в Боге, и от Бога дается нам.

Всегда надо молиться, чтобы Господь вразумил, что надо сделать, и Господь не оставит нас заблуждаться.

Адам не был мудр, чтобы спросить Господа о плоде, который дала Ева, и потому потерял рай.

Давид не спросил Господа: «Хорошо ли будет, если я возьму себе жену Урия?» — и пал в грех убийства и прелюбодеяния.

Так и все святые, которые согрешили, согрешили потому, что не призвали Бога на помощь, чтобы вразумил их. Преподобный Серафим Саровский сказал: «Когда я говорил от своего ума, то бывали ошибки».

Но есть и безгрешные ошибки несовершенства; их видим даже у Божией Матери. В Евангелии говорится, что когда шла Она из Иерусалима с Иосифом, то думала, что Сын Ее идет со сродниками или знакомыми... И только после трех дней искания нашли Его в Иерусалимском храме, беседующего со старцами (Лк. 2, 44—46).

Итак, только Господь всеведущ, нам же всем, кто бы ни был, надо молиться Богу о вразумлении и спрашивать духовного отца, чтобы не было ошибок.

Дух Божий всех наставляет по-разному: один безмолвствует в одиночестве в пустыне, другой молится за людей; иной призван пасти словесное стадо Христово; иному дано проповедовать или утешать страждущих; иной служит ближнему от своих трудов или имений — и все это дары Духа Святого, и все в разной степени: кому на тридцать, кому на шестьдесят, кому и на сто (Мк. 4, 20).

Если бы мы любили друг друга в простоте сердечной, то Господь Духом Святым показал бы нам многие чудеса и открыл бы нам великие тайны.

Бог — ненасытная любовь...

Ум мой остановился в Боге и прекратилось писание...

Как мне понятно, что Господь управляет нами. Без Него мы не можем даже помыслить благое; поэтому нам нужно смиренно предаться воле Божией, чтобы Господь руководил нами.

Мучимся мы все на земле и ищем свободы, но мало кто знает, в чем свобода, где она.

И я тоже хочу свободы, и день и ночь ищу ее. Я познал, что она у Бога, и от Бога дается смиренным сердцам, которые покаются и отсеки волю свою пред Ним. Кающемуся дает Господь мир Свой и свободу любить Его. И нет ничего лучшего в мире, как любить Бога и ближнего. В этом душа обретает покой и радость.

О, народы всей земли, на коленях припадаю пред вами и умоляю со слезами: приидите ко Христу. Я знаю Его любовь к вам. Я знаю и потому кричу всей земле. Если чего не знаешь, то как будешь говорить о том?

Ты спросишь: «Но как можно знать Бога?». А я говорю, что мы видели Господа Духом Святым. И ты, если смиришь себя, то и тебе Дух Святой покажет Господа нашего; и ты тоже захочешь кричать о нем всей земле.

Я стар и жду смерти, и пишу истину по любви к народу, о котором скорбит душа моя. Быть может, хоть одна душа спасется; и за нее буду благодарить Бога; но сердце мое болит за весь мир, и молюсь, и слезы проливаю за весь мир, чтобы все покались и

познали Бога, и жили в любви, и наслаждались свободой в Боге.

О, все люди на земле, молитесь и плачьте о грехах своих, чтобы Господь простил их. Где прощение грехов, там свобода совести и любовь хотя бы и малая.

Господь не хочет смерти грешника и кающемуся дарует благодать Святого Духа. Она дает душе мир и свободу умом и сердцем быть в Боге. Когда Дух Святой прощает нам грехи, тогда получает Душа свободу молиться Богу чистым умом; тогда она свободно созерцает Бога и в Нем бывает покойна и радостна. И это есть истинная свобода. А без Бога не может быть свободы, потому что враги колеблют душу плохими помыслами.

Скажу правду пред всем миром: я мерзок пред Богом и отчаялся бы в своем спасении, если бы Бог не дал мне Свою благодать Святого Духа. И Дух Святой научил меня, и потому я пишу о Боге без труда, ибо Он влечет меня писать.

Жалею, и плачу, и рыдаю о людях. Многие думают, я много нагрешил: убивал, грабил, насиловал, клеветал, распутничал и многое другое делал; и от стыда не идут на покаяние. Но они забывают, что все грехи их пред Богом, что капля в море.

О, братья мои, вся земля, покаяйтесь, пока есть время. Бог милостиво ждет вашего покаяния. И все небо, все святые ждут нашего покаяния. Как Бог есть любовь, так Дух Святой во святых — есть любовь. Проси, и Господь простит. А когда ты получишь прощение грехов, то на душе у тебя будет радость и веселие, и благодать Святого Духа войдет в твою душу, и ты скажешь: «Вот истинная свобода, она в Боге и от Бога».

Благодать Божия не отнимает свободы, а только помогает исполнять заповеди Божии, Адам был в благодати, но воля его не была отнята. Так же и Ангелы в Святом Духе (пребывают), но не отнята у них свободная воля. Многие люди не знают пути спасения, зашли во тьму и не видят Света Истины. А Он был, есть, и будет, и всех милостиво зовет к Себе: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, познайте Меня, и Я дам вам свободу».

Вот истинная свобода — когда мы в Боге. И я раньше не знал этого. До 27 лет я веровал только, что Бог есть, но не знал Его; а когда душа моя познала Его Духом Святым, то стала с жаром рваться к Нему, и теперь горя, ищу Его день и ночь.

Господь хочет, чтобы мы любили друг друга; в этом свобода — в любви к Богу и к ближнему. В этом и свобода и равенство. А в земных чинах равенства быть не может, но это не важно для души. Не всякий может быть царем или князем; не всякий может быть патриархом или игуменом, или начальником; но во всяком чине можно любить Бога и угодить Ему, и только это важно. И кто больше любит Бога на земле, тот в большей славе будет в Царствии.

Кто больше любит, тот сильнее стремится к Богу, тот ближе будет к Нему. Каждый будет прославлен в меру любви своей. И я узнал, что любовь бывает разная по силе своей.

Святая Гора Афон. Вход в монастырь Филофей.

Кто боится Бога, чтобы Его чем-нибудь не оскорбить — это первая любовь. Кто имеет ум чистый от помыслов — это вторая любовь, большая первой. Кто ощутимо имеет благодать в душе своей — это третья любовь, еще большая.

Четвертая, совершенная любовь к Богу — это кто имеет благодать Святого Духа и в душе, и в теле. У того освящается тело и будут мощи. Так бывает у великих святых мучеников, у пророков, у преподобных. Кто в этой мере, тот неприкосновенен для плотской любви. Он может свободно спать с девицею, не испытывая к ней никакого желания. Любовь Божия сильнее, чем любовь девицы, к которой влечется весь мир, кроме тех, кто имеет благодать Божию в полноте, ибо сладость Духа Святого перерождает всего человека и научает его любить Бога в полноте. При полноте любви Божией душа не прикасается миру; хотя и живет человек на земле среди других, но от любви Божией забывает все в мире. И горе наше в том, что по гордости ума своего мы не стоим в этой благодати, и она оставляет душу, и душа ищет ее, плача и рыдая, и говорит: «Скучает душа моя о Господе».

Иеромонах Софроний.

«Старец Силуан», Париж, 1952, часть 2, с. 140—145.

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Иеромонах Серафим (Роуз)

Краткое изложение православного учения о посмертной судьбе души

В первых девяти главах этой книги мы попытались представить основные аспекты православного отношения к загробной жизни, противопоставляя его современному взгляду. На Западе подлинное православное учение об ангелах, о воздушном царстве падших духов, о природе общения людей с духами, о Небе и аде было потеряно и искажено, поэтому и распространившиеся сейчас «посмертные» опыты получают здесь совершенно неверное толкование.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Безграничным и безутешным было бы наше горе по умирающим близким, если бы Господь не дал нам вечную жизнь. Жизнь наша была бы бесцельна, если бы она кончалась смертью. Какая польза была бы тогда от добродетели и добрых дел? Тогда были бы правы говорящие: «Будем есть и пить, ибо завтра умрем». Но человек создан для бессмертия, и Христос своим воскресением открыл врата Царства Небесного, вечного блаженства для тех, кто верил в него и жил праведно. Наша земная жизнь это приготовление к будущей жизни, и это приготовление завершается смертью. «Человекам положено однажды умереть, а потом суд.» (Евр, 9, 27). Тогда человек оставляет свои земные попечения; тело его распадается, чтобы вновь восстать при общем Воскресении.

Но душа его продолжает жить, не прекращая своего существования ни на одно мгновение. Многими явлениями мертвых нам дано было знать достоверно, что случается с душой, когда она покидает

тело. Когда прекращается видение телесными очами, начинается видение духовное.

Душа после смерти тела живет более интенсивно, чем до смерти. «Поскольку душа продолжает жить после смерти, остается добро, которое не теряется со смертью, но возрастает. Душа не удерживается никаким препятствием, ставимым смертью, но более деятельна, потому что действует в своей собственной сфере без всякой связи с телом, которое ей скорее бремя, чем польза» («Смерть как благо»).

Современные опыты также подтверждают, что душа после смерти обладает более острым и тонким сознанием; как мы видели, все исследователи подчеркивают это. Но знание одного этого факта, конечно, недостаточно: нужно владеть всем христианским учением о загробной участи души.

НАЧАЛО ДУХОВНОГО ВИДЕНИЯ

Часто (это духовное видение) начинается в умирающих еще до смерти, и все еще видя окружающих и беседуя с ними, они видят то, чего не видят другие.

Этот опыт умирающих наблюдался и раньше; здесь мы только повторим уже сказанное в I главе: только в благодатных посещениях, когда являются Ангелы и Святые, мы можем быть уверены, что это действительно существа из иного мира. В обычных случаях, когда умирающий начинает видеть почивших родных и друзей, это может быть естественным «знакомством» с невидимым миром, куда он должен войти; подлинная же природа явившихся известна, возможно, одному лишь Богу — и нам нет нужды вникать в это.

Ясно только, что Бог дает этот опыт как наиболее очевидный способ сообщить умирающему, что потусторонний мир не есть нечто совсем неведомое, что и там он будет питать любовь к своим близким.

ВСТРЕЧА С ДУХАМИ

Но по выходе из тела душа оказывается среди других духов, добрых и злых. Обычно она тянется к тем, которые ближе ей по духу, и, если находясь в теле, она была под влиянием некоторых из них, то она останется зависимой от них и по выходе из тела, какими бы отвратительными они не оказались при встрече.

Здесь нам снова напоминают, что хотя Потусторонний мир не будет совершенно чужим для нас, но он не окажется приятной встречей с любимыми на «курорте счастья», а будет духовным испытанием для нашей души: склонялась ли она во время земной жизни к ангелам и святым через добродетельную жизнь, или же, пребывая в неверии и нерадении, сделала себя годной для общества падших духов. Поэтому приговор Божий как на частном, так и в будущем на Страшном Суде будет только ответом на внутреннее расположение, которое создано в душе по отношению к Богу и духовным существам.

ПЕРВЫЕ ДВА ДНЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ

В течение первых двух дней душа наслаждается относительной свободой и может посещать на земле те места, которые были ей дороги, но на третий день она перемещается в другие сферы.

Следует иметь в виду, что описание первых двух дней по смерти дает лишь общее правило, которое ни в коей мере не охватывает всех случаев. Так, Святые, которые не были привязаны к земным вещам и жили в непрестанном ожидании перехода в иной мир, не влекутся даже и к местам, где они творили добрые дела, но сразу начинают восхождение на небо. Такие, как К. Искуль, начинают свое восхождение ранее двух дней по особому Божию соизволению. С другой стороны, все современные «посмертные» опыты, как бы они не были фрагментарны, подходят под это правило: «внетелесное» состояние есть лишь начало первого периода бесплотного «странствия» души по местам ее земных привязанностей, но никто из испытавших этот опыт не был в состоянии смерти достаточно долго, чтобы встретить даже двух Ангелов, которые должны сопровождать его.

МЫТАРСТВА

В это время (на третий день) она проходит через лигионы злых духов, которые преграждают ей путь и обвиняют в различных грехах, в которые Сами же они ее вовлекли. Согласно различным откровениям, существует 20 таких препятствий, так называемых «мытарств», на каждом из которых истязуется тот или иной грех, пройдя одно мытарство, душа приходит на следующее, и только успешно пройдя все их, может душа продолжить свой путь, не будучи немедленно ввергнутой в геенну. Как ужасны эти бесы и их мытарства, можно видеть из того факта, что Сама Мать Божия, когда архангел Гавриил сообщил ей о приближении смерти, молила Сына Своего избавить душу ее от этих бесов, и, в ответ на ее молитвы, Сам Господь Иисус Христос явился с Небес

принять душу Пречистой Своей Матери и отвести ее на Небеса, воистину ужасен третий день для души усопшего, и по этой причине ей тогда особенно нужны молитвы.

В шестой главе приведен ряд святоотеческих и агиографических текстов о мытарствах, и нет нужды здесь добавлять что-либо. Однако, можно отметить, что и в данном случае описания мытарств образуют лишь модель, а индивидуальный опыт может значительно от нее отличаться. И все же факт остается фактом: душа вскоре после смерти подвергается суду, где подводится итог той «невидимой брани», которую она вела (или не вела) на земле против падших духов.

Православная Церковь считает учение о мытарствах таким важным, что упоминает о них во многих богослужениях; в частности, в «Каноне на исход души», читаемом священником у одра умирающего члена Церкви, есть следующие тропари: «Воздушно-го князя насильника, мучителя, страшных путей стоятеля и напрасного их словоспытателя, сподоби мя пройти невозбранно отходяща от земли».

СОРОК ДНЕЙ

Затем, успешно пройдя через мытарства и поклонившись Богу, душа на протяжении еще 37 дней посещает небесные обители и адские бездны, еще не зная, где она останется, и только на сороковой день назначается ей место до воскресения мертвых. Конечно, нет ничего страшного в том, что пройдя мытарства, душа должна познакомиться с потусторонним миром, в какой-то части которого ей предстоит пребывать. Согласно откровению ангела прп. Макария, особое церковное поминовение усопших на 9 день связано с тем, что до своего времени душе показывали красоты рая, а в остальной период должны показать мучения и ужасы ада, прежде чем на сороковой день ей будет назначено место для ожидания воскресения мертвых и Страшного Суда. И здесь также эти числа дают лишь общее правило или модель посмертной реальности; не все умершие совершают свой загробный путь именно так. Но мы знаем, что Федора завершила посещение ада именно на сороковой — по земным меркам времени — день.

СОСТОЯНИЕ ДУШИ ДО СТРАШНОГО СУДА

Некоторые души спустя сорок дней оказываются в состоянии предвкушения вечной радости и блаженства, а другие — в страхе вечных мучений, которые полностью начнутся после Страшного Суда. До этого же возможны изменения в состоянии душ, особенно благодаря принесению за них Бескровной Жертвы и других молитв.

О пользе молитвы как церковной, так и частной, о душах находящихся в аду, говорится в житиях многих Святых и подвижников и в святоотеческих писаниях. В житии муч. Перпетуи (III в.), например, рассказывается, что судьба ее брата Димократа была ей открыта в образе наполненного водой водоема, который был расположен так высоко, что он не мог дотянуться до него из грязного и невыносимого жаркого места, куда был заключен. Благодаря ее

усердной молитве, он смог дотянуться до водоема, и она увидела его в светлом месте, из чего поняла, что он избавлен от наказания (*Жития св., 1 февр.*).

МОЛИТВА ОБ УСОПШИХ

Как важно поминовение на литургии, можно видеть из следующих случаев: еще до прославления св. Феодосия Черниговского (1896 г.), иеромонах (знаменитый старец Алексей из Голосеевского скита Печерской Лавры, умерший в 1916 г.), переоблачавший мощи, устал, сидя у мощей, задремал и увидел перед собой Святого, который сказал ему: «Спасибо тебе за труд для меня. Прошу также тебя, когда будешь служить литургию, помни моих родителей», — и он дал их имена (иерей Никита и Мария). «Как можешь ты, святителю, просить моих молитв, когда ты сам стоишь перед Небесным Престолом и подаешь людям Божию благодать?» — спросил иеромонах. «Да это верно, — ответил св. Феодосий, — но приношение на литургию сильнее моих молитв».

Поэтому панихиды и домашняя молитва полезны усопшим, как и добрые дела, творимые в их воспоминание — милостыня или пожертвование на Церковь. Но особенно полезно им поминовение на Божественной литургии. Было много явлений мертвых и других событий, подтверждающих, как полезно поминовение усопших. Многие, умершие в покаянии, но не сумевшие явить его при жизни, были освобождены от мучений и получили успокоение. В Церкви постоянно возносятся молитвы об усопших, на вечерне в день Сочествования св. Духа. Имеется особое прошение «о иже во аде держимых».

Св. Григорий приводит несколько примеров явления умерших живым с просьбой отслужить литургию о них упокоении или благодарящих за это. Однажды один пленный, которого жена считала умершим и по ком в определенные дни заказывала литургию, вернулся из плена и рассказал ей, как его в некоторые дни освобождали от цепей — именно в те дни, когда за него совершалась литургия (*IV, 57, 59*).

Протестанты считают, что церковные молитвы за усопших не имеют смысла, ибо тогда человеку не надо искать веру в этой жизни незачем утверждать себя, если Церковь все равно тебя вымолит? Конечно, никто, придерживающийся таких взглядов, не может получить спасение по церковным молитвам: они не спасут того, кто не хочет спастись, и не верит в них. В известном смысле можно сказать, что молитва церкви как и отдельных христиан об усопшем — один из результатов жизни этого человека: о нем бы не молились, если бы он за свою жизнь не сделал ничего, что могло бы вдохновить эту молитву после его смерти.

ЧТО МЫ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ ДЛЯ УМЕРШИХ

Всякий, желающий проявить свою любовь к умершим и подать им реальную помощь, может наилучшим образом сделать это молитвой о них и в особенности поминовением на литургии, когда частицы, изъятые за живых и умерших, погружаются в Кровь Господню со словами: «Омый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих». Ничего лучшего или большего мы не можем сделать для усопших, чем молиться о

них, поминая о них на литургии. Это им всегда необходимо, особенно в те сорок дней, когда душа умершего следует по пути к вечным селениям. Тело тогда ничего не чувствует: не видит собравшихся ближних, не обоняет запаха цветов, не слышит надгробных речей. Но душа чувствует молитвы, приносимые за нее, и благодарна тем, кто их возносит, и духовно близка к ним.

Позаботимся же об ушедших в иной мир до нас, чтобы сделать для них все, что мы можем, помня, что «блаженны милостивни, яки тии помилованы будут» (*Мф. 5, 17*).

ВОСКРЕСЕНИЕ ТЕЛА

Однажды весь этот тленный мир придет к концу, и наступит вечное Царство Небесное, где души искупленных, воссоединенные со своими воскресшими телами, бессмертные и нетленные будут навеки пребывать со Христом. Тогда частичная радость и слава, которую даже ныне знают на небе, сменится полной радостью нового творения, для которой был создан человек; но те, кто не принял Христа, будут мучиться вечно, вместе с воскресшими телами, в аду. В заключительной главе «Точного изложения православной веры» прп. Иоанн Дамаскин так описывает это конечное состояние души: «Верим же и в воскресение мертвых. Ибо оно истинно будет, будет воскресение мертвых. Но, говоря о воскресении, мы представляем себе воскресение тел. Ибо воскресение есть вторичное воздвижение упавшего; души же, будучи бессмертными, каким образом воскреснут? Ибо, если смерть определяют как отделение души от тела, то воскресение есть, конечно, вторичное соединение души и тела и вторичное воздвижение разрешившегося и умершего живого существа. Итак, само тело, истлевающее и разрушающееся, оно само воскреснет нетленным. Ибо тот, Кто в начале произвел его из праха земли, может снова воскресить его, после того оно по изречению Творца, разрешилось и возвратилось назад в землю, из которой было взято...»

Конечно, если бы только одна душа упражнялась в подвигах добродетели, то одна только она и будет увенчана. И если одна только она постоянно пребывала в удовольствиях, то по справедливости одна только она была бы и наказываема. Но так как ни к добродетели, ни к пороку душа не стремилась отдельно от тела, то по справедливости то и другое вместе получают и воздаяние...

Итак мы воскреснем, так как души опять соединятся с телами, делающими бессмертными и совлекающими с себя тление, и явимся к страшному судейскому Христову судилищу; и диавол, и демоны его, и человек его, т. е. антихрист и нечистивые люди, и грешники будут преданы в огонь вечный, не вещественный, каков огонь находящийся у нас, но такой, о каком может знать Бог. А сотворившие благо, как солнце, воссияют вместе с Ангелами в жизни вечной, вместе с Господом нашим Иисусом Христом, всегда смотря на Него и будучи видимы Им и наслаждаясь непрерывным проистекающим от Него веселием, прославляя Его со Отцом и Св. Духом в бесконечные века веков. Аминь. (с. 267—272).

«Душа после смерти» (с. 111—118). Москва 1984 г.

ПРОПОВЕДЬ

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

Духовные наставления

Чин внимания себе для живущего посреди мира

Душа всех упражнений о Господе — **внимание**. Без **внимания** все эти упражнения бесплодны, мертвы. Желаящий спастись должен так устроить себя, чтоб он мог сохранять **внимание к себе** не только в уединении, но и при самой рассеянности, в которую иногда против воли он вовлекается обстоятельствами. Страх Божий пусть превозможет на весах сердца все прочие ощущения: тогда удобно будет сохранять **внимание к себе** и в безмолвии келейном, и среди окружающего со всех сторон шума.

Благоразумная умеренность в пище, уменьшая жар в крови, очень содействует **вниманию к себе**; а разгорячение крови — как-то от излишнего употребления пищи, от усиленного телодвижения, от воспаления гневом, от упоения тщеславием и от других причин — рождает множество помыслов и мечтаний, иначе рассеянность. Святые Отцы предписывают желающему **внимать себе**, во-первых, умеренное, равномерное, постоянное, воздержание в пище (Доброт, ч. II, главы прп. Филофея Синайского).

Проснувшись — в образ ожидающего всех человеков пробуждения из мертвых — направь мысли к Богу, принеси в жертву Богу начатки помышлений ума, еще не принявшего на себя никаких суетных впечатлений. С тишиною, очень осторожно, исполнив все нужное по телу для вставшего от сна, прочитай обычное молитвенное правило, заботясь не столько о количестве молитвословия, сколько о качестве его, то есть о том, чтоб оно было совершенно со **вни-**

манием, и, по причине **внимания**, чтоб освятилось и оживилось сердце молитвенным умилением и утешением. После молитвенного правила, опять всеми силами заботясь о **внимании**, читай Новый Завет, преимущественно же Евангелие. При этом чтении тщательно замечай все заветания и заповедания Христа, чтоб по ним можно было направлять свою деятельность, видимую и невидимую. Количество чтения определяется силами человека и обстоятельствами. Не должно обременять ум излишним чтением молитв и Писания, также не должно упускать обязанностей своих для неумеренного упражнения молитвою и чтением. Как излишнее употребление пищи разстроивает и ослабляет желудок: так и неумеренное употребление духовной пищи ослабляет ум, производит в нем отвращение от благочестивых упражнений, наводит на него уныние (Исаак Сирский. Слово 71). Для новонаначального Святые Отцы предлагают частые молитвы, но непродолжительные. Когда же ум возрастет духовным возрастом, окрепнет и возмужает: тогда он будет в состоянии непрестанно молиться. К христианам, достигшим совершенного о Господе возраста, относятся слова святого Апостола Павла: «Хощу убо, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления» (I Тим. II, 8), то есть безстрастно и без всякого развлечения или парения. Свойственное мужу еще несвойственно младенцу. Озарившись при посредстве молитвы и чтения

Солнцем Правды, Господом нашим Иисусом Христом, да исходит человеком на дела дневного поприща, **внимая**, чтоб во всех делах и словах его, во всем существе его царствовала и действовала всесвятая воля Божия, открытая и объясненная человекам в евангельских заповедях.

Если выпадут свободные минуты в течение дня, употреби их на чтение **со вниманием** некоторых избранных молитв, или некоторых избранных мест из Писания, и ими снова подкрепи душевные силы, истощаемые деятельностью посреди суетного мира. Если же этих золотых минут не выпадет: то должно пожалеть о них, как о потере сокровища. Что утрачено сегодня, не надо потерять в следующий день: потому что сердце наше удобно предается нерадению и забывчивости, от которых рождается мрачное неведение, столько гибельное в деле Божием, в деле спасения человеческого.

Если случится сказать или сделать что-нибудь противное заповедям Божиим: то немедленно врачуй погрешность покаянием, и посредством искреннего покаяния возвращайся на путь Божий, с которого уклонился нарушением воли Божией. Не косни вне пути Божия! — Приходящим греховным помышлениям, мечтаниям и ощущениям противопоставляй с верою и смирением евангельские заповеди, говоря со святым патриархом Иосифом: «Какое сотворю глагол злый сей, и согрешу пред Богом» (*Быт. XXX, 9*). Внимающий себе должен отказаться от всякой мечтательности вообще, как бы она ни казалась приманчивою и благовидною: всякая мечтательность

есть скитания ума, вне истины, в стране призраков несуществующих и не могущих осуществиться, льстящих уму и его обманывающих. Последствия мечтательности: утрата **внимания к себе**, рассеянность ума и жесткость сердца при молитве; отсюда — душевное расстройство.

Вечером, отходя ко сну, который по отношению к жизни того дня есть смерть, рассмотри действия свои в течение минувшего дня. Для того, кто проводит **внимательную жизнь**, такое рассматривание незатруднительно: потому что по причине **внимания к себе** уничтожается забывчивость, столько свойственная человеку развлеченному. Итак: припомнив все согрешения свои делом, словом, помышлением, ощущением, принеси в них покаяние Богу с расположением и сердечным залогом исправления. Потом, прочитав молитвенное правило, заключи Богомыслием день, начатый Богомыслием.

Куда уходят все помышления и чувствования спящего человека? Что это за таинственное состояние — сон, при котором душа и тело живы, и вместе не живут, чужды сознания своей жизни, как бы мертвые? Сон также непонятен, как и смерть. Во время его покоится душа, забывая самые лютые горести и бедствия земные, в образ своего вечного покоя, а тело!.. если оно встает от сна, то непременно воскреснет из мертвых. Сказал великий Агафон: «Невозможно без усиленного **внимания себе** преуспеть в добродетели» (*Патерик Скитский*). Аминь.

О чистоте

Грехом было любодеяние, когда владычествовал Ветхий Завет; грехом было оно, как бесчестие естества, как злоупотребление важным свойством естества, как нарушение законов естества. Преступление признавалось столь значительным, что виновный в нем казнился смертною казнию. В Новом Завете этот грех получил новую тяжесть, потому что тела человеческие получили новое достоинство. Они соделались членами тела Христова, и нарушитель чистоты наносит уже бесчестие Христу, расторгает единение с Ним, «уды Христовы» претворяет в «уды блудничи» (*1 Кор. VI, 15*). Любодей казнится смертию душевною. От впавшего в грех блуда, отступает Святой Дух; согрешивший признается впадшим в смертный грех — залог неминуемой гибели и вечного томления во аде, если этот грех не уврачуется благовременно покаянием.

Что такое — чистота? Это — добродетель, противоположная блудной страсти; это — отчуждение тела от действительного впадения в грех и от всех действий, приводящих ко греху, отчуждение ума от помышлений и мечтаний блудных, а сердца от ощущений и влечений блудных, затем последует и отчуждение тела от плотского вожделения.

Некоторые утверждают, что впадение в блудный грех телом и впадение в него умом и сердцем есть преступление одинаковых тяжести и значения. Такое мнение свое они основывают на словах Спасителя: «Всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем» (*Мф. V, 28*). Несправедливое мнение! Это сказано в до-

Троице-Сергиева пустынь под Петербургом. Вид из Святых врат монастыря на Воскресенскую церковь и Троицкий собор.

полнение ветхозаветной заповеди; это сказано тем, которые признавали грехом один телесный блуд, не понимая, что «помышления злая», к которым причисляются помышления блудные, «исходят от сердца, оскверняют человека (Мф, XV, 19—20), отлучают от Бога» (Сол. I, 3), отъемлют чистоту — средство Богозрения. Услаждение блудными помыслами и ощущениями есть блуд сердца и осквернение человека, соделывающие его неспособным к общению с Богом, а блуд тела есть изменение всего человеческого существа от смешения с другим телом (I Кор. VI, 16), есть совершенное отчуждение от Бога, есть смерть, есть погибель. Чтоб выйти из первого состояния, должно истрезвиться; чтоб выйти из второго, должно воскреснуть, должно снова родиться покаянием.

Некоторые утверждают, что человеку невозможно быть свободным от порабощения плоти, тем более от помышлений и ощущений блудных, что такое состояние неестественно. Законополагает Бог, ведущий возможное и невозможное для нас, более нежели мы: и потому достижение чистоты и телесной и сердечной возможно для человека. Законополагает Бог, Творец естества: и потому сердечная чистота не противна естеству человеческого. Она неестественна естеству падшему; она была естественна естеству по сотворении его, и может соделаться естественною по обновлении. Она может быть возделана и приобретена: хлеб, овощи, плодовые деревья не растут на земле сами собою; но когда земля приготовится должным образом, и полезные произрастения посадятся и насеются, тогда они произрастают в особенном изобилии для пропитания и наслаждения человеков. Необработанная земля дает одни плевелы, или дает одну траву, пищу скотов, а не человеков. Нужен подвиг: предмет подвига достоин того, чтоб для него предпринят был усиленный и трудный подвиг избранными для подвига. Чистота названа в Писании святостию: «Сия есть воля Божия, святость ваша, говорит Апостол, хранить самих себя от блуда: и вести комуждо от вас свой сосуд стяжавати во святыни и чести, а не в страсти похотней» (Сол. IV, 3—5).

Чистота живущих в супружестве состоит в верности супругов друг к другу. Чистота дев и вдовиц уневествившихся Христу, состоит в верности к Христу. И к ним-то мое убогое, утешительное, ободрительное, нелживое слово, — слово, заимствованное из учения истины: из Всесвятаго Слова Божия, объясненного Святыми Отцами, их святым словом и опытом.

Когда Господь воспретил произвольный развод, допущенный Моисеевым Законом, и объявил, что сочетаваемое Богом не может быть расторгнуто человеком, иначе, как по причине уже совершившегося расторжения впадением в блуд одной половины: тогда ученики Господа возбудили вопрос о безбрачной жизни. На это Господь сказал: «Не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть... Могий вместити да вместит» (Мф. XIX, 11—12). Кто этот «могий вместити»? По какому признаку должен каждый из нас судить и заключать о своей способности и неспособности к безбрачной жизни? Ответ заимствует из писаний Святых Отцов: «по произволению нашему». Способность дается просящим ее у Бога от искренности сердца, говорит блаженный Феофилакт Болгарский: «Просите, — сказал Гос-

подь, — и дастся вам; всяк просяй, приемлет» (Мф. VII, 7—8). Искренность прошения доказывается житием, соответствующим прошению, и постоянством в прощении, хотя бы исполнение прошения отсрочивалось на более или менее продолжительное время, хотя бы желание наше наветовалось различными искушениями. Собственные подвиги, которыми иноку усиливается победить и изменить свойство падшего естества, суть только свидетели истинного произволения. Победа и изменение естества принадлежат единому Богу. «Где побеждено естество, — говорит святой Иоанн Лествичник, — там признается пришествие Того, Кто превыше естества» (Сл. 15, гл. 8). Изменяет естественное влечение Бог в том, кто всеми зависящими от него средствами докажет свое искреннее желание, чтоб влечение это изменилось: тогда Дух Божий прикасается духу человеческому, который, ощутив прикосновение к себе Духа Божия, весь, со всеми помышлениями и ощущениями, устремляется к Богу, утратив сочувствие к предметам плотского вожделения (Св. Исаак Сирский, Сл. 43 и 38). Тогда сбываются слова Апостола: «прилепляйся Господеву, един дух есть с Господом» (I Кор. VI, 17). Тогда самое тело влечется туда, куда стремится дух.

По причине произволения своего, опытно доказанного и засвидетельствованного, многие непознавшие жен пребыли до конца жизни в этом блаженном состоянии, или сохранили свое девство; другие после супружеской жизни сохранили непорочное вдовство: иные перешли от развратной жизни к жизни целомудренной и святой; наконец, некоторые, поколебавшись в произволении, снова возвратились к нему, и возвратили покаянием потерянное целомудрие. Все они не только воздержались от падения в блуд телом, но и вступили в борьбу с помышлениями и ощущениями страстными, воспротивились им, победили их, прияли от Бога свободу чистоты, которая вполне чужда общения с грехом, хотя бы он и не преставал от нападений. Так прекращается действие непогоды на путника, когда он войдет в благоустроенный дом, хотя бы непогода продолжалась, или свирепствовала еще более. Возлюбленные братья, иноки! не будем малодушествовать и унывать. Не обратим внимания на бесов, влагающих нам недоверие к избранному нами пути; не обратим внимания на суждения и советы человеческие, произносимые из неведения или разврата и злонамеренности: поверим Господу Богу нашему, обетовавшему услышать нас, и помочь нам, если мы будем верными Ему. Верность эту засвидетельствуем постоянным стремлением к Нему и постоянным раскаянием в наших уклонениях от этого стремления. Не возможно не подвергаться большим или меньшим уклонениям, и по немощи нашей, и по ограниченности, и по повреждению естества грехом, и по злохитрости наших невидимых врагов, и по умножившимся до бесконечности соблазнам. Недолго нам потрудиться! недолго пострадать в борьбе с собою! Скоро настанет час смертный, который исторгнет нас из томления борьбы и из опасности впасть в согрешения. О! когда бы в этот час, во вратах вечности, мы узрели распростертыми к себе объятия Отца Небесного и услышали Его утешительный глас: «Добре, рабе благий и верный, о мале Ми был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего»

(Мф. XXV, 23). До этого часа будем подвизаться мужественно, никак не доверяя плоти, не доверяя нашему безстрастию, ни мнимому, ни истинному. Понадеявшиеся на себя, на умерщвление плоти своей, на свое бесстрастие и благодатное состояние, подвергались страшным искушениям.

Сказал святой Исаак Сирский: «Не удаляющий себя от причин греха произвольно, бывает против воли своей увлекаем грехом» (Сл. 57). Правило это, относясь вообще к монашескому жителю, особенно важно для тех, которые вступили в борьбу с свойством естества, явившемся в нем по падении. Нам полезно вовсе не видеть того плода, от вкушения которого мы отреклись. По этой причине правилами Святых Отцов воспрещен вход женскому полу в монастыри мужские, что и поныне соблюдается в святой Афонской горе. В житии святого Иоанна Лествичника сказано, что он пустынножительством и устранением себя от воззрения на лица окончательно угасил в себе пламень вожделения. Все Святые Отцы старались удаляться по возможности своей от знакомства и общения с женами, и такое поведение передали нам в своих душеспасительных, боговдохновенных писаниях. Отцы, зная удобоползновенность человека, не доверяли ни святости своей, ни престарелому возрасту и его неспособности ко греху. Они до конца жизни, не преставали удаляться от причин греха: такое удаление есть сильнейшее средство для победы над грехом. Когда преподобный Сисой Великий очень устарел, тогда ученик его, авва Авраам, предложил ему поместиться на жительство поближе к населению. На это отвечал девяностолетний старец: «Поместимся там, где нет жен». Ученик возразил: «Где ж место, в котором бы не было жен, кроме пустыни?» Старец сказал: «Помести же меня в пустыне, чадо» (*Алфавитный Патерик*). Благое произволение человека укрепляется вдали от соблазнов, получает необыкновенную твердость и силу; напротив того, оно, будучи приближено к соблазнам, начинает мало-помалу ослабевать и, наконец, совершенно извращается. Так лед на морозе крепнет более и более; но, будучи подвергнут влиянию тепла, тает и исчезает. Братия! подобает нам удаляться от знакомства с женами, особливо близкого, от частых свидания и беседы с ними. Вознамерившиеся победить естество! поймите, что эта победа невозможна, если мы будем подвергать себя непрестанно влиянию естества и возбуждать в себе действие его.

Преподобный Пимен Великий сказал боримому блудной страстию: «Если монах обуздает чрево и язык и сохранит странничество: то он не умрет» (*Алфавитный Патерик*) смертью душевною, постигающей каждого, низринувшегося в блуд. Под именем странничества разумеется здесь удаление от рассеянной жизни, свободного обращения, многого и короткого знакомства, от которых разжигается плотское вожделение. Преподобный Исаия Отшельник говорил, что блудная брань усиливается от следующих пяти поводов: от празднословия, тщеславия, многого сна, от украшения себя одеждами и от пресыщения. Из причин возбуждения блудной страсти с особенною силою и вредом действуют две: нарушение странничества и пресыщение. Трудно решить, которое из них пагубное! гибельны и то и другое. Подчинившийся и поработившийся одному из них, не возможен устоять в борьбе против естества своего.

Для достижения чистоты необходимо отвержение обеих причин. Обратив особенное внимание на охранение себя от главных причин, возбуждающих вожделение, не оставим без должного внимания и второстепенных: будем хранить себя и от них. И меньшей силы повод приобретает особенную силу от навыка к нему, от небрежения о нем. Например: иные постятся, живут уединенно и нестяжательно, умоляют Бога об обуздании похотений естества своего; но при этом позволяют себе злоречить, укорять, осуждать ближних, насмехаться над ними, — и помощь Божия отступает от них: они предоставляют себя самим себе, и не находят сил противостоять греховным побуждениям падшей природы. В некотором общежитии жил затворник по имени Тимофей. Один из братьев общежития подвергся искушению. Настоятель, узнав об этом, спросил Тимофея, как поступить ему с падшим братом? Затворник посоветовал выгнать соблазнившегося. Когда его выгнали, искушение падшего брата перешло к Тимофею, и привело его в опасность. Тимофей начал вопиять со слезами к Богу о помощи и помиловании. И был к нему глас: «Тимофей! знай, что я послал тебе искушение именно за то, что ты презрел брата своего во время искушения его» (*Достопамятные сказания об авве Пимене, гл. 70*). С членами Христовыми — христианами — должно обходиться очень осторожно и благоразумно: должно сострадать им в недугах, и отсекай только те, которые не подавая никакой надежды к выздоровлению, лишь заражают недугом своим других.

Весьма важно сохранение тела от владения в блуд: но одного этого недостаточно для боголюбивой чистоты, которою зрится Бог. На нас лежит неперемнная обязанность очистить самую душу от помышлений, мечтаний и ощущений сладострастных, как то заповедал нам Спаситель наш, «Как тело, — говорит преподобный Макарий Великий, — совокупляясь с другим телом, заражается нечистотою: так и душа, сочетаваясь с злыми и скверными помыслами, и соглашаясь с ними заодно, растлевается. Если кто растлит душу и ум, соглашаясь со злом: тот повинен казни. Должно хранить как тело от видимого греха, так и душу от непотребных помыслов: ибо она — невеста Христова» (Сл. 7, гл. 4). Удалив от себя причины греха: как-то частое общение и близкое знакомство с женским полом, свободное обращение и рассеянную жизнь, пресыщение и наслаждение яствами и напитками, роскошь и излишество в одежде и в прочих принадлежностях келейных, осуждение ближних, злоречие, смехословие, пустословие и многословие, решимся отречься от услаждения сладострастными помыслами, мечтаниями и ощущениями. Не будем сами возбуждать их в себе, и будем мужественно отвергать их, когда они возникнут из падшего естества нашего, или предложатся врагами спасения нашего — демонами. Говорит святой Исихий Иерусалимский: «Не всяк, глаголяй Ми, Господи, Господи, — сказал Господь, — внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего» (Мф. VII, 21). Воля же Отца Его есть сия: «Любящие Господа, ненавидите злая» (Пс. XCVI, 10). И так: будем упражняться в молитве Иисус-Христовой и возненавидим лукавые помыслы. Таким образом, сотворим волю Божию (Гл. II *Доброт. ч. 2*). «Очистим себя от всякия скверны плоти и духа» (2 Кор. VII, 1), завещавает нам Апостол.

Святые Отцы повелевают «блужить главу змия»

(Быт. III, 15), то есть, усматривать самое начало греховного помысла и отвергать его. Это относится ко всем греховным помыслам, но наиболее к блудному, которому содействует падшее естество, который, по этой причине, имеет на нас особенно влияние. Преподобный Кассиан Римлянин заповедует новонаначальному иноку пришедший ему греховный помысел немедленно исповедывать старцу. Этот способ — превосходен; он для новонаначального — наилучший; но и для преуспевшего бывает в иных случаях крайне нужен и всегда полезен, как решительно разрывающий дружество с грехом, к которому влечется болезнующее естество. Блажен, кто может употреблять в дело этот способ! блажен новоначальный, обретший старца, которому он может открывать свои помыслы! Тем инокам, которые не имеют возможности непрестанно относиться к старцу, Отцы повелевают явившийся греховный помысел немедленно отвергать, никак не вступая с ним в беседу или прение, от которых непременно последует увлечение грехом, и устремляться к молитве. Этот способ употребления с величайшим успехом и плодом преподобная Мария Египетская, что видно из жития ее. «Если кто,— сказал преподобный Нил Сорский,— при всякой встречающейся напасти, и при всяком помышлении, приносимом от врага, с плачем вопиет о помощи к благодати Божией: тот вскоре ощутит спокойствие, если будет молиться разумно» (Сл. 8). «Как свойственно огню истреблять хворост, так чистым слезам свойственно истреблять все скверны плоти и духа»,— сказал святой Иоанн Лествичник (Сл. 7, гл. 31). Когда находимся наедине, то при нападении блудных помыслов и мечтаний, при обычном разжении тела, должно падать на колени и на лицо пред святыми иконами, подражая деланию великой Марии Египетской, и со слезами или плачем умолять Бога о помиловании. Не замедлят опыты доказать близость к нам Бога и Его власть над нашим естеством: это доставит нам живую веру, а живая вера воодушевит нас необыкновенною силою, и будет доставлять нам постоянные победы. Не удивимся, если и после продолжительной борьбы, за которою последовало столько же продолжительное спокойствие, приводившее к мысли о умерщвлении яда и смерти блудных наклонностей в естестве, снова восстанет лютая брань, и оживут в теле непристойные влечения и движения (Прп. Макарий Великий. Сл. 5, гл. 14). Враг наш безстыден; он не останавливается направлять свои стрелы против величайших святых Божиих: опыты доказали ему, что попытка бывает иногда удачной, низлагает и сокрушает даже сосуды Духа, как этому подвергся Духоносец, прогуливавшийся вечером на крыше своего царского дома (Царств. XI, 2). Плоть наша — друг неверный: вожделевает другой плоти не только по собственному побуждению, но и по побуждению чуждому, по побуждению падшего духа, находящего в осквернении плоти, ему не принадлежащей, наслаждение для себя. Неожиданно является ея непристойное, наглое, усиленное требование! По этой причине преподобный Пимен Великий говорил: «Как оруженосец царя предстоит ему всегда готовым: так душе должно быть всегда готовою против беса блудного» (Алфавитный Патерик).

Жительству и деланию древних иноков во многих отношениях мы можем только удивляться, но никак

не подражать; можем лишь созерцать их, как Божие чудо, и прославлять по поводу их Бога, даровавшего немощному человеку непостижимую силу и святость. К таким деланиям принадлежит способ борьбы, который употребляли преуспевшие иноки первых веков иночества против блудных помыслов и мечтаний. Они первоначально не противились помыслу, но допускали несколько воздействовать, по выражению их войти, и потом боролись с ним. Преподобный Пимен Великий, прежде нежели достиг совершенства, старался назидаться советами и наставлениями современных ему Святых Старцев. Он обращался за советом и к авве Иосифу, безмолствовавшему в Панефосе. Однажды Пимен спросил авву: «Как поступать мне, когда приступят ко мне похотения? противостать ли им, или дозволить войти?» — Старец отвечал: «Дозволь войти и борись с ними». Получив такой ответ, Пимен возвратился в Скит, где он безмолствовал. После этого случилось придти в Скит некоторому иноку из Фиваиды; он рассказывал братьям: «Спрашивал я авву Иосифа: если приступят ко мне похотения, то противостать ли мне им, или попустить войти?» И он сказал: «Никак не попускать похотениям входить, но тотчас отсекай их». Авва Пимен, услышав, что так сказал Фиваидскому иноку отец Иосиф, пошел опять к нему в Панефос, и сказал: «Авва! я не утаил от тебя помышлений моих, но ты сказал мне одно, а Фиваидскому иноку другое». Старец отвечал ему: «Неужели ты не знаешь, что я люблю тебя? — Знаю,— отвечал Пимен.— Не ты ли,— продолжал старец,— говорил мне, чтоб я сказал тебе то, что сказал бы самому себе? Когда приступят к тебе похоти, и тыпустишь им войти, потом будешь бороться с ними: то посредством этого делаешься искуснее. Я говорил это тебе, как себе. Но когда приступят похотения к новоначальным, то им бесполезно впускать их; они должны немедленно отвергать их от себя» (Алфавитный Патерик и Достопам. Сказания об авве Иосифе Панефосском, гл. 3). Из ответов самого Пимена Великого, когда уже он сделался наставником монашествующих, по подобному же обстоятельству, видно, что допуск в себя блудных помыслов воспрещался инокам, сочувствовавшим страсти, дозволен был проводившим жительство небесное (Там же, об авве Пимене, гл. 62). Существование этого делания объясняется возвышенным духовным преуспеянием вообще монашества тех времен: очевидно, что для такого подвига необходимо состояние бесстрастия. Позднейшими отцами это делание, как очень опасное, и, вероятно, вследствие несчастных опытов, воспрещено для всех вообще иноков. «Непусти,— сказал святой Исаак Сирский,— уму твоему искушаться блудными помыслами или мечтанием лиц, имеющих на тебя влияние, полагая, что ты не победишься ими; потому что таким образом премудрые омрачились и были осмеяны» (Сл. 2). Нам необходимо держаться этого наставления.

Из жизнеописаний святых угодников Божиих видим, что некоторые из них выдержали сильнейшую и продолжительную борьбу с блудными помыслами и ощущениями, переходя из состояния страстного в безстрастное. Этому подверглись не только такие подвижники, которые проводили предварительно развратную жизнь, каковы преподобные Моисей Мурин и Мария Египетская, но и девственники,— Симеон

Троице-Сергиева пустынь под Петербургом. Церковь св. Григория Богослова (Кушелевская).

Христа-ради юродивый, Иоанн Многострадальный печерский и другие. Лютость борьбы возвела их к усиленным, сверхъестественным подвигам. А как дар Божественной благодати всегда бывает сообразен и соразмерен предшествовавшим скорби и труду, то упомянутые святые сподобились, соответственно необыкновенному подвигу и лютости попушенной им брани, необыкновенных благодатных даров. И борьба, и подвиг их были особенными событиями в подвижничестве: они не могут служить вполне руководством для всех подвижников. Можно и должно подражать по возможности силе произволения, решимости, вере, самоотвержению этих угодников Божиих; но самый подвиг их остается неподражаем. Вообще признано рассудительнейшими Отцами, что при борьбе с вожделениями естества, воздержание от пищи и прочие телесные подвиги должны быть благоразумны и умеренны, что плотское вожделение только обуздывается этими подвигами, что побеждается оно смирением и молитвенным плачем, привлекающими к подвижнику Божественную благодать, что усиленные телесные подвиги более вредны, нежели полезны, когда они, излишне ослабляя телесные силы, препятствуют заниматься молитвою, плачем и делами смирения. В Отчнике читается следующая повесть: Некоторый благочестивый муж в Египте оставил жену и детей, отрекся мира, и удалился в пустыню. На него восстала сильная брань от блудного беса, приносившего ему воспоминание

жены его. Он исповедал это Отцам. Они, видя, что он подвижник, и исполняет все, заповедуемое ему, возложили на него сугубый подвиг, заимствовав его из различных жизнеописаний Святых Отцов. От этого подвига он так ослабел, что слег в постель. По смотрению Божию пришел туда старец из Скита. В Египетском Ските — так называлась бесплодная и дикая пустыня, находившаяся в недалеком расстоянии от Александрии — жительствоваали преподобные иноки, особенно обилующие благодатными дарами и даром духовного рассуждения. Скитянин посетил болящего, и спросил его: «Авва! отчего ты болен?» Он отвечал: «Я из женатых, недавно пришел в эту пустыню, и враг навел на меня брань по поводу жены моей. Я исповедал это Отцам. Они возложили на меня различные подвиги, заимствовав их из жизнеописаний Святых Отцов. Когда я начал исполнять их, то пришел в изнеможение, а брань сугубо возросла в теле моем». Скитский старец, услышав это, опечалился, сказал ему: «Отцы, как сильные, правильно заповедали поступить тебе так. Но, если хочешь, послушай моего смирения, и, оставив исполнение этих подвигов, принимай умеренное количество пищи в свое время, совершай умеренное правило и возложи на Господа всю печаль твою: Он победит врага, борющегося тебя. Собственным же подвигом не сможешь получить победы на этой брани». — Боримый брат начал вести себя по совету скитского старца: по прошествии немногих дней он почувствовал облегчение от болезни, и брань отступила от него (*Рукописный Отчник, О духе любоденния, гл. 5*). Известный по особенному дару духовного рассуждения инок Скита, преподобный Агафон, был спрошен о блудной страсти. Он отвечал спросившему: «Иди, повергни силу твою в прах пред Богом и обрешь покой» (*Алфавитный Патерик*). Подобный ответ по этому предмету давали и другие Великие Отцы. Вполне правильно и верно! Если изменить естество может только Бог, то сознание повреждения, произведенного в естестве первородным грехом, и смиренное моление о исцелении и обновлении естества Творцем его, есть сильнейшее, действительнейшее оружие в борьбе с естеством. Оружие это ослабляется упованием на себя, к чему ведет излишний и несоразмерный с силами телесный подвиг. Преподобный Кассиан Римлянин замечает, что «страсть вожделения по необходимости борет душу до того времени, доколе душа не познает, что борьба эта превышает сил ее, доколе не познает, что невозможно ей получить победы собственным трудом и усилием, если не будет помощи и покрова от Господа» (*Книга VI*). Этот Святой Отец провел значительное время среди скитских Отцов и был напоен их учением.

Беседуя о чистоте, мы находим существенно нужным обратиться с убогим словом к неведению нашего времени, столько гордящегося ведением, и подать руку помощи тем, которые утопают и томятся в смущении, унынии и печали по причине неведения своего. Весьма многие, желающие проводить благочестивую жизнь, приходят в совершенное недоумение, когда в них восстанут помыслы и ощущения плотского вожделения. Они смотрят на это, как на что-то странное, такое, чему не должно быть, приходят от этого в душевное расслабление и расстройство, часто решаются оставить Богоугодную жизнь, признавая себя неспособным к ней. Самое ошибоч-

ное воззрение на себя! Наше естество — в состоянии падения. В состоянии падения плотские вожделения ему естественны и не могут не возникнуть из него. И так не должно удивляться и приходить в недоумение при появлении помыслов, мечтаний, ощущений вожделения: это — естественная необходимость. Ей подчинен каждый человек; подчинены были ей все святые человеки.

Этого мало. Для самого преуспеяния в духовной жизни непременно нужно, чтоб возникли и, таким образом, обнаружили наши страсти (*Прп. авва Дорофей, поуч. 13*). Когда страсти обнаружатся в подвижнике, тогда он вступает в борьбу с ними. Вступивший в борьбу и мужественно борющийся может одержать победу и быть увенчанным венцем победы Святым Духом. Предлагаем возлюбленным братьям рассмотреть внимательно жизнеописания и сочинения Святых Отцов: мы увидим, что все угодники Божии подвергались пытке и труду этой борьбы, прошли сквозь огонь страстей и воду слез и взошли в покой безстрастия. Преподобный авва Дорофей по вступлении своем в монастырь очень искушался плотскими вожделениями и прибегал в борьбе этой к советам и наставлениям преподобного Варсонофия Великого (*Вопрос 252 и далее*). Ответы Великого Отца содержат в себе превосходное руководство к мужественному сопротивлению требованиям безумным и растленным падшаго естества. В одном из этих ответов преподобный Варсонофий говорит о себе, что он был борим блудною страстию в течение пяти лет. «Брань, воздвигаемую плотию, — сказал он, — упраздняет молитва с плачем» (*Ответ 255*). Преподобный Антоний Великий, как повествуется в житии его, был усиленно борим блудными помыслами и мечтаниями. Многие из святых, уже по обновлении их Святым Духом и по достижении в пристанище блаженного бесстрастия, внезапно подвергались непристойным побуждениям и влечениям естества, нашествию нечистых помыслов и мечтаний, как то случилось с преподобным Макарием Александрийским, Иоанникием Великим и другими. Поэтому-то Святые Отцы сказали, что плоти своей можно доверить только тогда, когда она уляжется в гроб (*Прп. Исаия Отшельник. Сл. 27, гл. 2*).

Мы для того и вступаем в монастырь, чтоб открыть в себе скрытно живущие страсти и отношение нашего естества к духам злобы, которым оно поработилось произвольно. Для того мы разрываем узы с миром, оставляем общество человеков, родственников, имущество, чтоб увидеть наши внутренние узы и расторгнуть их десницею Господа (*Прп. Макарий Вел. Бес. 21*). Второе не имеет места, если предварительно не совершено будет первое. Тогда только мы можем прийти в смирение духа, когда увидим в самих себе падение человечества, его плен, жестокое господство над нами демонов и вечной смерти; только тогда можем возопить к Богу молитвою и плачем из глубины сердца, от всея души, и таким воплем, таким сознанием своей гибели и беспомощной немощи привлечь к себе в помощь Божественную благодать. По этой причине воздымающиеся брани в нас самих содействуют нашему духовному преуспеянию, если мы боремся мужественно, а не поддаемся малодушно побеждению. Преподобный авва Дорофей повествует, что ученик некоего Великого Старца подвергся плотской брани. Старец, видя труд его, сказал ему: «Хочешь ли, я

Троице-Сергиева пустынь. Надвратный храм Св. Саввы Стратилата.

помолюсь Богу, чтоб Он облегчил тебе брань?» Ученик отвечал: «Отец мой! хотя я и тружусь, но вижу в себе плод от труда: лучше помолись Богу, чтоб Он дал мне терпение в брани. Таков — истинно хотящий спастись!» — восклицает преподобный Дорофей по окончании повести (*Поч. 13. О терпении искушений*). Сказывал преподобный Пимен Великий о великом угоднике Божиим, Иоанне Колове, в назидание и утешение братьям, что он умолил Бога и был избавлен от действия похотений, отчего пребывал в ненарушимом спокойствии. Тогда он пошел к некоторому, весьма опытному в духовной жизни старцу, и поведал ему совершившееся с ним. Старец отвечал: «Поди, помолись Богу, чтоб возвратились к тебе брани и то сокрушение и смирение, которые ты прежде имел по причине браней, потому что при посредстве их душа приходит в преуспеяние» (*Алфавитный Патерик и Достопамятные сказания о Иоанне Колове, гл. 12*). Не будем же предаваться смущению, унынию, малодушию, расслаблению, когда восстанут в нас свирепые волны вожделения и помыслы, как сильные ветры, нападут на нас! Воспротивимся греху: борьбою этою выработаем живую веру в Бога и живое познание Бога.

Много и часто мы вредим себе, требуя от себя несвойственного нам. Так: едва вступившие в подвиг, пропитанные, так сказать, и преисполненные вожделением, хотят, чтоб в них не было сочувствия к помыслам, мечтаниям и ощущениям плотским.

Оно существует; оно естественно; оно не может не быть. Безрассудно искать невозможного. Вождение по необходимости должно возникать из зараженного им естества; но едва оно возникнет в каком бы то ни было виде, мы должны немедленно, с насилием себя, противодействовать ему вышеприведенными способами. Мы должны в противность сильной воле всего естества действием слабой воли одного ума (*Рим. VII, 23*), руководимого словом Божиим, вырваться из нашего плена, из нашей ветхости, из нашего падшего естества. «Царствие небесное нудится,— сказал им Господь,— и только те, которые понуждают себя: поборая греховную волю свою, восхищают ее» (*Мф. XI, 12*). Когда уже благодать Божия начнет явно помогать нам: то первый признак ее вспоможения есть «неслагающийся помысл», как говорит святой Иоанн Лествичник (*Сл. 15, гл. 9*), то есть является мало-помалу в уме несочувствие к блудным помыслам и мечтаньям, вместо прежнего сочувствия, от которого происходили увлечение и побеждение при всяком случае, когда для сопротивления не употреблено было особенного усилия.

Девственники, то есть те, которые не вкусили смерти душевной действительным впадением тела в блуд! храните ваше девство, как драгоценное сокровище: при правильном монашеском жительстве вы не замедлите ощутить так называемое Святыми Отцами духовное действие¹, или действие Святого Духа на душу, действие, которое сообщается душою телу, и опытно удостоверяет нас, что тела наши сотворены для наслаждения духовного, что они низошли к сочувствию наслаждениям скотоподобным по причине падения, что они могут возвратиться к сочувствию наслаждениям духовным посредством истинного покаяния. Увы! даже знание о существовании способности тела человеческого к ощущению духовному утрачено человеками, трубящими о своем многознании. Возвещение о этой способности выслушивается с недоверчивостию, как учение новое и странное. Не ново оно, и не странно! рассмотрите Писание Святых Отцов: вы найдете в них это учение. Ознакомившись с ним короче, вы найдете его в Священном Писании. Искупление, дарованное человечеству Богом, преисполнено неизреченными, существенными благами, свидетельствуется ими; но мы, довольствуясь поверхностными познаниями по букве, не хотим стяжать познаний опытных, требующих распятия (*Гал. V, 24*), и потому лишаем себя познаний живых. Изменяется чувство в сердце, причастившегося наслаждению духовному. Такое сердце начинает питать отвращение к сладострастию, с ревностию противиться влечениям и внушениям его, с плачем вопиать к Богу о избавлении из этой смрадной тины.

Приведенные промыслом Божиим к состоянию вдовства, желающие или долженствующие нести иго этого состояния! не остановитесь прибегнуть с теплою и смиренною молитвою к Богу, и Он даст вам победу и над естеством и над привычкою вашною, укрепившим и поддерживающим силу и право естества. Не отрекитесь потерпеть кратковременную скорбь борьбы с собою: ничего не значит эта скорбь пред утешением, являющимся от победы; ничего не значит эта скорбь пред ощущением свободы, которая является в душе след за победою.

Находящиеся в пропасти прелюбодеяния и разврата! услышьте голос, призывающий вас к покаянию, и примите от всемогущего врача, Бога, предлагаемое Им всемогущее врачевство покаяния. Врачевство это уже испытано. Оно соделало прелюбодеев образцами целомудрия и развратных святыми и праведными. Оно претворило сосуды дьявола в сосуды Святого Духа, и многие покаявшиеся грешники оставили далеко за собою на поприще духовного преуспевания непознавших смертного греха подвижников. Достоинство каждого христианина составляет Искупитель и тот из человеков выше других по достоинству своему, кто существеннее усвоил себе Искупителя.

Многие Святые Отцы, проводившие жизнь девственную, называли себя скверными и прелюбодеями; мало этого! некоторые из них, будучи оклеветаны в грехе блудном, не принесли никого оправдания, хотя оно было очень удобно для них, и подчинили себя наказанию и скорбям, как бы действительно виновные. Такое поведение, при поверхностном взгляде на него, может показаться странным: оно объясняется свойством подвига, которым изработывается святая чистота. Этим подвигом так ясно обнаруживается падение естества, так осязательно доказывается подвижнику неизбежное подчинение его требованию падшего естества, если б из области естества не исхитила его десница Божия, что он не может ни признать собственно себя прелюбодеем. Чистота его есть дело Божие в нем, а отнюдь не свойство естества и не плод его усилий. Продолжительность времени подвига имеет значительное влияние на составление и усвоение такового понятия о себе. С достоверностию можно утверждать, что Святые Божии признают себя оскверненными любодеянием несравненно более, нежели те, которые, живя жителем плотским, непрестанно утопают в любодеянии. Из такого самовоззрения святой Василий Великий, архиепископ Кесарии каппадокийской, муж, исполненный Святого Духа, произнес о себе следующее изречение: «Не познал я жены, и я — не девственник» (*Прп. Кассиан Римлянин, книга VI о духе любодеяния, гл. 19*). Какое глубокое чувство плача слышится из этого изречения!

Беспредельная милость Божия да дарует нам приблизиться к святой чистоте Святых Божиих и к их святому смирению. А м и н ъ.

¹ См. Инок Феофана Лествица. Доброт. ч. I. Также главы прп. Григория Синаита, предание прп. Нила Сорского, и сочинения многих других Святых Отцов.

НАШИ ХРАМЫ

И. В. Попов

Церковь Воскресения Христова у Варшавского вокзала

На левом берегу Обводного канала, возле самого Варшавского вокзала, отделенный от него лишь нешироким бульваром, возвышается кирпичный восьмиглавый храм со стройной колокольной. Еще совсем недавно осквернявшийся расположенным внутри него складом, год назад он был возвращен Церкви, и хотя еще не убрано трамвайное кольцо вокруг храма, здесь уже налаживается полноценная приходская жизнь.

Храм этот — во имя Воскресения Христова — был выстроен здесь в начале XX века и являлся главным храмом Всероссийского Александро-Невского Братства трезвости, столичное отделение которого насчитывало более 70 тысяч членов-братчиков. Поначалу именовавшееся Обществом, основано оно было в 1898 году по инициативе прот. Александра Васильевича Рождественского. Обществу принадлежал стоявший на углу Стремянной и Николаевской (ныне — Марата) улиц деревянный Воскресенский храм, сооруженный в память чудесного спасения Царской семьи 17 октября 1888 года во время железнодорожной катастрофы в Борках, под Харьковом. После возведения на Стремянной каменной Троицкой церкви¹, здание деревянного бывшего на ее месте храма осталось свободным. К тому же Александро-Невское Общество желало выстроить еще одну церковь Общества в Петербурге, которая стала бы центром религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви.

По ходатайству председателя Александро-Невского Общества прот. Философа Орнатского, в 1894 году Городская Дума предоставила в собственность Общества участок земли под постройку храма на набережной Обводного канала — между Варшавским и Ново-Московским мостами, близ вокзала Петербург-Варшавской железной дороги. Министерство Путей Сообщения присоединило к нему смежный участок под постройку церковного дома.

Для скорости и по недостатку средств на пожертвованный участок земли у Варшавского вокзала решено было перенести деревянную временную церковь со Стремянной улицы, и впоследствии заменить ее каменным храмом. Это было исполнено, и в том же 1894 году, 4 декабря Архиепископ Финляндский Антоний (впо-

¹ Закрыта в 1936—38 гг., взорвана в 1966 году, на ее месте стоит баня.

следствии — митрополит С.-Петербургский и Ладожский) освятил храм во имя Воскресения Словущего (память 13 сентября), в ознаменование бракосочетания Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны, состоявшегося 14 ноября того же года.

Район, куда был перенесен храм, до середины XIX века оставался тихой окраиной Петербурга. Прорытый через эту местность в 1766 году Обводный канал долгое время служил границей Петербурга. К югу от него простирались городские выгоны и поля, и лишь после сооружения в 1857 году Балтийской, а спустя три года — Петербург-Варшавской железных дорог и постройки на берегу канала вокзалов, местность эта стала оживленнее, а к концу XIX века здесь сложилась фабрично-заводская окраина Петербурга.

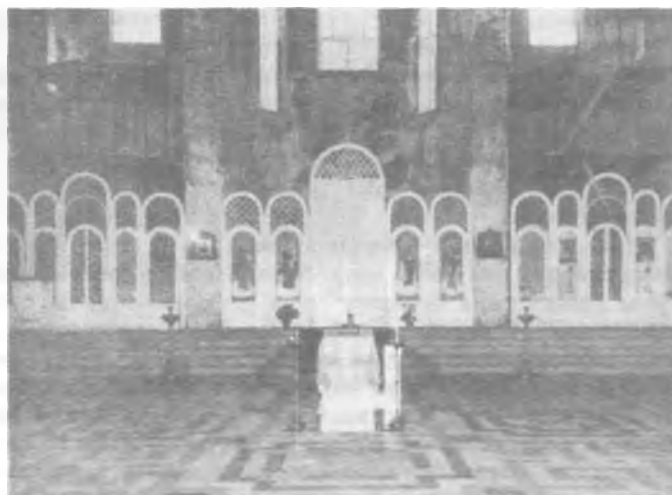
Население этой части города, именовавшейся Нарвской, быстро росло, и в 1903 году вследствие тесноты деревянного временного храма было решено его заменить новым каменным, во имя Воскресения Христова и в ознаменование бракосочетания Их Императорских Величеств. 8 сентября 1903 года было совершено освящение места для его постройки, а 25 июля 1904 года, в первую годовщину Высочайшего одобрения проекта храма, состоялась закладка новой Воскресенской церкви. Авторами проекта были академик архитектуры, профессор Г. Д. Гримм и архитектор Г. Г. фон Голи. К концу следующего года храм был вчерне готов. В ходе его строительства членами Александро-Невского Общества на храм была пожертвована 51 тысяча рублей.

Бесстолпный трехпрестольный храм на четыре тысячи человек с большим куполом и сводом из железобетона сочетал в себе традиции русской архитектуры и модерна. Внешне он был облицован декоративным кирпичом; карнизы, наличники окон и шатер колокольни были отделаны песчаником; работы производились подрядчиком П. О. Меньевым. Пол храма был выстлан харьковскими пирогранитными плитками, в алтарях храма сооружены три дубовых престола, обложенные мрамором, и три такие же жертвенника.

Главный придел церкви Воскресения был освящен митрополитом С.-Петербургским Алексием при пении народного хора 14 декабря 1908 года. Неделью спустя был освящен придел свт. Николая Чудотворца, а левый — во имя св. благ. князя Александра Невского — так и остался до октября 1917 года неосвященным, хотя в нем были установлены иконостас и престол.

Император Николай II так откликнулся, узнав об освящении Воскресенской церкви: «Радуюсь совершившемуся освящению храма Воскресения Христова. Желаю Обществу распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, дальнейшего прочного развития на пользу русского народа».

Образы Воскресенского храма были исполнены учениками иконописной школы Комитета попечительства о русской иконописи; большой наружный образ «Воскресение Христово» был написан в 1909 году художником С. Т. Шелковым. Наружная роспись храма была завершена в 1913—1914 гг. Интерьер храма в 1912 году был украшен картинами кисти профессора Перминова и других известных живописцев, выполненными по картонам, с которых делались мозаичные композиции храма Воскресения Христова (Спасна-Крови). Пожертвованы они были в пользу Воскресенской церкви по ходатайству Общества академиком-архитектором А. А. Парландом.

Иконостас.

Главной святыней храма была икона Воскресения Христова, пожертвованная Александро-Невскому Обществу трезвости Патриархом Иерусалимским Дамьяном. Другая икона Христова Воскресения была подарена им же в Воскресенский храм, располагавшийся на бывшей императорской яхте «Марево», которая была в 1912 году пожалована Обществу Императором Николаем II для устройства на ней плавающей церкви и подвижного противоалкогольного музея. Оба образа Воскресения были с частицами камня от Живоносного Гроба Господня.

Другой святыней Воскресенской церкви была икона Святой Троицы, писанная на доске от священного дуба Мамврийского, в изящном киоте из перламутра, являвшаяся благословением Александро-Невскому Обществу от начальника Русской Миссии в Иерусалиме архимандрита Леониды. Помещались в храме икона Афонской Божией Матери и образ явления Божией Матери Преподобному Сергию Радонежскому, высокохудожественной работы, писанной на полотне огромных размеров. Киот и икона Соловецких Чудотворцев были сооружены на средства бригады кондукторов Варшавской железной дороги и пожертвованы ими в храм.

Св. Плащаница была даром Ф. Е. Шестовой; прихожанами были пожертвованы также два серебряных и позолоченных напрестольных креста и серебряные облачения для священника и диакона.

В новый храм были перенесены пожертвованные еще во временную деревянную Воскресенскую церковь икона прп. Серафима Саровского, привезенная в 1903 году из Сарова, где она была освящена на св. мощах Преподобного; иконы Божией Матери Казанской, «Утоли моя печали», «Неупиваемая Чаша». Последняя была очень известна и чтима народом. Пред нею пьяницы давали обеты и служили молебны о Божией помощи в исцелении от недуга.

Церковь Воскресения Христова была настоящим центром борьбы Православия с алкоголизмом: в ней постоянно звучали проповеди и беседы о трезвости. Братчики Александро-Невского Братства прилагали много усилий к возвращению на истинный путь падших сограждан, — храм Воскресения был единственным в городе, где исповедывали женщин легкого поведения. Много трудились члены Общества для пробуждения в народе стремлений по здоровому образу жизни, к христианизации его быта и нравов. Обществом

издавались популярные духовные журналы «Отдых Христианина», «Трезвая Жизнь» и «Воскресный Благовест», к праздникам Рождества Христова и Святой Пасхи малоимущим членам Общества раздавались денежные пособия, летом устраивались паломнические поездки на Валаам, для детей — экскурсии в окрестности Петербурга; в храме пели любительский и народный хоры.

На набережной Обводного канала, за храмом, в выстроенном в 1897 году трехэтажном кирпичном доме действовала Воскресенская церковно-приходская школа на 150 человек, рукодельный класс и воскресная школа для взрослых на 300 человек. Здесь же помещалась библиотека-читальня, основанная старостой церкви А. Н. Кутузовым в 1896 году. Одним из первых жертвователей ее был св. и пров. Иоанн Кронштадтский, часто бывавший еще в прежнем, деревянном храме Воскресения. В этом же церковном доме располагался книжный магазин, где продавались приходские листки, брошюры, журналы, книги, издававшиеся типографией, помещавшейся в подвале церкви. Там же находилась контора трезвости.

В 1912 году на колокольню Воскресенской церкви был поднят большой тысячепудовый (весом 1064 пуда 18 фунтов) колокол «Отец Александр», сооруженный членами Александро-Невского Общества трезвости в память покойного учредителя Общества прот. А. В. Рождественского.

Храму принадлежали две часовни: одна — при входе в церковь со стороны канала, другая — перед главным фасадом Варшавского вокзала, на том месте, где сейчас стоит памятник Ленину. Часовня была сооружена на средства А. Н. Дорофина в 1902 году над иконой Спасителя, протягивающего руку утопающему

апостолу Петру, кисти И. А. Коркина. Образ этот был установлен здесь 17 октября 1901 года в память спасения Императорской семьи во время железнодорожного крушения в Борках. Икона помещалась в массивном иконостасе из темно-серого сердобольского гранита, поставленного на гранитном же фундаменте.

По субботам на всенощном бдении в Воскресенском храме читался акафист Воскресшему Иисусу и Живоносному Гробу Господню, по четвергам — святителю Николаю Чудотворцу, на особом молебствии после литургии. В воскресенье в храме служился молебен Спасителю, Божией Матери и св. Александру Невскому.

Каждый год на Светлой седмице из храма совершались отличавшиеся многолюдностью и торжественностью крестные ходы в Александро-Невскую Лавру, к раке св. благ. князя Александра Невского в Свято-Троицком соборе, в июне — в Троице-Сергиеву пустынь в Стрельне, под Петербургом, и 13 сентября — в Казанский собор.

В 1932 году храм Воскресения Христова был закрыт, и 58 лет в нем не совершалась Божественная литургия. Возвращенный верующим в марте 1990 года, он восстанавливается ныне. 9 апреля 1990 года, накануне Св. Пасхи, прот. Стефаном Дымшей было совершено малое освящение храма. В марте 1991 года, к Пасхе, усердием и. о. настоятеля храма иеромонаха Лукиана (Куценко) и прихожан церкви Воскресения был сооружен временный иконостас и начаты восстановительные и реставрационные работы. 2 апреля этого года над колокольней церкви вновь засиял золотом крест, и свой первый после освящения престольный праздник она встретила праздничным пасхальным перезвоном.

С.-Петербург. 8 сентября 1903 года. Освящение места для постройки храма Воскресения Христова.

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Проф. Никита Алексеевич Мещерский Отрывки воспоминаний

(продолжение)

Наша семья в моем детстве никакой особой церковностью не отличалась. Отец был православный и по обычаю — церковным старостой местного прихода, бывшем в его имени. Ни тогда, ни в последующие годы никаких примеров религиозности и церковности он дать мне не мог. Между прочим, в журнале «Нева» 1981, № 3, есть заметка об О. Д. Форш, где кое-что сказано и о моем отце, так как она подолгу жила в его семье. В годы моего детства мы жили в принадлежавшем мужу Ольги Дмитриевны сельце Логи, Красненского уезда, Каблуковской волости, Смоленской губернии. Там прошло мое детство.

Приходский храм был в трех верстах, в селе Герчикове. В детстве мы часто ездили в церковь по праздникам, по воскресеньям. В округе было много церквей — в летний праздничный день, по крайней мере, с трех сторон, километров за 4—5, был слышен колокольный звон.

Моя мать, Ольга Эдуардовна, — урожденная Форш. О. Д. Форш, писательница, была замужем за братом моей матери Борисом Эдуардовичем Форшем. Моя мать происходила из лютеранской семьи и не была православной до 1918 года; вместе с тем она довольно безразлично относилась к лютеранской религии. Она была равнодушна к вере своих отцов.

Училась в Академии художеств, в скульптурном классе проф. Баха, но по каким-то причинам была исключена с 3-го курса, уехала доучиваться в Париж. Целый год (1903—1904) она провела в Париже, учась скульптуре, хотя потом скульптурой не занималась. У меня воспоминания, что к юбилею войны 1812 года она сделала очень интересные шахматы — русские и французские участники войны. Все это должно было отливаться, но при отливе фигуры испортились. У нас были только отдельные слепки, которыми мы пользовались как игрушками. Хотя мама особенно религиозной не была, но много читала на эту тему. Она очень увлекалась Достоевским.

Мое первое говение происходило в 1914 году, причем для этой цели поехали в Смоленск с моей тетей, двоюродной сестрой отца, Ниной Викторovной

Комаровой. Мы целую неделю жили в Смоленске, каждый день ходили в храм. Особенно хорошо запомнил Авраамиев монастырь. Мы ходили, главным образом, в надвратную церковь в Малаховских воротах в городской стене. Это была полковая церковь пехотного полка, который квартировался в Смоленске. Помню шеренги говеющих солдат.

В 1915 году мы переехали в Петроград, где стали ходить в домовую церковь 4-й Петроградской Ларинской гимназии. Нами руководила Нина Викторовна. Мы с сестрами ходили туда и говели в 1915, 1916 и 1917 гг. Там служил о. Константин Агеев, очень известный в Петрограде протоиерей, активный участник религиозно-философских обществ. В последние годы (1917—1918) там служил о. Николай Чепурин (в ЖМП, 1981, № 10 есть его портрет), который после долгих мытарств вернулся в Москву. Тогда он был молод, очень красив, у него был необыкновенно мелодичный голос, и он был выдающийся проповедник и по чувству и по содержанию проповедей. Очевидно, с его влиянием связан переход в Православие моей мамы. Это случилось в Фомину неделю 1918 года, в мае, по новому стилю. Я в этом году Страстную неделю проболел и причащался в Фомину, когда мама впервые принимала причастие по-православному.

Очень большое значение для всей нашей семьи имело лето 1918 года и пребывание в Вохановском монастыре.

Летом 1918 года встал вопрос, куда поехать на каникулы? До этого мы ездили в нашу деревню Логи, но в 1918 году ее не стало. Благодаря сестре моей матери — Мальвине Эдуардовне Форш — мы попали в Воханово. Она как-то встретила одного из наших давнишних общих знакомых — о. Иоанна Спицына, который был когда-то учителем в Киево-Печерской лаврской школе. Еще не будучи священником, он был приглашен в качестве домашнего учителя в семью другой сестры моей матери и воспитывал ее сыновей. Потом он принял целибатное священство, был назначен судебным священником на крейсер

«Диана» и некоторое время провел в заграничном плавании, а позже преподавал Закон Божий в младших классах Морского училища.

Встретившись с Мальвиной Эдуардовной, он предложил ей поехать на лето в Воханово, где служил священником. «Там есть гостиница, где сдаются комнаты, даже дают обед, и от города недалеко. Вообще, удобно и хорошо». Мы согласились и поехали с мамой втроем, Мальвина Эдуардовна и Нина Викторовна. Живя в монастыре, мы часто бывали в храме, и даже принимали участие, помогали. Хотя я тогда не читал, но относился к службе очень внимательно. Мама сблизилась с монахиней этого монастыря — матерью Меланией, которая по послушанию была гостиничной.

Здесь мы жили и зимой — с конца декабря 1918 г. до Сретения 1919 г. Каждое лето с 1922 по 1928 г. мы там бывали, пока существовал монастырь.

Воханово было именем Платоновых. В парке находилось очень красивое фамильное кладбище. Один из их предков был предводителем дворянства Царскосельского уезда. Его младшая дочь — Наталья Александровна — была последней владелицей Воханова и жила в нем тогда. По завещанию Платоновых, на их земле был создан монастырь во имя Марии Магдалины, не очень большой по насельникам. В деревне Дымище, на станции Елизаветино, была приходская церковь, где, кстати, происходило венчание Дорофея Дорофеевича Ярушевича, брата митрополита, на котором я был шафером.

Следующий этап — это Андреевский собор и Андреевский детский союз. В 1919 году, после возвращения из Воханова, мы стали часто бывать в Андреевском соборе. Как-то летом 1919 года, в летний праздник, то ли в Иванов день, то ли в Петров, к нам подошла строгая, скромно одетая девушка и сказала: «Пройдите и встаньте впереди, где у нас стоят дети». Это была Анна Петровна Вешкурцева, дочь директора Балтийского завода, очень церковного человека. Оказалось, что в Андреевском соборе в это время уже действовал Андреевский детский союз.

Мама познакомилась с Анной Петровной и с другими девушками, работавшими в нем, и начала принимать активное участие в этой организации. Тогда Закон Божий при церквях преподавали священники и много добровольцев. Уже начало существовать Андреевское братство, и мама стала его членом. Женщины в братстве носили белые платы, как сестры милосердия. Александро-Невское братство тоже ходило в таких платах. А мужчины носили повязки на руке, белые с голубым.

В Андреевском братстве, также как в Александро-Невском, имелись специальные детские богослужения; дети прислуживали в алтаре, читали, пели. Я впервые начал читать в церкви в 1920 г., в праздник Сретения. Читал Шестопсалмие и первый час, на другой день, на литургии — часы. Готовил нас к этому чтению тогдашний настоятель Андреевского собора протонерей Иоанн Добронравов (который читал Евангелие по-древнееврейски, на пасхальной заутрене). Перед тем как выступить, мы в течение недель двух учились церковному чтению. Помню один эпизод. Псалом из часов: «...очи мои выну ко Господу...», «Ты понимаешь?» «Понимаю всегда». «А вот старообрядцы не понимали. У них даже были такие иконы — человек держит на ладонях свои

очи». Когда в 1921 г. было детское пасхальное богослужение, я читал Апостол. В следующем году, когда мы поехали в Воханово, я начал регулярно читать Апостол на каждом богослужении. Кроме того, в Андреевском детском союзе бывали всякие вечера и утренники художественного содержания, на которых я выступал с декламацией стихов. В каком-то году (1921 или 1922) готовилась инсценировка драмы К. Р. «Царь Иудейский», где я играл Иосифа Аримафейского. Эпопея Андреевского детского союза закончилась в 1922 году в связи с началом обновленческого раскола. Здесь надо сказать несколько слов о Николае Федоровиче Платонове.

Он учился в СПб Духовной Академии, на одном курсе с будущим Владыкой Николаем (Борисом Дорофеевичем) Ярушевичем, и были они приятелями-друзья. Пути их разошлись сразу же после Духовной Академии: Ярушевич принял монашество, Платонов женился. Женился он на сестре профессора Духовной Академии Сергея Михайловича Зарина — Софье Михайловне. Это была первая (и единственная законная) жена Платонова.

Он получил место младшего священника в Андреевском приходе; и прославился как проповедник. У него всегда был наигранный пафос — я это чувствовал, еще будучи мальчиком, — много заботы о своей наружности и о внешнем впечатлении от всех речей.

Вся семья Платоновых была очень церковная. О матери Анастасии я уже говорил. Младший брат — Сергей Федорович учился в гимназии вместе с В. И. Колпаком. Когда последнего крестили и венчали, Сергей Федорович принимал активное участие в этих делах; видимо, он был крестным отцом. Потом он женился и был поставлен дьяконом в Андреевском соборе, на псаломнической вакансии.

Во все годы существования Андреевского братства и Андреевского детского союза о. Николай Платонов играл самую видную роль во всей его деятельности. Устраивались «экспедиции» полупаломничества-полужурналистики Детского союза — ездили по городу и за город, в Павловск, в Царское Село. Одну из таких поездок я помню — на Пасху 1921 года (тогда 1 мая совпало с днем Пасхи). Мы совершили паломническую экспедицию в Лесной Радочницкий (эвакуированный во время войны из Холмского края) монастырь во главе с матерью Афанасией. Он находился где-то около того места, где сейчас больница Академии наук, на Осиповской.

Мы всем Андреевским союзом решили туда поехать, причем работники трамвайного парка для этой цели специально выделили двухвагонный трамвай, куда солидно и демонстративно погрузились все члены союза во главе с Николаем Федоровичем, который был высокого роста с маститой бородой. Ехали от центра через весь город. Пока мы паломничали — стояли обедню, ходили по окрестностям трамвай ожидал нас на углу Второго Мушинского.

1921 год был переходным годом, он начался необычайным голодом. Потом пошли волынка, забастовки, массовые уличные движения. На Васильевском острове целые две недели не было советской власти — все бунтовало и ходило по улицам. И никто не усмирлял. Курсанты, которые были брошены на усмирение, ходили и посмеивались. Потом было Кронштадтское восстание, постановление X съезда и НЭП. И как по мановению жезла, все изменилось. Во время

С.-Петербург. Спас-на-Водах.

Великого поста я лежал больным, и когда вышел к концу поста, рынок был завален продовольствием. В такой обстановке проходила вся экскурсия. Очевидно, работники трамвайного парка чувствовали, что они победили, и могли себе позволить такое действие. Тогда проходили необычайные крестные ходы. Один из них состоялся в Фомино воскресенье, когда со всех приходов крестные ходы двинулись в Александро-Невскую лавру, шли с хоругвями, в облачениях, по всему городу. Первый раз это было в 1918, последний — в 1921 году.

В 1922 году на Пасхальной неделе скончался о. Иоанн Добронравов, настоятель Андреевского собора. Поскольку все церковные должности замещались по выбору, то встал вопрос о новом настоятеле собора.

На эту должность выбрали Н. Ф. Платонова, хотя он и не был старшим по хиротонии и по званию. Это случилось накануне обновленческого раскола.

Начало обновленческого раскола связано с делом об изъятии церковных ценностей. В 1922 году государство приступило к изъятию церковных ценностей в Москве, Петрограде и других городах под предлогом помощи голодающим Поволжья. Затем произошел процесс против Патриарха Тихона и митрополита Вениамина. Процесс против митрополита был открытым, и суд заседал в большом зале Филармонии. На суд продавали билеты и на него ходили как

на зрелище в течение двух месяцев. В результате к высшей мере были осуждены митрополит Вениамин и еще девять человек из среды духовенства и церковно-общественных деятелей, в том числе профессор юридического факультета Новицкий, председатель Общества православных приходов. В конце концов из этих десяти расстреляны были четыре — митрополит Вениамин, проф. Новицкий, проф. Ковшпаров и архим. Сергей Шеин, настоятель Троице-Сергиевского подворья, бывший депутат Государственной Думы. Остальные были освобождены, в том числе Николай Чуков. В этот момент и началось обновленчество.

Как вел себя Платонов во время обновленчества? Вначале он держался абсолютно спокойно и осуждал обновленчество. Более того, когда в Петроград прибыл назначенный на место митрополита Вениамина обновленческий архиепископ Николай (Лебедев), то встал вопрос: признавать его или не признавать. Платонов в это время был не только настоятелем Андреевского собора, но и благочинным Василеостровского округа. Накануне прибытия архиепископа Николая он созвал совещание духовенства своего благочиния, и доказал, что тот неканоничен и признавать его не надо. И вдруг даст распоряжение: в такой-то день начинать поминать Николая вместо митрополита Вениамина. После этого из Андреевского собора ушли многие люди, в том числе его сестра, уважаемая мать Анастасия, и брат о. Симеон и очень многие из членов Андреевского братства. Все распалось.

Дальнейший путь Платонова отличается от других деятелей обновленчества. Он долгое время воздерживался от принятия епископского сана, видимо, из-за каких-то колебаний. Когда выпустили Патриарха Тихона, о. Николай думал присоединиться к патриаршей Церкви. Его арестовали, подержали и выпустили, после чего он начисто отказался от своих намерений*. В 1927 году он все-таки решил принять обновленческую хиротонию. Говорят, что во время архиерейского наречения он держал речь, что принимает высокое назначение из-за покорности Церкви и сообщил, что имеет подругу жизни, с которой не желает расставаться. Он был хиротонисан и сделан викарием Ленинградской обновленческой митрополии. После 1925 года никаких внешних отличий обновленцы не имели и не позволяли никаких изменений в богослужении; некоторые хотели, но им не разрешали, потому что иначе народ не принял бы их. Некоторые из наиболее крупных обновленцев меняли службу, например, Антонин, который вынес престол на середину храма, служил на русском языке; но в Ленинграде таких не было. Отличалось только иерархическое подчинение. У них были женатые и много раз разведенные архиерейсы. Введенский был женат трижды; он венчался в архиерейском облачении.

* Летом 1921 г. происходила как бы артиллерийская подготовка к принятию обновленчества. Будущие вожди — наиболее видные фигуры были арестованы, а потом выпущены. Видимо, тогда был проведен инструктаж. В 1923 г. Платонов колебался — принять ли обновленчество или примкнуть к патриаршей Церкви. Его ненадолго посадили, почистили и укрепили в нем обновленческие убеждения. Больше он не колебался.

В 30-х годах Платонов был сделан обновленческим митрополитом, возглавляя обновленческую епархию до 1938 года. В 1938 г. в обстановке самого жесточайшего террора стало известно, что он отрекся от сана, снял с себя архиерейство и священство и сделался научным сотрудником Музея религии и атеизма. Писал безбожные статьи во всех тогдашних атеистических журналах. Наступила Великая Отечественная война. Н. Ф. Платонов не эвакуировался, а остался в Ленинграде.

Расскажу о его последних днях со слов монахини Иулиании (Церетели), вдовы Б. А. Тураева (Елена Филимоновна Церетели-Тураева занималась русской историей, ее магистерская диссертация посвящена княгине Елене Иоанновне, дочери Ивана III, жене великого князя литовского Александра), которая пережила войну в городе. Я имел с ней встречу в 1946 году, и она мне рассказала о последних часах Платонова. То было блокадной зимой, в январе 1942 года, в Князь-Владимирском соборе, где на хорах жил митрополит Алексей (Симанский), будущий патриарх*. Он всю блокаду провел в Ленинграде. Литургию служил о. Николай Ладыгин, известный протоиерей, который позже выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе. О. Николай держал чашу с причастием, когда к нему, среди причащающихся подошел высокий, едва держащийся на ногах, исхудавший, совершенно седой старик, поддерживаемый двумя женщинами. Он подошел к чаше, назвал свое имя — Николай. Священник сообразил — «Это же Платонов». Немедленно дал знать владыке Алексею, который распорядился: «Приведите его ко мне». Но Платонов уже ушел. И вернувшись домой, тотчас же скончался. Мать Иулиания сказала: «Это по молитвам праведницы матери Анастасии». Несмотря на свое отступничество, Бог дал обновленцу возможность причаститься перед смертью. Мать Анастасия в лагере за него молилась.

Другую деталь я узнал из уст не очень достойных — от Анатолия Левитина (Краснова), который говорил, что якобы Платонов ходил в Никольский собор, целовал ступени лестницы и повторял: «Я веровал, верую и буду веровать».

Хочу вспомнить также об Университетской домовой церкви, организованной на Биржевой линии, в бывшем доме Срезневских. После смерти И. И. Срезневского в нем жили Ольга Измайловна и Всеволод Измайлович. Я был там однажды, когда мне было 3—4 года. Еще была жива Екатерина Федоровна Срезневская. До какого времени Срезневские жили в этой квартире, я не помню.

Когда в 1919 году закрылась Университетская церковь, которая была в главном здании, освободившаяся квартира была переоборудована под домовую церковь. Старостой ее был академик Б. А. Тураев, настоятелем — Николай Кириллович Чуков (будущий митрополит Григорий). В самой большой комнате квартиры была сделана перегородка, отделявшая часть комнаты, примыкавшую к окнам на линию; здесь был алтарь. Рядом было отделено место для клироса. Остальное пространство этой комнаты и две другие комнаты составляли помещение для молящихся.

Прихожанами церкви были работники Университета, главным образом, живущие в самом его здании, в большинстве своем химики — будущий академик Фаворский, проф. Тищенко и всякого рода служители (так их называли), занимавшие каморки в главном корпусе. Я помню служителя кабинета древностей Михаила Ивановича, очень благочестивого человека, который всегда был в церкви. Большой контингент составляли работники Библиотеки Академии наук, особенно те, которые жили в прилегающем здании во дворе — технические сотрудники библиотеки, в том числе Василий Иванович Бойко, церковный староста.

1923 год в истории Русской Церкви интересен как замечательный год. В первую его половину случилось разбойное нашествие обновленцев. Поскольку народ не принял обновленчество, его сторонники решили действовать нахрапом и захватили почти все петроградские храмы, в том числе Казанский и Исаакиевский соборы. Если их не признавали, они просто занимали храм. Вершиной торжества обновленцев был обновленческий собор 1923 года, на котором был предан осуждению Патриарх Тихон. Его лишили сана за всякие политические проступки, в том числе за то, что посылал просфору Николаю II в Тобольск.

В Петрограде был поставлен обновленческий митрополит Артемий, бывший епископ Лужский, второй викарий Петроградской епархии. В июле 1923 года не обновленческими оставались не более десяти храмов: «Спас на водах», «Воскресение на крови», Университетская церковь, церковь на Волковом кладбище, где тогда находилось Александро-Невское братство, и другие, а все остальные волей или неволей признали обновленчество. Вдруг, как гром среди ясного неба, известие в июле 1923 года: освободили Патриарха Тихона.

В чем была причина его освобождения? Причин было несколько. Одна внешняя — нота Керзона, который для нормализации отношений потребовал освобождения осужденных по церковным делам, в том числе Патриарха Тихона и католического архиепископа. Кроме всего прочего, была, видимо, и провокация — раз обновленцы укрепились, им в пику надо выпустить Патриарха Тихона. Что же случилось? Москва сразу перешла на сторону Патриарха. В ней обновленцев было очень мало, и им удалось захватить только храм Христа Спасителя, тогда как все остальные церкви были на стороне Патриарха. В Петрограде же в это время не было православных епископов, ибо они все были в ссылке. Тогда был возведен в сан епископ Мануил (Лемешевский), будущий митрополит Куйбышевский, организатор и глава Братства. Его сделали епископом Лужским, чтобы привлечь на свою сторону петроградские приходы. Владыка Мануил и его брат были большими друзьями А. А. Блока. В переписке Блока и в его дневнике постоянно встречается фамилия Лемешевских. Брат Владыки Мануила служил вместе с Блоком в земгородской бригаде, где тот был табельщиком. Епископ Мануил прибыл в Петроград в июле 1923 г. И началось массовое возвращение петроградских церквей к Патриарху. Это обставлялось торжественно: церкви, формально числившиеся обновленческими, которые желали присоединиться к Патриарху, приглашали епископа Мануила, един-

* Позже митрополит в блокаду жил в Никольском соборе.

ственного от Патриарха, тот совершал чин освящения, и все духовенство приносило покаяние. Заядлые обновленцы, которые пережились и поразвратились, обратно не принимались.

Владыка Мануил служил молебн в Университетской церкви в сентябре или октябре 1923 г. Я в первый раз был в этой церкви. Помню, как он шел по университетскому нижнему коридору, от набережной. Но потом я стал прочно посещать эту церковь. В ноябре того же года, в день памяти о. Иоанна Кронштадтского, я начал читать в ней на клиросе.

Пели и читали там интересные люди. Регентом был В. И. Коплан, женатый на Софье Алексеевне Шахматовой. В книге И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями» упомянуты еще два человека, о которых я хочу сказать. Это — библиотекарь университетской библиотеки Илья Петрович Мурзин, человек не от мира сего — он не следил за собой, ходил обтрепанный, с пенсне на веревочке; но был очень благочестивым и высокодуховным человеком. Другой — Андрей, технический сотрудник Азиатского музея (тогда Азиатский музей находился на пятом этаже БАН). Еще кого назвать? Марию Николаевну Билибину, дочь известного математика Николая Ивановича Билибина, директора 1-го реального училища. Художник Билибин — это ее двоюродный брат. Родной брат преподавал иностранные языки в каком-то вузе.

Настоятелем церкви служил о. Владимир Лозина-Лозинский, сын профессора-биолога. Жили они у Калинкина моста. Его брат тоже был профессором-биологом, специалистом по космической биологии. О. Владимир во время 1-й мировой войны служил «земгусаром», как и Блок. Что такое земгусары? Так назывались служащие в учреждениях ЗЕМГОР — Всероссийский союз земств и городов, который во время войны занимался постройкой военных зданий и учреждений. Они освобождались от военной службы. По своей специальности Владимир Константинович был юристом и служил где-то в Сенате; после войны приехал в Петроград, поступил в Богословский институт, занимаясь вместе с Фроловским.

В 1918—1919 гг. в духовенство пришло много светских молодых людей разных чинов и званий. Можно назвать, например, Финне, бывшего вице-губернатора, он был дьяконом в церкви «Спас на водах». Митрополит Вениамин старался привлечь как можно больше светских людей, ибо предвидел будущие трудности. Таков же был о. Иосиф Ромашкин, старший кузнец пожарной команды. Был диакон из извозчиков. Словом, иерархические степени принимали люди разных званий — от вице-губернаторов до извозчиков.

О. Владимир служил в Университетской церкви до февраля 1924 г., когда его арестовали вместе с епископом Мануилом и его друзьями Андреем Дмитриевичем Лемешевским, о. Варлаамом, Николаем Хиселевым и многими другими. Но то ли о. Владимир хорошо симулировал, то ли действительно был психически нездоров, но его не выслали, а месяца через 3—4 освободили. Он нигде не служил после этого, вплоть до лицейской панихиды, когда получил второй арест и высылку на Соловки. Там он выжил, вернулся и последние годы служил в Новгороде.

Подробности о его дальнейшей жизни я не знаю. Скончался он еще до войны.

Центральный корпус Петербургского университета, где расположена Университетская церковь.

В Университетской церкви служил также о. Александр Советов, сначала вторым священником, затем единственным священником и настоятелем. При нем я проходил свое послушание с ноября 1923 г. до Страстной недели. Пасха в 1924 году была поздняя — по старому стилю 28 апреля — и до Страстной среды я почти каждый день бывал в церкви, читал и очень сошелся с о. Александром Советовым, часто его посещал. Рождество, Крещение, Сретение, все великопостные службы — все мы правили. Особенно запомнился день основания Университета, по старой памяти, рассматриваемый как храмовый праздник, хотя перенесенная церковь была освящена во имя Всех святых земли Российской. И это не случайно — ведь службу этим святым составил церковный староста, академик В. А. Тураев. В университетский день, 21 февраля, служили, как в храмовый праздник. Запомнился и последний праздник Входа Господня в Иерусалим. Ярко светило солнце в окно. В среду Страстной недели церковь опечатали, и на этом ее существование прекратилось. Куда все девалось — книги, облачения, иконы — никто не знает.

В Университетской церкви постоянно бывал Сережа «Рембрантовский», т. е. Сергей Алексеевич Александров, с которым мы очень часто возвращались домой пешком: он жил в конце Большого пр., около Гавани, а мы — на 10-й линии. Он все говорил, что надо завести кружок христианской молодежи. После того, как Университетскую церковь закрыли, я на лето уехал в Воханово. В августе 1924 года, когда я вернулся в город, то встретил Сергея Алексеевича, и он сказал: «А мы организовали кружок во имя св. Стефана. Почему во имя св. Стефана? 1/15 августа — это день первомученика Стефана. Приходи. Мы соберемся». Хотя это был кружок молодежи, одним из главных деятелей в нем был человек далеко немолодой — Петр Сергеевич Павлинов, миссионер-апологет. Он для пропитания занимался частными уроками, но главной своей задачей считал сочинение брошюр в защиту религии. Жил он на Канареечной улице в Гавани. Первое собрание кружка было на Канареечной улице, близ церкви Милующей Божией Матери.

Были еще Владимир Петрович Петропавловский, сын священника Смоленского кладбища, Григорий Григорьевич Прозоров, который до сих пор жив и иногда у нас бывает, Андрей Якушев, братья Галкины, Александр и Леонид, и многие другие. Собрания бывали по очереди у разных людей. Квартиры уже становились коммунальными, но они были малонаселенными, и мы никому не мешали. Как проходили собрания? Коллективно молились. Затем делали доклады. Обсуждали статьи П. С. Павлинова. Все это продолжалось до 1927 года и остановилось в связи со смертью П. С. Павлинова, который похоронен на Смоленском кладбище. На его надгробном кресте были написаны стихи с акrostихом, сочиненные мною:

Призван к Владыке десницей нежданной,
Ангела смерти недремлющий раб,
Веры свидетель, борец неустанный,
Лжи обличитель, не знавший ослаб.
Истине веря, он чаял явленья
Первого неба и чистой земли.
Отче, в Твои неземные селенья
Верную душу всели.

Теперь эту могилу, между часовней Ксении Блаженной и часовней Финляндского полка, не найти — нет ни могилы, ни креста.

5 февраля — дата знаменательная в моей жизни. Это день свадьбы бабушки и дедушки Форшей в начале 1860-х годов. Мой дед, Эдуард Иванович Форш, был офицер гвардейского Саперного батальона. Он кончил инженерное училище, потом Академию Генерального штаба. Был начальником Корпуса военных топографов и жил поэтому в здании Генерального штаба, где родилась моя мама.

С 5 февраля связаны ее первые отчетливые воспоминания. Она помнила взрыв, произведенный Халтуринным, — вспышка, толпа народа. То был день свадьбы родителей, и в этот день должен был состояться званый обед и вечер. Одним из пострадавших от халтуринского взрыва оказался племянник моего деда — Роберт Брандт, вольноопределяющийся в Финляндском полку. Он остался жив, но был помещен в госпиталь. Торжество было отменено.

5 февраля — это также день свадьбы брата моей матери Эдуарда Эдуардовича Форш и Веры Измайловны Срезневской. Она очень хлопотала, чтобы им разрешили венчаться в Прощеное воскресенье. Разрешили по специальному ходатайству митрополита. Венчались в Университетской церкви (где теперь актовый зал). На венчании встретились и познакомились моя мать с моим отцом. Оба были приглашены на свадьбу как родственники.

День моей свадьбы с Зинаидой Кузьминичной тоже совпал с 5 февраля. В этом году исполнилось 50 лет с того дня.

В 1923 году был выпущен Патриарх Тихон, и сразу произошел массовый развал обновленчества и возвращение православных приходов к Патриарху. В Петрограде самую активную роль в этом играл епископ Мануил (Лемешевский), назначенный епископом Лужским. Обновленческий митрополит Артемий (Ильинский) был титулован Петроградским и Лужским, и почти все примкнули к обновленчеству во главе с ним. Но когда освободили Патриарха Тихона и в Петроград назначили Мануила, церкви одна за другой стали переходить к Патриарху. Иног-

С.-Петербург. Подворье Свято-Троицкого Творожковского монастыря.

да по несколько церквей в день. Епископ Мануил был человек пламенный, убедительно и твердо говорил о верности Патриарху и Православию.

23 ноября (ст. с.) 1923 года, в день Александра Невского, епископ совершил всенощную в Троицком соборе Александрово-Невской лавры вместе с епископом Григорием (Лебедевым), наместником лавры и каким-то другим епископом. Все подходили к иконе св. Александра Невского. После всех прихожан в черном монашеском клобуке подходит к иконе митрополит Артемий, кланяется иконе, низко — епископу Мануилу и подает заявление о разрыве с обновленчеством. Через несколько дней, в Варварин день — 17 декабря, во время служения на Леушенском подворье на Бассейной ул., в храме во имя св. Варвары, было совершено торжественное богослужение, и Артемий присоединился к патриаршей Церкви; он снял с себя белый клобук, митрополичий сан и был назначен позже епископом Петрозаводским.

Кстати, когда церкви отрекались от обновленчества, совершался молебен, и храм освящали. Наиболее упорные обновленцы называли «кропителями» тех, кто производил это. Так, о. Иоанн Добродрагов был прозван «Иоанн Кропитель».

Второй эпизод падает на зиму 1922—23 гг. и связан с о. Михаилом Пospelовым, который был прогрессивным священником предреволюционного времени и учеником известного о. Григория Петрова. О. Григорий, когда шли реформы (1904—1905 гг.), много говорил об общественном значении Церкви, но кончил тем, что снял сан (это сделал Синод — ред.) и стал членом кадетской партии.

Какое-то время он был законоучителем в Лицее, куда после окончания Духовной академии был назначен и о. Михаил Пospelов. После 1917 года о. Михаил оказался связан с Благовещенской церковью на Васильевском острове. Зимой 1921 года на него обрушилось ужасное несчастье. В то время на дрова разбирали деревянные дома. Давали ордера, и люди сами их разбирали. Так вот, когда о. Михаил этим занимался, на него со второго этажа упала балка и перешибла позвоночник. И он, цветущий мужчина около сорока лет, лишился ног и рук, и несколько лет оставался совсем недвижим. В 1921 г. он уже немного двигался, но обычно его возили в коляске. Уйдя из Благовещенской церкви, он перешел в соседнюю церковь на Синодальном подворье, на 8-й линии, где не служил, а только проповедовал и исповедовал.

В 1922—23 годах я начал довольно часто бывать у него дома, ибо он был духовным отцом моей матери. Раз в неделю в доме собиралась молодежь, прежде всего, его дети — дочь Вера, ее жених Юра Иванов со своим братом Борисом, и их друзья: Володя Шувалов (филолог), Коля Воровко (экономист). Собирались и слушали доклады на историко-филологические темы; о. Михаил читал «Истина и легенда об о. Иоанне Кронштадтском». Были доклады о выдающихся богословах 19 века, например, о Вл. Соловьеве. О. Михаил высоко ставил архимандрита Федора Бухарева. Я также принимал участие в этом кружке.

Участие в Александро-Невском братстве.

Первый раз я увидел братское богослужение в 1924 году, в Страстной четверг, после того, как закрыли малую Университетскую церковь. Перед о. Александром Советовым встал вопрос, где проводить Страстную неделю. Будучи большим любителем старообрядчества, о. Александр позвал нас в Никольскую единоверческую церковь, где мы отстояли всю службу «Двенадцать Евангелий». Я, правда, ушел с середины службы и пошел на Творожковское подворье, потому что там служил Владыка Гавриил (Воеводин) и пело братство, и попал после 6-го Евангелия на «блаженны», которые исполнялись с канонархом (это бывает всего два дня в году). У меня сложилось впечатление, что здесь не так, как в других церквях. Оставшуюся Страстную неделю мы странствовали. Пасхальную заутреню были у «Спаса на водах», где настоятелем был о. Владимир Рыбаков.

Второй раз я попал на братскую службу на Творожках накануне Фомина воскресенья. Меня поразило очень многое, потому что у них было совсем не так, как ожидалось от пасхальной службы. Во всех церквях просто повторяли пасхальную службу, а здесь шла строго по уставу служба недели о Фоме. На другой день хоронили мать Екатерину (Князеву).

Был такой поэт — Всеволод Князев из гумилевцев-акмеистов, друг Кузмина. Этот гусарский офицер занимался сочинением стихов, но очень рано, еще до Первой мировой войны, застрелился. Его сестра была членом Александро-Невского братства и приняла монашеский постриг от о. Иннокентия (Тихонова), будущего епископа. Она была тяжело больна чахоткой в последней стадии. Лето 1923 года жила в Воханове, где мы с нею и познакомились. Сестра Екатерина была приятельницей М. Н. Билибиной, и поэтому я пошел на ее похороны. Ее отпевал в Александро-Невской лавре, в Федоровской церкви епископ Нектарий (Трезвинский), выпускник Киевской Духовной академии, украинец из Александро-Невской лавры, который окормял братство. Потом, в 1925 году, был поставлен епископом в Вятку, попал в заключение и не вернулся. М. Н. Билибина просила, чтобы мне разрешили прочитать Апостол на литургии и на отпевании.

Я впервые читал в братстве и с тех пор стал регулярно бывать на Творожковском подворье, где теперь оно трудилось.

Мое пребывание в братстве длилось восемь лет — с 1924 по 1932 годы. В декабре 1924 года я принял посвящение в стихарь, и меня посвятил в чтеца епископ Гавриил (Воеводин). Это случилось при Тураеве, который был моим научным «дедом» и был посвящен в стихарь в 18 лет, гимназистом в Вильне. Мне тоже хотелось быть посвященным в стихарь в 18 лет.

Я принимал все время активное участие в богослужении: пел, читал, канонаршил, и подъяконствовал до 1928 года. Одновременно я кончил Университет, потом учился в аспирантуре. Роковую роль играли почему-то високосные — 1924, 1928, 1932 годы. В 1924 г., когда после окончания Университета я стал посещать Александро-Невское братство, у меня возникла идея поступить на Высшие богословские курсы. Надо было сдать политический экзамен, который принимал известный антирелигиозник Серафим Покровский. Я ему сказал, что кончил Университет и работаю в учебно-экскурсионной базе Политпросвета. Работа эта была просто синекура — два раза в неделю водить экскурсии по Эрмитажу. Кроме того, в пустующей квартире (на углу Литейного и Белинского, где сейчас аптека), был организован маленький музей по истории религии, в котором работали ученики Струве. Покровский все записал и сказал, что не советует поступать: «Потом будете каяться». Меня, действительно, с политпросветбазы уволили, и я остался без работы. Хорошо, что я не сказал, что еще не закончил Университет. Я его быстро закончил, и мне все-таки дали удостоверение об окончании.

В 1924 году я поступил в аспирантуру. В руководстве, очевидно, дознались, какова моя общественная деятельность, и меня втихую отчислили «за неприменение марксистского метода». В течение лета 1928 года я еще получал аспирантскую стипендию и несколько раз ездил в Москву хлопотать по аспирантским делам. Из хлопот ничего не вышло, несмотря на солидную протекцию тетушки — Ольги Павловны Руновой, родной сестры моего отца, писательницы, народоволки, приятельницы Веры Фигнер, бывшей в хороших отношениях со Шмидтом, Фриче и др.

Никто не мог мне помочь. «Надо применять марксистский метод».

В Москве я усердно посещал храмы, сблизился с Высоко-Петровским братством и с епископом Варфоломеем (Ремовым). Когда Высоко-Петровский монастырь был закрыт, братство служило в церкви прп. Сергия на Дмитровке. Я был в братстве летом 1918 года, постоянно бывал и позже, в том числе в 1931 году, когда оно служило на Дмитровке. Мне не раз приходилось беседовать с епископом Варфоломеем. Это был высококультурный, образованный человек, ревностно относившийся к уставу и богослужению. Он способствовал тому, что я отошел от иосифлянства.

Тем же летом мы несколько раз ездили с какими-то молодыми людьми из окружения Владыки в Гефсиманскую пустынь, которая заменила закрытую Троице-Сергиеву лавру. Она была оформлена как трудовая коммуна и находилась под особым покровительством Наркомата сельского хозяйства, так как была образцовым хозяйством, постоянным участником сельскохозяйственных выставок.

* * *

В 1928 году встал вопрос о моей дальнейшей судьбе — пробиваться ли в науку или принять монашество и священство. О. Гурий, мой духовный отец, сказал: «Пока тебе рано. Сократи свою церковную деятельность и пробивайся в науке». Я какое-то время стал менее усерден к церкви и начал пробиваться в науку. Тогда вышли мои статьи. Большое значение для меня имела работа у Серафима Владимировича Юшкова, историка русского права, который готовил критическое издание «Русской правды» и нуждался в помощниках. В. В. Струве рекомендовал меня, и мне поручили разносить разночтения по рукописям. За зиму 1929—1930 гг. около ста списков прошли через мои руки. Юшков платил сдельно, по шесть рублей за список. Я прибил к этому делу и на практике изучил историю русского языка, историческую грамматику и палеографию.

(продолжение следует)

С.-Петербург. Памятник Императору Александру III на Знаменской площади.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Е. Поселянин

Идеалы христианской жизни*

(продолжение)

Глава VI.

ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ.

Здесь нет никакого общего правила, никакого единообразия, никакого закона.

Вся в Боге может быть душа младенца, жизнь которого нам кажется бессознательной, далекою от Бога. Может и мудрец мира раз навсегда обратиться к Богу, прочно прилепиться к Нему, чтобы более никогда от Него не отстать, может и семилетний, восьмилетний отрок. Возможны и известны случаи горячей ранней детской религиозности с последующею в зрелые годы изменою Богу и с новым совершенным к Нему обращением. У людей неустойчивого характера возможны постоянные приливы и отливы близости к Богу. Тут полное разнообразие, зависимое от неожиданностей духовной жизни, характера, обстоятельств данного лица и совершающейся над ним Божией воли.

Сособой отрадой останавливается взор на тех людях, от современников Христа до наших современников, которые, услышав в душе призывный Божий глагол, сразу ему подчинились и шли за ним. Чуждые миру, сквозь радужную, ослепляющую, приковывающую более слабые взоры сеть мирских утех и мирских соблазнов, различают они вдали то, что одно горит немеркнущим не вечерним светом и одно имеет непреходящую, негибнущую цену. Поклонимся им, этим неизменным друзьям и рыцарям Христовым, во главе которых стоит тайновидец и друг Христов, евангелист Иоанн.

Какой высокий, какой чудный, какой неизглаженный жребий!

В пору ранней юности или, быть может, кончающегося отрочества, когда ни одно нечистое движение не взволновало его сердце, которому суждено было стать вместилищем громадной божественной любви,

на заре этих заветных «дней первоначальных» почувствовал он на себе испытующий взор Христа, который зажег на всю жизнь какой-то неизъяснимый свет в его сердце и уяснил ему жизненный путь.

«Иди за Мной»... Эти слова божественного голоса музыкой покоряющей властной силы прозвучали для него, и он оставил мир, изведанный им так мало, мир которому он так мало принадлежал, и пошел за Христом, не оглядываясь вспять.

Вот этот порыв, не ослабевавший в Иоанне всю его жизнь, эта полнота отдачи своей души святыне Христа, Учитель, ставший единственным содержанием всей его жизни: все это и дало Иоанну право на величайшее его избрание.

Мог ли Христос не любить Своих учеников, всех до последнего, не исключая и рокового Иуды «сына погибели»? И все же над ними был вознесен один Иоанн, отношения к которому Христа определяются проникновенным словом «его же любяше Иисус».

Чувствовать себя ближайшим из близких, чувствовать себя, так сказать, в центре того солнечного диска, каким является для внутреннего мира человека Христос, быть поверенным Его тайн, никогда с Ним не разлучаться, видеть славу Христова преображения, восхищаться торжеством входа в Иерусалим, наслаждаться этими, несущимися навстречу Любимому, звуками народного восторга «Осанна, благословен Грядый, осанна в вышних» и — недостижимая вершины любви — оказать Христу верность, когда Он был покрыт позором, схвачен в ночной темноте, пересылаем от судьи к судье, клеветнически обвинен, заушен, поруган и распят, когда прочие трепетали и разбежались, когда с клятвой трижды отрекался первоверховный Петр: в эти часы уничижения Христова, в оставлении Его ближайшими учениками, безстрашно стоять при кресте.

Внимать слухом и душой последние вздохи, последние стоны Богочеловека, видеть смертельную бледность, надвигающуюся на чело «краснейшего из Сынов человеческих», ловить из уст Его последний завет, завет любви и попечения, обещающий челове-

* Сохраняется орфография автора.

честву прощение и милосердие там, где уже не должно быть места ни милосердию, ни прощению, — быть предметом единственного завета, произнесенного в этот торжественнейший и значительный час вселенской жизни: «Жено, се сын Твой, се Мати твоя»: слова, давшая человечеству целый мир прижизненного утешения, дерзновения и отрады, и загробную надежду на предстательство в страшный час последнего суда. Пережить сердцем этот последний вопль: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой!» Усердными дрожащими руками снимать с креста холодное Тело замученного Бога, обертывать Его плащаницей, поддерживать Христову Матерь в Ея шествии с Голгофы к новому жилищу Ея в свой дом, переживать с Ней часы оцепенения, когда только что случившееся кажется жестоким, невыразимым сном, а промчавшиеся три года встают как-то ближе с ясностью переживаемого часа. Принять в душу свою радость воскресения, следовать сердцем, тающим от ликования и грусти, на скрывающийся в облаках возлюбленный образ Богочеловека, во славе возносящегося в Отчую славу. Стать проповедником имени Христова и громом на всю вселенную и на все века повторять те несколько слов, в которых слились все заветы Христовы, отразилась вся сила Его учения: «дети, любите друг друга», претерпеть за Христа унижение и изгнание, стать вместищем высочайшего откровения, дать миру сокровище величайшего богословствования и уйти с земли, не оставляя ей своего праха, как-то исчезнуть бесследно, сохраняя векам лишь сияние своего имени, благоухание своего образа, сверкание и помазание своей мысли: таков был удел Иоанна.

Этот удел можно грубо сравнить с уделом жителей тех благословенных стран, над которыми сияет никогда не скрывающееся от них солнце. Какая постоянная в душе неизменная радость, как надежна и восхитительна кажется там жизнь, как тихо и безболезненно отходят они от земли, потому что это переходящее сверкание солнца возбуждает в них ясное предчувствие другого незаходимаго Солнца в другом, еще более светлом существовании!

Да: не великолепен ли призыв гонителя Павла, не величественно ли раскаяние апостола Петра, не трогательно ли требование от него мученичества замученным Христом, Который явился ему, скрывающемуся из Рима от муки, и на вопрос Апостола: «Куда идешь Ты?» — ответил: «Иду вторично пострадать в Рим». Не чиста ли Египетская Мария, убежденная паче снега после жизни несказанного разврата, и этой чистотой своей удивляющая ангелов? Но вся такая красота и слава не могут сравниться со славой этой неизменной Христу верности, этою полнотою души, которая в жизни никому, как Христу, не служила, и никого, кроме как Христа, не знала.

Мы говорили уже раньше о великомученице Варваре с ее рано пробудившеюся мыслью и стремлением к небесному Жениху, о том непоколебимом столпе православия Афанасии Александрийском, которого мысль даже в детских играх устремлялась к проповедничеству, и который крестил своих сверстников детей на берегу Средиземного моря...

Обратимся теперь к повестям обращения ко Христу близких нам русских детей, ставших потом великими русскими святыми.

Одиннадцатый век. Семья уроженцев города Василева, лежащего недалеко от Киева, переселившихся в Курск. Мальчик с душой, пламенеющей любовью к Богу, не хотящий ни о чем ином думать, слышать и видеть. Каждый день ходит он в церковь и, не трогаясь с места, слушает божественную службу, застывает в эти часы, как камень, замороженный святою мечтою. Детских игр чуждается, не любит нарядной одежды, в которую хотели рядить его родители, постоянно просит, чтобы одевали его попроще. Сам упрасивает родителей отдать его начинать учение к одному из городских учителей. Вскоре так успевает в знании Священного Писания, что все чудятся его премудрости и разуму. Мальчик отличается чрезвычайной скромностью, покорен не только учителям, но старается, насколько может, исполнить волю и товарищей.

На тринадцатом году лишается своего отца и остается под надзором матери, женщины строгой и упорной. Она пламенно, с какой-то страстью любит сына и желает подготовить его к мирской жизни и обезопасить ему в этой жизни успех. Духовным стремлениям его не сочувствует.

А его уже тянет к подвигам. Со своими рабами, в простой одежде он ходит на работы, попрежнему удаляется от игр со сверстниками и не хочет носить нарядной одежды, которую дает ему мать. Ни увещания, ни даже побои не помогают. Услышал он о святых местах Палестинских от странников, которые идут туда, уговаривает их взять его с собой и тайно от матери уходит из дому. Мать снаряжает за ним погоню. Догоняют его, избивают и некоторое время держат его дома в оковах.

Получив свободу, он старается послужить церковному делу. В приходской церкви из-за недостатка просфор не всякий день совершалась обедня. Он сам начинает печь просфоры. Мать разгневана, что сын так трудится, и просит не срамить ее такой работой. Мальчик кротко объясняет матери, что просфоры назначены для величайшего таинства, перед которым благоговеют сами ангелы.

Два года трудится мальчик в этом занятии, и от долгого стояния при печи кожа его чернеет. Чтобы не смущать матери, мальчик уходит от нея в другой город к одному священнику, где продолжает то же занятие. Мать находит его и здесь и уводит домой.

Начальник города слышит о необыкновенном отроке и поручает ему прислуживать в церкви. Не раз он делает ему хорошую одежду, но маленький праведник отдает ее нищим. Ему хочется страдать, изнурять свое тело, и он начинает тайно носить на теле вериги. Раз ему было поручено прислуживать на пире, который начальник города давал городской знати. Когда он переодевался, мать заметила кровь на его рубашке, догадалась, что он носит вериги, сорвала их и сильно его избила. Ему в доме было день-от-дня все тяжелее.

Однажды в церкви он слышит в Евангелии слова: «Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин, иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин». Эти слова приводят его к безповоротному решению. Надо оставить мать, если он желает весь отдаться Богу. Пользуясь отлучкой матери из дому, он уходит с обозом в Киев. Чрез три недели он в Киеве, обходит здесь все монастыри с просьбой принять его, никто не хочет дать своего согласия плохо одетому и бедному отроку. Наконец, Феодосий при-

шел к преподобному Антонию, начавшему тогда свой подвиг в пещерах.

— Чадо,— говорит ему отец русского монашества,— ты видишь, как мрачны и тесны эти пещеры, ты, может, и не перенесешь скорбей на этом месте.

— Бог меня привел к тебе,— отвечает ему юноша,— чтобы я спасся тобою; что прикажешь, все буду делать.

И он был пострижен. Такой тяжелой борьбой оказал Богу свою привязанность преподобный Феодосий, рано вняв сердцем призывающему гласу Божию.

Представьте себе раннее, ласковое утро в окрестностях первоначальной Москвы. Тихий ветерок чуть нагибает чашечки цветов, светлеющих в свежей траве, которая блестит не высохшими еще каплями серебристой росы. Там, на Кремлевском холме, вдали, сверкают главы церквей, темнеют сохранившиеся еще от прежнего бора старья рощи.

Медленно и мерно, расплываясь в нерукотворенном Божием храме, где небо крыша и стены эфир, несется благовест с кремлевских колоколен. И этот благовест и радость ясного утра, и свежесть травы, и блеск цветов, и сияние солнца сливаются в одну счастливую картину, отсылая мысли к Ея Творцу...

В траве подмосковного луга притаился мальчик с блестящими глазами. Сдерживая дыхание, он следит за силками, которые только что раскинул, и легким свистом приманивает в них перепелов.

Жизнь широкую и блестящую сулит судьба этому мальчику, отец которого один из любимых бояр московского великого князя. Он проявляет большие способности, острую смывленность, ловкость и самостоятельность. Мальчик одинаково отличился, когда его научат обучать, как других мальчиков его сословия, езде верхом, стрельбе из лука, метанию копья, и будет предприимчивый и сильный в деяниях, опытный в воеводстве, дальновидный и сдержанный в делах государственных и посольских.

И эта гладкая жизненная дорога была нарушена, прежде чем он на нее вступил. В свежее летнее утро раздался таинственный голос:

«Алексий, что трудиться напрасно... Я сделаю тебя ловцом людей».

Мальчик задрожал. Сердце вдруг остановилось. Бледный, стал он оглядываться кругом. В невысокой траве не было решительно ни одного человека. Он был, как прежде, один, но звучавший голос был для него несомненен и был поглощен, и воспринят навсегда его душой.

Он забыл тут же о своей охоте, о перепелах, быстро собрал свои сети и, держа их в руках, долго стоял неподвижно.

Он понял, что его зовет Бог к какому-то большому делу и, смущенный, с некоторой грустью, что для него кончается обычная жизнь, и с трепетною радостью перед чем-то громадным, что ему открывается, он шел к Москве. И теперь он уже принадлежал высшей доле и был сам не свой. Характер его изменился. Из разговорчивого и веселого он стал молчаливым и сосредоточенным, избегал товарищей, сидел у себя в светлице один, погруженный в какие-то мысли, ловя в памяти неизъяснимые звуки небесного голоса, для него прозвучавшего тогда в приволье и тайне летнего утра.

Едва достигнув отроческих лет, он просил родителей отпустить его в монастырь. Единственной уступ-

кой, которой они могли от него добиться, было то, чтобы он выбрал одну из московских обителей. Он стал иноком Богоявленского монастыря.

Таково было обращение отрока Елевферия, сына московского боярина, впоследствии Алексия, митрополита Московского.

Варфоломей, сынок ростовского боярина Кирилла, с трудом понимает грамоту. Как он ни бьется, как ни старается ничего не выходит. Точно какая-то не снимаемая пелена стала между его мозгом и этими черными славянскими буквами, которые ему не даются. Порою забредет в чашу леса, выберет маленькую полянку, сложит крестом руки на груди, подымет голову к небу. Душа понесется туда, в высоту. Слов нет. А в маленькой груди таинственное охватившее ее безбрежное чувство. Хочется пересказать Богу всю свою нежную и робкую и восторженную любовь. Хочется вознестись к страшному и чудному престолу Господа Славы, склониться пред ним благоговейно, не смея поднять глаза на недоступный и тайный лик Зовущего, растопиться, истаять, исчезнуть в этой любви.

И он чувствует, что с ним вместе тем же восторгом объята также природа, и всякая былинка во всей вселенной чувствует Бога, покорна Ему и славословит Его. И в непонятном шепоте своем верхушки старых сосен творят Богу свою молитву. И, когда в зыбком небе разгорятся звезды, он всматривается в мигание их, и ему кажется, что в тихом дрожании своих лучей они тоже шепчут Богу вечную неизменную и непрерывную хвалу.

И легко ему так молиться среди молящейся природы, ничего не прося, полному только безграничного восторга, благоговения, благодарности, счастья, вспыхивая перед Богом огнем своей души. Ему как-то тяжело, когда надо у Бога чего нибудь просить. Он только сам хотел Ему служить, все Ему отдать, ничего взамен от Него не ожидая. А между тем, неспособность к учению составляла для него большую горю. Учитель кричит на него, товарищи смеются, а он, не смотря ни на какое усердие, не может осилить своих уроков.

И вот однажды произошла странная встреча в поле, куда его послал отец привести лошадь. Он встретил старца инок, который призвал его к себе, ласково благословил, дал ему кусочек просфоры и сказал ему, что Бог посылает ему разумение грамоты. Мальчик пригласил инок к родителям; там инок велел мальчику читать книгу, и, спотыкавшийся на складах, Варфоломей тут бойко зачитал, а явившийся исчез. И понял тогда сам Варфоломей и его родители, что Бог послал к своему сыну ангела. Дивились и трепетали.

И мог ли он, с детства тянувшийся к Богу, искавший всюду божественных лучей, как поворачивает к солнцу свою голову стебель подсолнечника, мог ли он, приходя в возраст, изменить той любви, которая горела в нем с первых дней и разгоралась все более и более ярким пожаром!

И сразу свойственные юности и склонность к миру, и мечты о земном счастье, и искушения тщеславия и обольщения богатства, все изгорело в этом пожаре. Только не хотел он оставлять своих родителей и жил в миру иноческой жизнью, пока они были живы, и пока он не схоронил их рядом, перед смертью посхи-

Свобода, свобода!.. Роздано бедным небогатое имение родителей, разоренное притеснениями московского боярина, хозяйничавшего в Ростове от имени московского великого князя, и началась новая жизнь, взлелеянная давними мечтами.

...Заходящее солнце весны бросает мягкий отсвет. На маленькой полянке на холме, лежат рядами свежия сильныя сосны и ели. Двое молодых людей, из которых один совсем еще юный, в монашеских одеждах работают топорами. То Варфоломей и брат его Стефан строят первую келью.

Благословен этот холм, которому суждено стать одним из величайших святых мест русской земли. Тут будут черпать силу, бодрость и веру русские люди для совершения жизненного подвига своего.

Здесь Димитрий Донской получит решимость и крепость для борьбы с лютым Мамаем и предсказание победы; здесь в дни великой русской смуты воздвигнется несокрушимый оплот; когда все поколеблется в России, не поколеблется один монастырь, созданный преподобным Сергием во имя Троицы Живоначальной.

Великолепными каменными стенами оденутся окраины холма, встанут башни с бойницами, и серебром зазвучит торжественным гулом в тяжелых колоколах. Сладкогласное пение, почти не переставая, будет раздаваться под соборными сводами, бесчисленные огни засияют у той раки, в которую ляжет на деятельный отдых начинающий тут свое деяние юный Варфоломей, и к этому месту на поклон всероссийскому игумену Сергию вышлет ходоков своих всякий русский город, всякое село, всякое жилое место.

Трудовой день кончился. Затихли птицы, спев Богу вечернюю хвалу свою. На потемневшем своде давно горят, заботливо всматриваясь в землю и в трепете лучей своих стремясь передать земле что-то неисповедимое, ясные, тихие звезды.

Юноша один под этим небом и под Божиим покровом, раскинутым над всем миром и особенно ясно чувствуемым верующею душою в эти часы ночного затишья. Серебристые лучи луны озаряют юное лицо с чистыми очами, не узревшими в мире ни одной скверны, поднятыми в восторге туда, к чаемому Божию престолу.

Торжественна и задумчива эта ночь с миганием звезд и с серебристо-синим сиянием луны, и во всем мире кажется только и есть среди этой ночи юный отшельник и внимающий ему Бог.

«С детских дней Тебя чуял, Тебя желал, к Тебе стремился. Желал пройти чрез жизнь, не познав жизни, сидеть у Твоих ног, как евангельская Мария, впитывая в душу струю Твоих благодатных глаголов, служить Тебе, Младенцу Вифлеема, глашатаю нагорной проповеди, возродителю душ, исцелителю слепых и разслабленных, воскресителю Лазаря, молитвеннику сада Гефсиманского, страдальцу Голгофы, трехдневно воскресшему, на небеса вознесшемуся, одесную Отца сидящему и паки в мир грядущему, ради Тебя прожить на земле, как странник в непрестанных трудах, ходить во вретисе, лишая себя воды и хлеба, стоять пред Тобою на несменяемой молитве, как стоят пред Тобою кадящие Тебе своим благоуханием цветы и славящая Тебя солнце, луна и звезды, проповедывать людям Твое величие, не таить Твоих благодеяний, возглашать Твое милосердие, указывать на близость Твою и увлекать к творению воли Твоей, во плоти быть как безплотным, покорно служить, с воз-

делением ждать соединения с Тобой... Благословие мое жителство здесь, и пусть будет оно первое и последнею ступенью в лестнице к светлому Царству Твоему!»

И, прежде чем лик этого пустытника нарисован на иконе, с обводящим его главу сиянием, — луна в эту тихую ночь плетет ему венец из своих лучей. И стало бы понятно, что такое святость для того, кто мог бы взглянуть теперь на этого человека, с лица которого стерто все земное и выражено все небесное. Он выше ангелов, раб и друг Христов, начинающий свой подвиг чудотворец и Боговидец.

Слава же, слава тебе, с детских лет услышавшему зов Божий и пришедшему к Нему своими детскими стопами. Слава дням благословенного детства и светлой юности и годам зрелости, и честной старости твоей.

Слава рождению и отшествию твоему, слава земным дням и небесному ликованию, слава тебе, Богом избранный, благодатью осиянный, с небес на землю светящий Сергей великий!

Перенесемся во время, много к нам ближайшее, вспомним о другой молодой душе, на которую Господь рано наложил печать свою.

Чудны Божьи дела. Как в мироздании Своем Господь воздвиг недоступныя для людей высокие горы, и оне, сверкающия белизной своею, проповедуют неизъяснимое величие Творца, устремляют мысли человека в высоту, дают ему трепетное сознание безграничного величия Божьего творчества и промыслительства, так бывает и с величайшими святыми.

Словно создавая в них Себе источник радости, Господь с детства образует их по своему подобию, влагает в них святую ревность имени Своего, распаляет их жаждой по Себе, раздувает в них такое пламя огня божественного, что они светят пред Ним не робко горящими светильниками, а пылают заревом, как великие костры, зажженные на холмах в ночном просторе степей.

И горят они в дни земной жизни своею, и всякий приходящий к ним ясно чувствует: здесь небо действует, небо сияет, небо говорит. И, когда потухнут на земле, оставляют по себе чудный не гаснущий свет, и всякий приходящий к месту их подвигов, склоняющийся к их ракам, опять ощущает: тут небо шлет живую весть о себе, здесь врата вечности раскрылись.

Так взглянуло око Господне на мальчика Прохора из семьи Мошниных, живущих в Курске, и избрало его, излив на него струи благодати.

Странное, необычайное детство!

За матерью, ведшей подрядные работы по постройке церквей, взбирается он на верхний ярус колокольни без перил, падает на землю. Мать в ужасе бежит вниз, чтобы прижаться к теплому трупу, а ребенок невредим. Воочию изобразились слова псалма: «ангелам Своим заповесть о тебе сохранить тя во всех путех твоих, на руках возмут тя, да не когда преткнешь о камень ногу твою».

Он заболел. Богоматерь является ему в видении, обещая скорое посещение Свое... Действительно, проносят чрез их усадьбу чудотворную Коренную икону Богоматери. Больного мальчика прикладывают к иконе, и он выздоравливает.

Не разгадать божественной тайны: Господь ли первый привлекает к себе души таких величайших из великих, избранных от избранных, которые отдаются

«Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные...»

Ему от детских лет, пламеня такую любовью к Богу, что Господь призывает на них, и Сам берет их за руку и ведет.

И вот, благословенные дни, месяцы, благословенные годы и благословенные десятилетия Серафимова подвига.

Чаща глубокого, далеко раскинувшегося, Саровского дремучаго бора. Задумчивая тишина, разве сухой валежник затрещит под тяжелой стопой медведя, доверчиво идущаго к отшельнику за хлебом.

Мысли его не здесь. Могучим усилием воображения он тут в этом северном лесу создал себе Палестину и следует в этих местах по стопам Христовым. Речка Саровка у него Иордан; у него есть тут и Вифлеем, Иерусалим, и Голгофа; и он ходит по этим местам за Христом, как ходили за Ним в те дни ученики по каменистым дорогам и тропам Палестины. И, быть может, выше апостолов этот отшельник, ибо те видели и не всегда верили, а он начал верить с такой исключительной полнотой и с такою осязательностью, не видел. И не помнит он того часа в своей жизни, когда бы он не стоял при своем Христе...

В конце его земного века приехавший навестить его племянник спрашивал его — передать ли его поклоны родным в Курске, а он подвел племянника к иконам и, указывая на них рукою, промолвил:

— Вот, мои родные.

В этом человеке, который видел Господа Иисуса во славе, окруженного полчищами ангелов, вступающего во время литургии в алтарь храма, к которому сходила из горних обителей Царица небес и подолгу говорила с ним, как с близким человеком, над которым пречистыя Ея уста изрекли еще во время молодости его таинственные слова: «сей нашего рода»: для него еще в дни его земной жизни было восстановлено то непосредственное общение с Богом, которым почтен был первый человек до его грехопадения.

И на того, кто изучал жизнь этого земного человека и небесного ангела, как только он глубоко над этой жизнью задумается, пахнет чем-то с неба и прозвучит душе с неба какое-то живое, покоряющее и влекущее слово.

Мы говорили до сих пор о таких людях, которых жизнь была одним, ничем не удержимым, ничем не разделяемым порывом к Богу.

Но христианство знает много таких людей, которые приходили ко Христу после долгого равнодушия к Нему, или даже вражды.

На первом месте из них стоит бывший лютым врагом Христа, ставший потом первоверховным апостолом, Павел. Кто постигнет духовный мир этого глубочайшего и необыкновенного человека перед его обращением, когда, быть может, неодолимая сила влекла его уже к Христу, и это влечение он хотел затопить в ненависти, являясь тем более жестоким преследователем Христа, чем более его к Христу тянуло? И вот, по дороге в Дамаск слышит он этот укор: «Савл, Савл, что ты гонишь Меня?»

И, вероятно, во всю его последующую жизнь часто, часто раздавался ему этот голос тихаго укора, возбуждая в нем новый прилив ревности, ибо чем более враждовал он когда-то с Богочеловеком, тем более потом жаждал жертв для Него.

И, конечно, счастливейшими минутами в жизни первоверховнаго апостола были те, когда он в муке запечатлел Христу свою не сразу пришедшую, но с тех пор уже неизменную, ни разу не дрогнувшую верность.

Он был и до обращения чист жизнью, возвышен чувствами, непорочен желаниями первоверховный апостол. Но сила христианства проявилась в полном блеске на тех людях, которые услышали божественный призыв, ваяясь во грехах, и, откликнувшись на этот призыв, стали возрождаться и достигли великой святости.

Вот, потрясающая история дочери Египта, Марии, которая с двенадцати лет жила в неизглаголанной мерзости, семнадцать лет предаваясь ужаснейшему распутству, не брала даже с друзей своих денег и только насыщалась с ними в клокотавшей в ней страсти.

Однажды в летний день она увидела толпу людей, направлявшихся к морю. На ее расспросы ей ответили, что это люди отплывают в Иерусалим на праздник Воздвижения Креста. Так как у нея не было денег на переезд, она с безстыдством пристала к молодым людям и с ними вошла на корабль, своими ласками оплачивая свой переезд.

Так же вела она себя и в Иерусалиме. Настал праздник Воздвижения Креста. Все шло в церковь. Пошла с другими и Мария, но у дверей невидимая

Божия сила отбросила ее от входа. Три или четыре раза пыталась она войти в храм, и всякий раз невидимая рука не пускала ее дальше притвора.

И вдруг открылись в ней очи. Она поняла всю низость своего падения, всю свою мерзость, и стала она плакать, стонать, ударять себя в грудь и рыдать.

Наконец, рыдая, она утерла глаза. Перед нею на стене была икона Божией Матери. Долго молилась Мария небесной Заступнице рода людского, чтобы Она смиростивилась над нею, великой грешницей, и открыла ей вход в храм. Потом с трепетом и надеждой пошла она к дверям церкви. Никакая сила ее более уже не удерживала. Она могла вместе с другими войти и поклониться Животворящему кресту. Так убедилась она, что Бог не отвергает кающегося, как бы грешен он ни был.

От креста Господня Мария возвратилась к образу Пресвятой Богоматери и в молитве просила указать ей путь покаяния. И словно издали раздался ей голос: «За Иорданом найдешь полное успокоение...»

«Владычица Багородица, не оставь меня», — со слезами на глазах воскликнула Мария, и тут же решила идти за Иордан.

Кто-то ей по дороге подал три монеты. На эти деньги она купила три хлеба. Когда пришла она к Иордану, к церкви Иоанна Крестителя, то помолилась в этой церкви и затем омыла себе лицо и руки водой этой священной реки. Потом, вернувшись во храм, приобщилась Животворящих Таин Христовых. К ночи, подкрепив себя одной половиной хлеба, она заснула на земле. На утро в небольшой лодке переправилась на другой берег Иордана и углубилась в пустыню.

Семнадцать лет прожила она в пустыне. Когда съедены были два с половиною хлеба, у нея оставшиеся, она продолжала питаться растениями. Часто страдала она от голода и жажды, и тут вспоминалась ей и соблазняла ее память мясная пища и вино, которым она наслаждалась в Египте. Часто злой дух воскрешал в ее памяти блудные песни и нечистые дела, к которым она привыкла. И, бросаясь в молитве к престолу Божьему, находила она себя успокоение.

Ея одежда истлела от ветхости и распалась, ея тело терпело все перемены времен года: зимой ее терзал холод, летом в этой знойной стране жег ее нестерпимый жар. Не раз она падала на землю сожженная или обледенелая в несказанной муке тела, в неизъяснимой душевной тоске.

Не получив знания грамоты, она тем не менее в пустыне одна получила знание Священного писания. Голос Божий, раздававшийся в ее сердце, был ее наставником.

История Марии известна из рассказа пустычника Зосимы, который встретился с нею за год до ея смерти. Чрез год по ея просьбе пришел приобщить ее, а, вернувшись еще чрез год, нашел ее почившей. Так призвал глагол Божий, раздавшийся в сердце Марии, эту величайшую грешницу.

Исчадие, гнездище и зараза греха, она возвысилась до такого целомудрия, что ангелы изумлялись ея чистоте. Старец Зосима видел, как на молитве она поднималась от земли на воздух более, чем на локоть, так что казалась она ему привидением, и на его глазах она переходила по поверхности Иордана.

Вот история обращения к Богу злодея и душегуба Моисея Мурина, эфиопа родом. Вероятно, под эфиопами подразумевались жители Абиссинии с севера

Африки. Моисей был разбойником и из разбойника стал великим подвижником.

Жизнеописатель его, приступая к жизни его, говорит: «Никто не исключен из Царствия Небесного — будь он низкого происхождения, как рабы, и дик по природе, как скиф, черен, как эфиоп, или, наконец, величайший грешник, всем доступно Царствие Небесное, только бы люди были достойны его светлого своею жизнью или «искренностью своего покаяния».

Вот, эту «искренность покаяния» и показал Моисей. Высокий ростом, стройный Моисей был так силен, что один справлялся с четырьмя людьми. Его совесть была еще черней его тела. Будучи рабом одного господина, он выказывал склонность к всевозможным порокам, не исправлялся, несмотря ни на какие наказания, и, наконец, господин выгнал его из дома.

Тут он стал атаманом шайки воров и погряз в преступлениях и разврате. Смелость его не знала границ. Желая однажды отомстить пастуху, который не позволил ему произвести грабежа, он ночью переплыл разлившийся Нил, шириной более тысячи шагов, положив свою одежду себе на голову и взяв меч в зубы.

Пастух успел скрыться в пещере, а Моисей убил четырех отборных баранов и опять переплыл Нил, влача свою добычу за собой.

Есть различные объяснения того, как он пришел к покаянию. Одни говорят, что на него сильно подействовало какое-то несчастье, им пережитое, хотя неизвестно, в чем это несчастье состояло. Другие говорят, что, преследуемый за одно совершенное им убийство, он укрылся в одном монастыре и здесь получил вкус к духовной жизни. Наконец, передают, что на него сильное впечатление произвели слышанные им слова о будущей жизни.

Как бы то ни было, Моисей пришел в монастырь в разорванной одежде, с сердцем проникнутым скорбью, с лицом, омоченным слезами и принес покаяние, не щадя себя. Монахи с ужасом на него смотрели, так как слух о его злодеяниях проник и в их уединение.

Несколько дней простоял он у врат монастыря, прося о приеме, и, наконец, настоятель облек его в иноческие одежды.

Моисей стал питаться лишь хлебом и водой, оставаясь по три или по четыре дня вовсе без пищи, целую ночь проводил он без сна, со слезами оплакивая в слезах свои бывшие преступления. Так как часто приходили люди смотреть на него, Моисей удалился в глубину пустыни на восемь дней пути от обитаемых мест. Здесь он вынес страшную борьбу за свою телесную чистоту.

Бог питает млеком Своей благодати людей, когда они только что приступят служить ему, дает им вкусить сладость благочестия и ведет их, как слабых детей, которых надо приучить к отрадным сторонам духовной жизни. Тут люди как бы летят на крыльях благодати, но вскоре приходят испытания. Прежняя страсти начинают яростно волновать человека. И тогда представляется душе случай явить Богу в тяжелой борьбе свою верность.

Искушения прежней телесной нечистоты были так сильны, что Моисей чуть было не отказался от своего намерения жить благочестиво. Борьба его была жестока.

От старца своего он слышал, что привычки телесной нечистоты подобны собакам, которые привыкают ходить в мясные лавки, пока им бросают там кости. Но, если несколько раз ничего им оттуда не бросили, они перестают туда ходить. Так и демон нечистоты

возвращается туда, где ему подают, и уходит оттуда, где ему запирают.

Шесть лет Моисей, чувствуя особые искушения ночью, простаивал посреди кельи на ногах, не закрывая глаз, в постоянной молитве.

Мы вернемся еще впоследствии к жизни Моисея, как образца великого покаяния и святости, приобретенных с величайшими усилиями. Он ждал от Бога одной величайшей милости, чтобы собственною кровью омыться от былых своих душегубств.

Однажды он предсказал нашествие на скит, в котором жил, варваров и советовал другим монахам бежать:

«Я,— сказал он,— уже давно жду этого дня, чтобы оправдалось на мне слово, сказанное Господом Иисусом Христом: «все приемшие меч, мечом и погибнуть».

Свидетелем смерти Моисея был один инок, спасшийся под пальмовыми циновками. Он видел оттуда, как семь венцов сошли с неба и опустились на голову Моисея и шести убитых с ним иноков, которые не хотели оставить его в опасности.

Столь же замечательна история разбойника Варвара.

Однажды, после особенно удачного разбоя, он поздною ночью с дикой радостью любовался своей добычей, и в эту минуту вдруг благодать Божия коснулась его сердца. Он понял всю низость своей жизни, все милосердие Господа, слезы полились из его глаз, и он решил оставить свое страшное ремесло.

Едва забрезжил день, он уже стоял пред священником на исповеди и говорил:

— Я убил до трехсот человек, и среди них двух священников, осквернил себя грабежом и другими грехами, и теперь хочу покаяться. Прими меня на исповедь или этим мечом моим умертви меня.

Священник привел его к себе в дом, и тут Варвар в тоске покаяния, наполнявшей его сердце, решил с тех пор ходить ползком, как собака, и с собаками стал жить. У священника он пробыл со псами три года, а потом двенадцать лет жил в соседней роще, не вставая с земли и питаясь, как скот, травами целых двенадцать лет.

Пред концом его жизни ему было откровение о прощении его грехов и о предстоящей мученической его смерти. Охотники, остановившись в той роще, где ходил блаженный Варвар, приняли его в высокой траве за зверя и застрелили его. Умирая, Варвар утешил их, рассказав им о своей жизни.

После смерти тело умершего разбойника просияло, и по его погребении на могиле его стали совершаться чудеса, а тело его оказалось нетленным, источающим благодатное миро.

Если эти люди долгим покаянием искупали свои прегрешения, то церковь знает замечательный пример, когда душа, низко павшая, силою покаяния одной ночи была не только прощена, но и увенчана венцом святости. Правда, это была душа раньше всеми силами послужившая Богу и впадшая было во временный грех.

Дева Таисия, жившая в Александрии, в молодости потеряла своих отца и мать, и на доставшееся ей наследство устроила в своем доме странноприимницу для скитских иноков, которые приходили в этот квартал города для продажи своих рукоделий. Но по-

том, склоненная лукавыми советниками, она стала тяготиться своей странноприимницей, вступила на путь широкой мирской жизни и предалась греху.

Иноки, которым она раньше благотворила, были поражены этой переменой и молили Бога спасти душу Таисии. Они выбрали из своей среды инока святой жизни Иоанна и послали его к Таисии.

С трудом допущенный до нея, инок спросил ее, за что она недовольна Иисусом Христом, что оставила Его, обрекая себя на печальное положение, в котором теперь находится.

Эти слова потрясли Таисию, а преподобный Иоанн залился слезами.

— Что ты плачешь, отец? — воскликнула Таисия.

— Как не плакать мне, видя, как демон тебя обманул и надругался над тобою.

— Отче, разве для меня возможно покаяние?

— Да, ручаюсь за это.

— Отведи же меня туда, где мне можно будет покаяться.

Не взяв с собою ни одного предмета, ни с кем не прощаясь, Таисия вышла с Иоанном из дома. Они стали пересекать пустыню. При наступлении ночи Иоанн насыпал возвышение из песка вроде подушки, перекрестил ее и предложил Таисии лечь и отдохнуть. Сам он после молитвы прилег на некотором разстоянии.

В полночь он проснулся. С неба над Таисией спускался луч света и образовывал как бы путь для нескольких ангелов, которые возносили ее душу на небо.

Инок тотчас встал и, подойдя к деве, увидел, что она лежит мертвая, а, в то же время — неземной голос сказал ему:

«Ея краткое покаяние было Богу более угодно, чем покаяние, которому другие предаются долгое время, потому что те люди не оказываются так искренни, как она».

Церковь знает еще поразительный пример немедленного перехода от греха к святости.

Знатная и очень богатая римлянка Агланда не вышла замуж, а отдала свою любовь своему рабу Вонифатию.

Несмотря на незаконную жизнь свою, они оба были набожны. А у Вонифатия, при склонности к разгулу и пьянству, были некоторые невидные, но ценные в очах Божиих добродетели. Он был сострадатель, не оставлял без помощи нуждающихся, давал приют странникам и всем рад был услужить. Сознавая, что живет нехорошо, он часто просил Бога помочь ему справиться со страстями.

В то время на Востоке шли гонения на христиан, и Агланда мечтала о том, чтоб достать мученические мощи, веруя, что их благодать поможет ей достичь спасения. Она рассказала о своей мечте Вонифатию и просила его съездить на Восток и привезти мощи одного из мучеников, который сделается их покровителем и руководителем.

Было ли то вдруг мелькнувшее в душе Вонифатия предчувствие, порыв к мученичеству, или только шутка, но на эти слова Агланды Вонифатий ответил:

— А что, госпожа, если я не найду мощей, а сам пострадаю за Христа, примешь ли ты мое тело с честью?

Агланду раздражил этот вопрос.

— Теперь не время для глумления, — ответила

она. — Ты отправляешься на великое дело. Мы не только коснуться мощей, но и глядеть на них недостойны. Иди с миром. Бог же ценою крови Своей да простит нам наши грехи и пошлет ангела Своего в путь с тобой.

Был снаряжен под начальством Вонифатия целый караван, вручено ему много золота, так как язычники по дорогой цене продавали тела замученных христиан. Были приготовлены благовония для умащения мощей, полотна и все нужное для обвития и перевозки их.

Все время пути Вонифатий был очень сосредоточен. Укоры совести мучили его. В ушах его звучали слова Агланды о том великом деле, исполнять которое он так недостойн. И, быть может, над ним витала застенная невысказываемая мечта...

Когда они приехали в богатый город Тарс, Вонифатий, отделившись от своих спутников, пошел на площадь, где мучили христиан. Смотри на страдания их и дивясь их терпению, он сам распалился жаждою мученичества, начал громко славить их, и сам был схвачен и после пыток двух дней замучен. При посещении его мечем, из него истекла кровь и молоко, и это чудо обратило ко Христу полторы тысячи язычников.

Не видя Вонифатия, спутники его думали, что он где-нибудь загулял, и поздно узнали о его славном конце. Они выкупили его тело, умастили его благовониями и повезли в Рим. Пред возвращением их ангел Божий явился Агланде и сказал: «Готовься принять того, кто раньше был твоим рабом, теперь же стал нашим братом и сослужителем. Прими того, кто раньше тебе служил, а теперь станет твоим господином. Почитай его всею душою, ибо он хранитель твоей души и защитник твоей жизни!..»

И встретила она Вонифатия, возвращавшегося к ней в святыне мученических мощей. В десяти верстах от Рима, на даче своей, Агланда воздвигла великолепный храм и поставила в нем мощи Вонифатия, от которых исходило множество чудес. Отрекшись от мира, раздав имение бедным, Агланда прожила еще 18 лет, стяжала дар чудес и положена рядом с Вонифатием... Память их празднуется в один день — 19 декабря... Ободряющая, утешительная повесть.

Мученику Вонифатию приписывают благодать избавления от пьянства.

Вот, еще потрясающий случай обращения к Богу одного из великих русских святых, преподобного Никиты Столпника, переяславского чудотворца.

Уроженец Переяславля-Залесского (ныне уездный город Владимирской губернии) преподобный Никита заведывал сбором податей в те годы, когда устройство многих городов требовало усиленных сборов. Сборщик Никита был безпощаден к народу не столько для князя, сколько для своей корысти: грабил бедных, теснил слабых, беззаконно наживался, и так прожил много лет. Однажды в церкви услышал он чтение из книги Исаии пророка: «измыйтесь и чисти будете, отымите лукавства от душ ваших...»

Поразили эти слова Никиту, не спал он от них всю ночь. Утром, чтоб развлечься, пригласил он к себе приятелей, а жене велел готовить обильный обед. Но, когда она заварила, то сперва увидела кровь на поверхности воды, потом разные члены человеческого тела. Бросилась она к мужу, привела его — он видит то же самое.

— Горе мне, много согрешившему, — сказал Ни-

кита, и ушел из дому. Он явился к игумену монастыря, прося принять его в обитель, а тот велел стоять ему три дня у врат. Никита сделал больше: он сел нагой в тростниковое болото, и его облепили комары и мошки. По нему текла кровь, а ему эта пытка казалась сладкой, заглушая внутреннюю боль от сознания того, как сам он сосал кровь людскую.

Никита отмаливал грехи свои в каменной шалке и веригах, и взмог для удручения плоти на столп. Он погиб мученически, в кровавой жизни своей омывшись своею кровью: его убили родственники, думая, что блестевший на нем вериги сделаны из драгоценного металла.

Вспомним обращение к Богу и совершенное ради Бога отвержение мира одним из величайших подвижников и иноков, преподобным Арсением Великим.

Одно имя его невольно напоминает нам полное уединение, обособление от людей. Ничем не развлекательный, сосредоточенной души, в никогда не перестающей молитве в ненарушимом молчании, что то суровое, всецело отрешившееся от земли, воспарившее еще в оболочке и в узах тела в небесную высоту к безплотным духам.

Арсений воистину отвергся от мира и от всего, что в мире. Вознесенный на высоту почестей, один из первых лиц Византийской империи, он изорвал своими руками, затоптал свое земное благополучие, как будто стремясь, за всякую минуту своего прежнего роскошного образа жизни, заплатить ценою вольного мучения.

Римлянин родом, родившийся в семье, блиставшей знатностью и богатством, он получил глубокое образование, которое было в нем еще возвышено его способностями и трудолюбием.

Слава о нем дошла до императора Феодосия Великого, и он призвал его в Константинополь, чтобы ему поручить воспитание его сыновей. Арсению в это время было всего двадцать девять лет.

Положение Арсения в Царьграде было совершенно исключительное. Он занимал место непосредственно после лиц императорского дома. Для поддержания своего достоинства или по любви к пышности, он был при дворе самым блистательным лицом, был богаче всех одет, имел роскошную обстановку. Он взял привычку сильно душировать себя самыми дорогими духами и держал у себя в доме тысячу слуг, богато одетых.

Достигнув высоты почестей, превосходя, быть может, всех людей в мире пышностью быта, Арсений не был счастлив и покоен. Он чувствовал, что его возвышение и его богатство были проходящими благами, что их придется покинуть вместе с жизнью, когда при нас остаются одни наши дела.

Благодать Божия начинала действовать в его сердце, и его пронимал страх за свою душу. Время от времени он на коленях в слезах умолял Бога открыть ему, что делать, чтобы спастись. Так молился он неотступно и, наконец, получил непосредственный ответ. Он услышал таинственный голос: «Арсений, бегай от общества людей, и ты спасешься».

После этого призыва Арсений не стал колебаться. Он решил разом порвать с привычною жизнью; тайно сел на корабль, отплывавший в Александрию, и из Александрии направился в суровую пустыню, скит, чтобы начать отшельническую жизнь. Ему было тогда сорок лет, значит, он провел при дворе одиннадцать годов.

В монастыре, где думал оставаться Арсений, он сразу был подвергнут тяжелому испытанию. Когда все иноки сели за трапезу, отшельник с братией не обратил на него ни малейшего внимания, и он один стоял у стены. Чрез некоторое время отшельник бросил ему хлеб, лежавший на столе, сказав с пренебрежением: «ешь, если хочешь».

Тогда Арсений стал на четверинки и, как зверь, подошел к тому месту, где он был брошен.

«Этот человек годен для монашеской жизни», — сказал отшельник.

В пустыне Арсению снова был голос: «Арсений, бегай людей, храни молчание и пребывай в покое — это первое, чего ты должен достичь, чтобы воздвигнуть здание своего спасения».

Он дошел до такого сосредоточения, что всякое посещение людское тяготило его. Святой Иоанн Дамаскин, ставший Арсения образцом для иноков своего времени, говорит:

«Вы, живущие в пустыне, помните об этом ангеле (так он называл Арсения) и обратите внимание на то, как он отстранялся от людей, приходивших посещать его в его уединении, как он даже избегал говорить с ними из боязни упустить свое духовное настроение, которое ему было дороже всяких отношений с людьми».

Он избегал разговоров, потому что боялся при разговоре впасть в какую-нибудь ошибку и выработал знаменитое изречение: «Я часто раскаивался в том, что говорил; но никогда не раскаивался в том, что промолчал».

Конечно, обращение к Богу человеческой души, которая раньше ходила вне путей закона Божьяго, или для которой Бог не был раньше единой целью жизни: такое обращение составляет настолько сокровенную историю человеческого существования, что она редко вполне обнажается при жизни. Но какая высочайшая поэзия скрыта в этих моментах...

Представьте себе всю сказочную роскошь Византийского двора и среди этой роскоши в годах почти юности достигшего величайшего для подданного земного величия, Арсения.

Кубок земной славы им был испит до дна. Роскошь, которою он себя окружал и которая была так велика, что казалась даже мало вероятною, была, быть может, последней ставкой, последним усилием, чтобы привязать себя к миру, испытать миг всепоглощающего, довлеющего душе, счастья...

Но нет, нет, душа тоскует. Душе тягостно среди условий этого широкого быта, и отовсюду из-под этой безумной роскоши выглядывает страшный глаз смерти. Все звуки роскошного пиршества заглушены доносящимся до слуха свистом косы, скашивающей все, что живет и красуется на земле.

К Нему, к Нему Одному Безконечному, среди общего стремления к крушению; к Нему, к Нему Единственному Неизменному, среди общей изменяемости людей и миров. Только Он наполнит пустоту той души, которая создана, чтобы вместить Его. Только Он утешит скорбь души, которая всегда будет тосковать без Него... И, все, что не напоминает о Нем — это все будет лишнее, это все пути на ногах, цепи, оковы валяющиеся невольников мира...

Со всем разом покончить, пренебречь, сократить до последней степени телесные потребности свои. Избрать пиршеством себе пост; во имя Его и тех, которые гибли за Него, жить отреченною жизнью,

принять на себя подвиг ежедневного, вольного мученичества: вот цель, вот путь.

И, в глубокой пещере, в одежде, хуже которой не было ни у одного инока, в суровом посте, до степени невообразимой сократив все свои потребности, Арсений чувствовал себя счастливее, чем на вершине земной славы в роскошных своих покоях среди роскошного Константинополя.

Так, божественный призыв способен изменить человеческую природу.

Вспомним русского подражателя Арсения Великого, святителя Филиппа, митрополита московского.

Происходя из знатного московского боярства, оный Феодор Колычев с детства был взят ко двору, и Государь — отрок Иоанн Четвертый, оказывал ему особенное расположение. Но знатность его рода, блестящий жизненный путь, богатство не удовлетворяли его. В те лета, когда знатная молодежь бывала уже отцами семейства, он был еще холост, точно боясь себя связать с миром неразрушимую связью.

И вот, на тридцатом году его жизни, когда в одно воскресное летнее утро, возгласили во время литургии слова Спасителя: «Никто же может двема господинами работати» — в этих словах он услышал последний Божий призыв среди давно совершавшейся в нем душевной работы. Он понял в тот миг, что нет ему выбора между миром и Богом. Или он должен увязнуть в мирских тенетах или разом порвать их и пойти за Христом.

И вот, тайно, в одежде простолюдина удаляется он из Москвы, чтобы скрыться незамеченным во время вероятных поисков, живет некоторое время среди крестьян у Онежского озера, потом является в Соловецкую обитель, где принимает на себя суровые работы: рубит дрова, копает в огороде землю, работает на мельнице и на рыбной ловле, чрез полтора года принимает постриг. После многих трудов выбран братнею в игумены, и чрез тридцать лет после своего бегства из Москвы возвращается в нее, чтобы вступить на митрополичий престол.

Всем известно безстрашное печалование митрополита Филиппа перед Иоанном Грозным за московский народ, закончившееся мученическою его смертью. Но едва ли не выше, чем это печалование, чем эта смерть, был его первоначальный подвиг и его вольное оставление мира для служения Богу в безвестности и унижении...

До сих пор мы говорили о переломе в жизни святых, о тех священных минутах, когда люди светлой жизни, не отдавшиеся еще Богу всецело, совершенно порвали с миром, чтобы все свои силы, помыслы, чувства направлять на служение одному своему Творцу.

Но сколько переломов менее поразительных совершалось и совершается в жизни людей обыкновенных, которые после такого перелома, если не пылают пред Богом ярким пламенем, как те великие, о которых только что было говорено, то начинают светиться перед Ним, как малые, тихие огоньки зажженных усердною рукою восковых свечей.

Как часто бывает, что человек во всем разуверится, жизнь в глазах его потеряла всякий смысл, ему некому довериться, во всех людях ему приходится видеть своих врагов, все мечты его поруганы, все иллюзии рушились... В жизни остается ему одно отчаяние, одни стоны и желание скорейшей развязки.

И вот, в эти минуты вспоминается ему забытый им великий Друг, Который только того и ждет, чтобы человек о Нем вспомнил. И человеку вспоминается Тот Сын Человеческий, Который ради него сошел с небес, родился в бедной пещере, понес жизненную тяготу и за новое учение Свое был распят, омыв его, отчаявшегося теперь человека, в потоке Своей чудотворной и животворящей крови.

Неужели изменит ему Тот, Кто за него умер? Неужели не поймет его Тот, Кто его создал? Неужели не ждет его и ответит ему холодностью Тот, Кто купил его такою ценою?.. И изстрадавшаяся душа с криком, в котором слышится и прощание с прежней, ничего не давшей и обманувшей жизнью, и приветствие новому счастливому существованию, бросается к ногам Христовым.

Конечно, нельзя не только описать, но даже приблизительно представить себе всех разнообразий этих обращений души человеческой к Богу. Такое обращение бывает всякий раз, когда человек чувствует в себе такое святое призвание, которое, как все благое, подсказывается человеку Духом Святым.

Лет десять тому назад умер в Англии доктор Барнардо, который получил трогательное имя «отца нищих детей». Будучи молодым студентом-медиком, доктор Барнардо встретился однажды с несколькими покинутыми малышами, которые рассказали ему, что, не имея пристанища, живут на лондонских крышах. Он приютил их в своей студенческой комнате и с помощью их разыскал других таких же детей.

Вид детского беспомощного горя маленьких человеческих существ, ведущих звериную жизнь, так потряс Барнардо, что он тут же решил отдать этим безприютным несчастным детям всю свою жизнь.

Сотни тысяч заброшенных, беспомощных детей прошли чрез руки Барнардо за его последующую жизнь. Не имея своего состояния, не имея субсидии от правительства, он собирал частными пожертвованиями громадные суммы для своих детей. Он посылал их в Америку, пристраивая их по фермам, и многие из них были усыновлены в Канаде и в настоящее время счастливые земельные собственники.

Из детей богатых классов он основал кружок юных сотрудников и убеждал их делиться их детскими деньгами с маленькими своими питомцами.

Его жизнь — одно из прекраснейших проявлений человеколюбия, которое блеснуло миру со времен Христа. Его жизнь есть оправдание человечеству за последний век. Так вот, та минута, когда Барнардо пожалел несчастных бездомных питомцев и дал себе в душе клятву служить им всю свою жизнь — была моментом его обращения к Богу.

Есть пословица, говорящая: «все приходит во время к тому, кто умеет ждать».

Благодать Божия всегда сторожит человека, и, как бы кто низко ни пал, несомненно, не раз на пространстве его жизни раздастся призывающий Божий глагол. Только бы уловить этот глагол, только бы внять ему и идти по велению его покорно туда, куда он указывает...

Говорят, что у всякого непременно человека бывают такие моменты в жизни, когда ему улыбается счастье, что у всякого бывает своя полоса удач, и люди с волею, с развитым характером умеют использовать эту минуту, схватить цепко представляющийся им счастливый случай и положить начало своему житейскому благополучию.

Преподобные Антоний и Феодосий Печерские.

Несомненно, еще вернее будет утверждать, что у всякого решительно человека в жизни бывают такие минуты, когда человека призывает Бог. Разница между святыми и грешными, между людьми большого благочестия и людьми, хотя и не преступными, но безразличными, состоит в том, что святые и праведники умеют этот момент использовать и с решимостью идти по тому пути, к которому их призывает Бог. Люди же духовно слабые или равнодушные — даже тогда, когда над ними прогремит этот Божий призыв, не внимают ему, уподобляясь тем ленивым людям, которые имеют спешные дела и, разбуженные во-время заботливыми помощниками, повертываются на другой бок, чтобы вновь предаться своей спячке.

Если бы проницательным взором рассмотреть жизнь человека, то мы увидели бы, что вся она

состоит из людских падений и постоянных Господних воззваний к падшему человеку. В какой бы греховной жизни ни погряз человек, как бы ни была ослаблена его воля: постоянно в жизни его выдаются такие минуты, когда он чувствует себя свежим, когда в нем пробуждается жажда чистой хорошей жизни.

Бывает так, что после ночи, проведенной в безумном угаре, человек поздним утром просыпается освеженным. Та грязь, в которую он по-горло погрузился, кажется ему отвратительной. В нем готовится решимость зажить иной жизнью, но эту светлую решимость он в себе поддержать не имеет силы.

В житиях святых есть одно замечательное сказание о покаянии человека, который, как это бывает со многими из нас, в детстве горячо веровал, никогда не терял этой веры, а потом до такой степени опустился в жизни, что впал в отчаяние, но был спасен Божиею благодатью, достиг великой святости и был удостоен дивных откровений.

Чудная повесть об этом человеке должна быть известна всякому христианину, — так много она дает душе отрады, так сильно ободрит человека, находящегося на дне отчаяния, в таких трогательных чертах свидетельствует о предстательстве за грешников Пресвятой Владычицы Богородицы.

Епископ Кипрский Нифонт происходил из знатного рода Малой Азии и с детства был поручен заботам одного воеводы, который был прислан из Царьграда императором Константином Великим. Этот воевода устроил мальчика у своей жены в Царьграде, чтобы дать ему возможность получить тщательное воспитание.

Нифонт был мальчик способный, кроткого и доброго нрава и любил ходить в церковь. Но беда его была в том, что он попал под влияние дурных товарищей, стал вести разсеянную жизнь, напивался до пьяну, объедался, привык к скверным разговорам о разных нечистых и темных делах, постоянно посещал представления скоморохов и ночи проводил в греховных удовольствиях. Все деньги, которые он получал от жены своего воспитателя, он тратил на этот дорого стоящий образ жизни, а потом стал прибегать к кражам.

Как человек с хорошей душой, он чувствовал, что живет неправильно, а постоянная возбужденность, в которой держали его страсти, необходимость добывать много денег, бессонные ночи — все это совершенно разстроило его нервы. Он со всеми ссорился, был крайне раздражителен и опускался все ниже и ниже, не только погибая сам, но вовлекая в эту гибель и других. Вот, что стало с юношей, который подавал лучшие надежды и еще недавно так умел славить Бога.

Один из его друзей, не отступавший от него, несмотря на его недостойную жизнь, Василий, старался уговорить его порвать с этою невозможною жизнью: «Что сделалось с тобой, Нифонт, — говорил он, — ты жив телом, а душой уже мертв, только твоя тень ходит среди людей».

И Нифонт не оправдывал себя. Он не сердился на приятеля, как бы делали это и другие в его положении, и во время этих бесед рыдал и оплакивал свои грехи. Сознание своей неправоты у него было, но не было силы себя побороть, и он откровенно говорил Василию:

— Моя судьба решена. Покаяния для меня уже

нет, и я осудил себя на гибель. Так пусть же я вполне наслажусь всем, что есть на земле сладкого.

Не отрицая Бога, чувствуя Его величие, Нифонт тем не менее совершенно не мог молиться. Какая-то ужасающая пустота была в его душе. Он не верил в то, что Бог может спасти его, и, действительно, считал себя совершенно погибшим.

Поведение Нифонта чрезвычайно огорчало его воспитательницу, которая уговаривала его, бранила, подвергала его даже наказаниям, но ничто не помогало. Но очевидно, что в Нифонте, и при всем его падении, было много хорошего и поэтому его не оставляли лучшие из его друзей.

Когда Нифонт однажды пришел к одному из таких друзей, Никодиму, то на лице Никодима выразился величайший ужас. Нифонт спросил друга, отчего он испугался, и тот признался, что лицо Нифонта кажется ему совершенно черным, как у эфиопа.

С глубоким стыдом шел Нифонт от друга. Ему хотелось закрыть лицо руками, чтобы никто не видал на нем следы страшных страстей.

— О, — говорил он себе, — каким покажусь я на страшном суде, когда тут на земле, где не обнажены все дела мои, я уже кажусь таким черным. Где ты, душа моя, возможно ли для меня покаяние, есть ли человек, который поможет мне в том! Как я воззову к Богу о помиловании?

Душа его жаждала молитвы, но искушающий помысел говорил:

— Если станешь на молитву, то сойдешь с ума, и люди тебя осмеют.

— Как, — возражал он сам себе, — неужели от молитвы со мною еще не случилось никакого зла. И, когда ночная мгла окутала землю и все в городе успокоилось, Нифонт встал с постели и, с плачем, ударяя себя в грудь, молил Бога о пощаде.

Он молился, обращаясь лицом к востоку, и вдруг он увидел себя окруженным густым мраком. В страхе, закрыв лицо руками, он лег на свою постель. Утром он пошел в церковь, где давно не бывал. Там увидел он икону Богородицы, и какая-то сила повлекла его к образу Пречистой Девы, взыскующей погибших, поручающейся за грешников. Все, что было в нем сил духа, все вложил он в один зов к Пречистой:

«Помилуй меня, Заступница христиан, обрадованная, чистая. Подыми меня, упование и надежда кающихся».

И тут для спасения души этого отчаявшегося грешника, совершилось великое чудо. Лик Богородицы просветился. Сладостная улыбка озарила очи Пречистой, и перед этим знаком небесного милосердия, оживая душою, Нифонт молился. И благодать лилась в истерзанную, несчастную, больную душу. Прикладываясь к иконе Богородицы, он думал: «вот как Бог любит нас, а мы сами бежим от Него! Какую Он нам дал, в Пречистой Своей Матери, дивную Заступницу, а мы Ее отвергаем!»

Вскоре он видел сон. Ему снился дьявол в виде одного отрока, товарища его прежней, распутной жизни. Этот отрок стоял перед ним печальный, и Нифонт спросил его:

— Что ты печалишься?

— Вот уже третий день, — отвечало ему видение, — как ты ходишь к моему другу, благочестивому Никодиму, и развратился. Я не могу перенести, что ты меня забыл.

Проснувшись, Нифонт понял, что непримиримый враг рода человеческого скорбит о его покаянии и, чтобы подкрепить свою волю, он пошел к образу Владычицы, столь памятному для него и молился перед этим образом, пока лик Пречистой не озарился улыбкой.

Богоматерь давно спустилась для Нифонта на землю, действуя на него чрез Свою икону. Если он совершал какой-нибудь грех, то во время его молитвы перед иконою Богоматерь с гневом и со строгим лицом отвертывалась от него. Когда он раскаивался и умолял Пречистую о прощении, пречистый лик озарялся улыбкой.

Он понял всю ту заботу, с которой Владычица следит за его исправлением и положил себе с тех пор всегда иметь на устах Ея пречистое имя. Ему случилось тяжело заболеть; и во время этой болезни после его молитвы об исцелении, он видел двух светлых жен, из которых одна была в царской багрянице и

держала в руках ветку маслины, а другая несла какой-то алавастр. Жена в багрянице произнесла — Посмотри, Анастасия, чем страдает этот юноша

— Он, Госпожа, страдает от невоздержанного своего языка. Он не переставал говорить, когда был здоров. И теперь Господь наказывает его, чтобы пощадить его будущее во веки. Бог очень любит его а потому и наказывает. А Ты, Госпожа, если хочешь, помоги ему.

После этого видения Нифонт был исцелен. А слова в видении о том, как много согрешает человек языком, всякий из нас должен запомнить.

Вот, как совершилось обращение Нифонта. Бог ждал этого обращения его, пошел ему навстречу, привлек его к Себе и утешил знамением. Как только Нифонт встал, чтобы помолиться Ему, Господня благодать облобызала и окрылила его и, в лице Своей Матери Пречистой, Господь послал Нифонту покров и утешение.

(продолжение следует)

Христос Воскрес!

О этот звон — пасхальный красный звон!
Как много он тому напоминает,
Как много чувств забытых будит он
Для тех, чьей жизни вечер наступает...
Он говорит: «Весна твоя цвела,
Был пышен май, и лето было знойно,
Была и осень ранняя светла;
Встречай зиму грядущую спокойно!
Льды холодны, безжизненны снега,—
Но не страшись зимы оцепененья:
Смерть вводит жизнь в немые берега,
Но там — за ними — ждет нас воскресенье.
За ними — твердь безоблачных небес,
Которым чужды наши все печали...
Воскрес Христос!.. Воистину воскрес
Он для того, чтоб все мы воскресали...
Смерть не страшна: за нею — вечный свет
Нас озарит под новым небосклоном.
Здесь — наш закат, а там? А там — рассвет
С немолкнущим воскресным перезвоном.
Жизнь коротка, как мимолетный сон,
Минует сон — настанет пробужденье!..
О этот звон — пасхальный красный звон —
В святую ночь Христова воскресенья!
Ведь вместе с ним в наш мир весна идет,
Подснежником надежда расцветает,
Вновь сердце верит, что скорбей всех лед
В лучах любви Божественной растает.

Аполлон Коринфский

На страстной неделе

Жених в полуночи грядет!
Но где же раб Его блаженный,
Кого Он бдящего найдет?
И кто с лампадою возженной
На брачный пир войдет за Ним?
В ком света тьма не поглотила?
О, да исправится, как дым
Благоуханного кадила
Моя молитва пред Тобой!
Я с безутешною тоской
В слезах взираю издалека
И своего не смею ока
Воздеть к чертогу Твоему.
Где одеяния возьму?
О, Боже! Просвети одежду
Души истерзанной моей;
Дай на спасенье мне надежду
Во дни святых Твоих Страстей.
Услышь, Господь, мои моления
И тайной вечера Твоей
И всечестного омовенья
Прими причастника меня.
Врагам не выдам тайны я,
Вспомануть не дам Иуду
Тебе в лобзании моем,—
Но за разбойником я буду
Перед святым Твоим крестом
Взывать коленапреклоненный
О, помяни, Творец вселенной,
Меня во царствии Твоем!

*К. Р. (Великий князь
Константин Константинович)*